

Антон Грановский Война демонов

Гиблое место – 3

Антон Грановский Война демонов

*Юлии, которая первой прочла эту книгу
и нашла ее интересной.*

Пусть исполнится то, что задумано.
«СТАЛКЕР»

Глава первая

1

В крохотный квадрат окна под потолком лился солнечный свет. Светлее, однако, в подземелье от этого почти не делалось. На плотно утопанном земляном полу, покрытом полусгнившей соломой, лежали, закутавшись в рванье, люди.

Все они были похожи, и лишь один отличался от прочих. Он был намного крупнее других узников, крепок и мускулист, как бык, а его огромная плешивая голова была увенчана двумя огромными шишками, похожими на рога. Одет он был так же, как другие, – в грязное тряпье.

По углам подземелья поблескивала наледь. Узники спали. Из их приоткрытых чахоточных ртов вырывался белый парок. Кто-то постанывал во сне, кто-то кашлял, кто-то стучал зубами от холода.

Бычеголовому полонцу, казалось, приходилось тяжелее, чем другим. Меж дыр в его рубище проглядывала окровавленная кожа. Голова была покрыта глубокими, едва запекшимися ссадинами. Дрожал он беспрестанно, да так, что все подземелье ходило ходуном.

Один из полонцев, лысый, со впалыми щеками, уселся на полу, посмотрел на Бычеголова и проговорил:

– Эй, паря, будешь так клацать зубами, они у тебя отвалятся.

Бычеголов не ответил. Лысый узник поднялся с земляного пола и, пошатываясь, подошел к Бычеголову. Присел рядом, вгляделся в его лицо.

– Э, парень... Да ты, я вижу, совсем плох.

Бычеголов не ответил и на этот раз. Лысый вздохнул и, немного поколебавшись, стянул с себя дырявый суконный плащ.

– На-ка вот, согрейся. – Он укрыл Бычеголова плащом.

Другой узник поднял голову, поскреб грязными пальцами щеку и недовольно спросил:

– Пошто с нелюдем теплом делишься, Довгуш?

– Недолго ему осталось, – ответил невысокий. – Кончается ведь.

– Он еще нас с тобой переживет. Гляди, какой здоровый.

Невысокий Довгуш хмыкнул и покачал головой:

– Ты, Паркун, видать, недолго в подземелье-то. Здоровые, они раньше других кончаются. Это мы с тобой, как мышки малые, нам зернышко брось – мы и сыты, лоскутком укрой – мы и согреты. А этакому верзиле без хорошего куска мяса и недели не протянуть.

Лязгнул железный засов, и дубовая дверь распахнулась. В подземелье, пригнувшись, чтобы не расшибить головы о притолоку, вошли трое охоронцев.

– Который тут урод?! – рявкнул один из них.

– Да вон он, – кивнул на Бычеголова Паркун.

Охоронцы подошли к нелюду, подхватили его под мышки и потащили к выходу.

– Куда вы его? – спросил Довгуш.

– На кудыкину гору, – мрачно ответил охоронец и захлопнул дверь.

* * *

– А ну-ка, Дранный, вжарь ему еще десяточек!

Дранный был кат опытный, бил толково, с оттяжкой. На десятом ударе сморился и вытер потное лицо тряпкой.

– Уф-ф... Умаялся совсем. Здоровый бык. Такого плетью не перешибешь.

Бычеголов висел на дубовых подлокотках, не произнося ни слова.

– Слышь, нелюдь! – окликнул его княжий дознаватель. – Как тебя там... Бычеголов! Для тебя, я чай, наша плеть – навроде щекотки? Можь, тебя чем другим пощекотать, а?

Кат прищурил раскосые глаза, оглядел изорванную в клочья спину Бычеголова и небрежно осведомился:

– Что, ежель ему спину водкой взбрызнуть?

– Водкой? – Дознаватель хмыкнул. – Жирновато будет. Водка – продукт дорогой.

– Зато развлечемся. Говорю тебе – весело будет.

– Это ты так говоришь, потому что водка моя. А была бы твоя, только б я ее и видел.

Дранный хохотнул:

– Верно. У меня б не застоялась.

Спина Бычеголова была сплошь иссечена железным оконечником плети. Под ногами у нелюдя набралась целая лужица вязкой, темной крови.

– Кровь-то его собери, – сказал дознаватель, – зря же пропадет.

Кат взял со стола специальную, вбористую, как губка, тряпицу, нагнулся и тщательно промокнул кровь Бычеголова. Затем выпрямился и выжал кровь из тряпицы в глиняную кубышку.

– Ну вот! – засмеялся дознаватель. – Крови, что в кубышке, тебе на дюжину кувшинчиков водки хватит! А ежели у барышников, то и того больше.

Дранный внимательно посмотрел на дознавателя, облизнул губы толстым языком и мрачно проговорил:

– А я, слышь, у барыг-то не покупаю. Я княжки указы чту.

Дознаватель согнал улыбку с лица.

– Я тоже, – дрогнувшим голосом произнес. – А это я только так... шутки ради сказал.

– Шутки? – Кат прищурил глаза. – Гляди, дошутишься.

Дознаватель слегка побледнел.

– Что ты, Дранный, – поспешно проговорил он. – Нешто я из противленцев?

– А кто тебя знает? – с угрюмой насмешливостью ответил кат. – Кабы подтянуть тебя чуток на дыбке, вот тогда бы правду и сказал.

Дознаватель побледнел еще больше. Он попробовал улыбнуться, но улыбка его вышла кислой.

– Какой ты, право, смешной, – сдавленно проговорил он. – Городишь, сам не знаешь что. Ну, хочешь, я тебе водки налью? Сам попробуешь.

– Что ж, налей.

Дознаватель достал из кармана маленькую крынку, пододвинул к себе оловянный стаканчик, стоявший на столе, и плеснул туда водки из крынки.

– Чего жмешься? – хмуро усмехнулся Дранный. – Барышья водка-то?

– Тьфу на тебя! – Дознаватель плеснул еще немного. – Столько хватит?

– До краев, говорю, лей.

Дознаватель вздохнул:

– Супостат ты, супостат... Разорить меня решил?

Однако водки долил. Дранный взял стаканчик, набрал немного водки в рот, повернулся к Бычеголову и, надув щеки, выплюнул фонтан водки на окровавленную спину уроды.

Бычеголов дернулся, но не застонал и не зашипел.

– Это ему, как нам с тобой дождичек, – заметил дознаватель. – Зря только водку перевел.

Кат выплеснул в рот остатки водки и передернулся.

– Эй, нелюдь! – окликнул он. – А что, ежели я тебе эту водку в одно место впрысну и лучинку горящую поднесу? Тоже молчать будешь?

И вдруг Бычеголов дернулся в цепях. Мышцы его вздулись, из глотки вырвался натужный хрип. Кат удивленно вскинул брови и отвел руку для удара, но тут железная цепь лопнула.

Бычеголов сбросил с себя оковы, схватил ката за голову и с хрустом свернул ему шею. Отшвырнул от себя обмякшее тело и, пригнув рогатую голову, двинулся на обомлевшего дознавателя. По пути он сгреб со стола кувшин со своей кровью и сунул его в лицо изумленному и растерявшемуся дознавателю.

– Пей! – рявкнул Бычеголов.

– Н-не могу, – проскулил дознаватель, с ужасом глядя на кувшин.

– Пей – убью.

Дознаватель поднес кувшин к губам и послушно отхлебнул. Сморщился, но грубого слова сказать не посмел. Бычеголов усмехнулся.

– Ты – упырь, – пробасил он. – Кровь пьешь. Скажи это!

– Я упырь, – слабо пробормотал дознаватель.

Бычеголов прищурил глаза:

– А что делают с упырями?

– Убивают, – выдохнул дознаватель. Лицо его сморщилось, и он плаксиво проговорил: – Пожалей, прошу...

Бычеголов схватил дознавателя за тощие плечи, выдернул его из-за стола и с силой швырнул об стену. Раздался хруст ломающихся костей, и мертвое тело рухнуло на земляной пол.

Бычеголов плюнул на труп, повернулся и вышел из пыточной палаты.

Навстречу Бычеголову вышли два охоронца. Бычеголов, не останавливаясь, схватил их за волосы и хрястнул друг об друга головами, потом отбросил в стороны и, не оглядываясь,

двинулся дальше по коридору.

Из-за угла вывернул еще один вооруженный ратник – Бычеголов молниеносно схватил врага пальцами за шею и вырвал ему кадык.

Свернув за угол, нелюдь увидел трех ратников, все трое при мечах, а у одного в руках еще и бердыш. Бычеголов пригнул голову и устремился на них. Бедолаги не успели даже вынуть из ножен мечи. Одному из них Бычеголов расшиб лбом лицо, а двум другим сломал черепа ударами своих крепких и тяжелых, будто кузнечные молоты, кулаков.

Минуту спустя Бычеголов вышел из темницы, остановился и вгляделся в темноту.

– Диона! – негромко позвал он.

Из-за дерева выступила стройная темноволосая девушка в меховой охотничьей куртке.

– Как все прошло? – тихо спросила она на языке нелюди.

– Нормально, – ответил Бычеголов.

– Ключ добыл?

– Да.

Бычеголов протянул ей связку ключей.

– Молодец. – Девушка спрятала ключи в карман меховой куртки, встала на цыпочки и поцеловала уroda в бугристую, окровавленную щеку.

Бычеголов хотел обнять девушку, но она отстранилась.

– Не сейчас. Сильно они тебя помяли?

– Нет, – прогудел он. – Отлежусь денек и буду в порядке.

– Хорошо. А теперь пора уходить!

Девушка повернулась и быстро зашагала к деревьям. Вдохнув полной грудью бодрящий воздух воли, Бычеголов тихо рассмеялся, затем быстро нагнал девушку, и вскоре они растворились в темноте.

2

В комнате царил полумрак. Угольки зажженной лучины с шипением падали со святцев в воду. Глеб Орлов наполнил оловянный стаканчик, взял его нетвердой рукой, раскрыл рот и залпом выпил.

Позади раздался шорох. Глеб обернулся. В углу комнаты он увидел темный силуэт. Глеб молниеносно схватил со стола кинжал и хрипло спросил:

– Ты кто?

– И долго еще ты намерен пьянствовать? – осведомился знакомый голос.

Тень вышла из угла, и в тусклом свете лучин глазам Глеба предстал охотник Громол. Худощавое спокойное лицо, длинные, с проседью, волосы, меховая охотничья куртка и меч-всеруб на поясе.

– Громол! – Глеб тряхнул головой. – Откуда ты взялся, дружище?

– Я должен был прийти, и я пришел, – ответил охотник. – А ты, я вижу, здорово надрался.

– Я? Да нет. Просто немного выпил.

Громол вгляделся в осунувшееся лицо Глеба и нахмурился.

– Тебе стоит пореже это делать, – сказал он.

Глеб усмехнулся.

– Жизнь – это болезнь, – изрек он назидательно. – А водка – анестезия. Выпьешь со мной? Ах, прости – ты ведь призрак, а призраки не пьют. Присаживайся!

Глеб хлопнул ладонью по скамье.

Громол сел. Посмотрел на Глеба тяжелым взглядом и сказал:

– Грядут страшные события, Первоход.

– Что еще за события?

Громол помолчал, словно раздумывая, стоит ли посвящать ходока-пьяницу в

сокровенные тайны Гиблого места, затем вздохнул и сказал:

– Ты знаешь, что случилось с Лагиным?

– Ты про ученого мужа? – Глеб помрачнел. – Он был моим заказчиком. Хотел сделать из железа золото и одарить им всех. Я отвел его в Гиблое место, но не смог вывести обратно.

– Как это случилось?

– Он исчез. Мы остановились на ночлег, разожгли костры, расставили вокруг лагеря дозорные рогатки. Ты знаешь, я всегда отношусь к делу ответственно. Но в ту ночь я очень сильно устал. Схватка с колдуном Осьмием измотала меня. – Глеб поморщился. – Не знаю, что произошло... Только, когда я проснулся, Лагина возле костра уже не было. А почему ты о нем спрашиваешь?

– Меня мучают видения. И все они связаны с Лагиным.

Глеб ухмыльнулся:

– У призраков бывают видения?

– Я не призрак. Все гораздо сложнее, чем ты думаешь.

– Может, расскажешь?

Громол качнул головой:

– Нет. Не могу. Когда-нибудь, но не сейчас.

– Почему?

– Ты еще не готов к этому знанию. Давай вернемся к нашему разговору. В моих видениях есть не только Лагин. Есть там и Диона.

Глеб повернулся к кувшину с водкой и задумчиво на него посмотрел.

– Диона? – хрипло пробормотал он.

Громол кивнул:

– Да. Она что-то задумала, Глеб. С тех пор, как ты отдал ее нелюдям, она сильно изменилась.

– Я отдал ее нелюдям, чтобы они исцелили ее от смертельного недуга, – угрюмо проговорил Глеб. – И потом, Диона сама нелюдь. Она предвидит будущее и умеет читать мысли. И подозреваю, что это еще не все.

– Она что-то замыслила, – повторил Громол. – В моих видениях она стоит посреди огромной выжженной пустыни. А за спиной у нее – крылатая тень. И у этой тени... – Охотник осекся, будто слова застряли у него в горле, но сделал над собой усилие и договорил: – У этой тени голова Лагина.

Глеб взглянул на Громола изумленным взглядом.

– Лагин не мог выжить в Гиблом месте, – сказал он твердо. – А что касается Дионы, то думаю, ты преувеличиваешь. Выжженная пустыня... – Глеб пожал плечами. – Это слишком даже для нее.

Громол помолчал. А когда снова заговорил, голос его зазвучал глухо и негромко:

– В Гиблой чащобе есть одно место. Страшное место. Нелюди зовут его Святилище Нуарана.

– У нелюдей есть свое святилище? – вскинул брови Глеб. – Забавно. И кто такой этот Нуаран? Какой-нибудь рогатый, трехголовый бог мутантов?

– Я так же, как и ты, многого не знаю, – ответил Громол. – Но послушай то, что я знаю точно...

И Громол стал рассказывать. По мере рассказа лицо Глеба вытягивалось все сильнее. Когда охотник закончил, Глеб тихо проговорил:

– Странные вещи ты мне рассказал, Громол. Чего же ты хочешь от меня?

– Я не могу действовать в вашем мире, Глеб. Не могу, ибо принадлежу иному.

– Да-да, я помню, – кивнул Глеб. – Туннель света, голоса умерших родных, и все такое... Ты – призрак. Дух. А то, что я с тобой разговариваю, свидетельствует лишь о том, что я свихнулся или допил до «белочки». Одного не понимаю, что я-то могу сделать?

Громол сунул левую руку в широкий карман охотничьей куртки и сказал:

– Я хочу тебе кое-что дать. Но будь с этой вещью осторожнее. Она способна погубить

тебя.

– В ваших диких краях человека способна погубить любая вещь, – мрачно изрек Глеб, глядя на карман охотника. – Доставай уже, не томи.

– Хорошо. – Охотник Громол чуть прищурил серые, спокойные глаза и вынул руку из кармана.

Глеб уставился на его руку и спросил:

– И что там такое?

– То, что убьет многих, – мрачно ответил Громол и вдруг выхватил из ножен кинжал и с размаху взрезал Глебу бедро.

– Черт! – вскрикнул Глеб, отшатнувшись. – Ты что, рехнулся?! Что это значит?!

Охотник отложил кинжал и быстро сжал пальцами края свежей раны.

– Ты должен кое-что сделать, Первоход, – сказал он, глядя Глебу в глаза. Затем поднес к его лицу левую ладонь. На ладони лежал маленький серый предмет размером чуть меньше горошины.

– Что это за дрянь? – морщась от боли, спросил Глеб.

Громол улыбнулся и спокойно проговорил:

– Это наше спасение. Или – наша гибель.

3

Порочный град жил своей развеселой жизнью. Отстроенный близ границы Гиблого места, был он настоящей отдушиной для купцов, богатых землепашцев да богатых мастеровых, которые стекались сюда со всего княжества, чтобы забыть о ярме княжских законов и тяготах ежедневной жизни.

Княжьи указы в Порочном граде не действовали. В обмен на такую вольность отцы-основатели Порочного града платили князю богатую дань, отдавая ему едва ли не четвертую часть всего дохода. А доход был немалый.

Два купца, сидевшие в главном кружале, воздух которого был пропитан винными, квасными и водочными парами, прибыли в Порочный град издалека.

Один из них, прокопченный и широколицый, как степняк, по прозвищу Чернява, бывал тут и раньше. А второй – белобрысый Мелидух – попал в Порочный град впервые. Попивая водку, Мелидух то и дело таращился по сторонам водянистыми глазами и покачивал головой, удивляясь тому, что видел вокруг. А посмотреть было на что.

На одном из деревянных помостов танцевала, вихляя полными бедрами, полуголая баба с тремя грудями. Мелидух уже слышал, что уродов привозят сюда из Кишень-града, в котором обитают лишь призраки да нелюди. Но сам видел уродку-нелюдя впервые.

– Слышь-ка, Чернява, – тихо заговорил Мелидух, – а что, тут и впрямь можно побаловать с девкой-нелюдью?

Опытный Чернява лукаво прищурился.

– Отчего ж нельзя – можно. Тут для этого дела комнатки особые есть.

– И как? – спросил, краснея, Мелидух. – Случалось тебе с нелюдью... того?

Чернява покачал головой:

– Нет, друг. Боюсь я их. Они только с виду как простые бабы. А стянешь с них рубахи – то три титьки, то четыре руки. А то девка как девка, но раскроет пасть, а там – гадючий язык! – Чернява вздохнул: – Не по мне такое баловство, друг. А ты, коли хошь, попробуй.

Белобрысый Мелидух смущенно заерзал на скамье.

– Хорошая вещь водка, – сменил он тему разговора. – Отчего это, интересно, у нас в княжестве ее не продают?

– Бава Прибыток никому ее секрет не рассказывает. Чтобы только тут пить можно было.

– Бава тут всему хозяин?

Чернява кивнул:

– Угу. Он и другой торговый человек – Крысун. Самые богатые купцы в нашем

княжестве.

Мелидух увидел, что к деревянной стойке кружала подошел парень и уселся на скамью. Вид у него был странный. Вместо кафтана – меховая куртка. Вместо яловых сапог – ичиги. На широком кожаном поясе – меч, кинжал и сумка с торчащей из нее деревяшкой. Волосы длинные, борода – короткая, обстриженная, а взгляд – тяжелый и недобрый.

– Это кто ж такой будет? – спросил Мелидух у Чернявы.

Тот глянул на парня и прищурил черные хазарские глаза.

– А ты не знаешь?

Мелидух покачал белобрысой головой:

– Нет.

– Сразу видать, что ты тут впервой. Это Глеб-Первоход. Пять лет назад он пришел в Хлынь неведомо откуда. Князь полонил его и бросил в подземелье. А потом дочка князя захворала, и ей понадобилась пробуди-трава из Гиблого места. Князь отправил туда Глеба. Вот с тех пор его и кличут Первоходом. Оттого, что он первый прошел все Гиблое место.

Мелидух взглянул на парня с еще бо́льшим интересом. Поглазел-поглазел, а потом снова погладел на Черняву и спросил:

– Я слышал, нынче в Гиблое место многие ходят?

– Точно, – кивнул Чернява. – Но не сами, а с ходоками.

– А ходоки – это кто?

– Те, которые людей в Гиблое место водят.

– А зачем водят-то?

– Известно зачем – за кудесными вещами. Сказывают, тыщу лет назад с неба на землю упал бог. Теперь там Гиблое место, а на нем – множество кудесных вещей. Пойдешь туда без ходока – назад не воротишься. Да и с ходоком сгинуть можешь.

Мелидух обдумал слова Чернявы и предположил:

– Я чай, ходоки-то золото лопатой гребут?

– За то, что людей в Гиблое место водят? – Чернява пожал плечами. – Да не шибко. Они больше на нечисти зарабатывают.

– Это как?

– Да так. Ловят в Гиблом месте нечисть – оборотней, упырей, нелюдей – да в Порочный град привозят. Продают Баве Прибытку и Крысуну, а доход – себе в карман.

– Состоятельные, стало быть, люди, – решил Мелидух. – А этот Глеб-Первоход – он небось самый богатый из них?

– Не знаю. Меня самого в Гиблое место никаким калачом не заташили бы. Да и Первоход уже с полгода людей в Гиблое место не водит. Поговаривают, живет на выселках и землю возделывает.

– Видать, не принесло ему Гиблое место богатства?

– Видать, так.

Купцы поухмылялись. Тем временем на один из деревянных помостов опустилась железная клетка. Народец вокруг пришел в возбуждение, мужики заревели, заорали, загоготали и затопали ногами.

Где-то что-то громынуло, и на помост выскочил зверь. Это было настоящее чудище, ростом больше самой большой собаки, а вместо собачьей морды у него было черное человеческое лицо.

– Это что ж за страшилище? – севшим от страха голосом спросил Мелидух.

– Волколак, – ответил Чернява.

И снова что-то громынуло. На помост выбежало второе чудовище. Оно было похоже на человека и двигалось на двух ногах.

– А это? – не веря своим глазам, спросил Мелидух.

– Нелюдь, – коротко ответил Чернява.

– И таких вот чудовищ ловят в Гиблом месте ходоки?

– Угу.

– Теперь я понимаю, почему Глеб-Первоход бросил свое ремесло и сделался землепашцем.

Лицо у нелюдя было красное и круглое, как закатное солнце, а на нем во все стороны торчали жесткие волосы. Голые красные руки нелюдя поросли такими же волосами и были толсты, как бревна.

– С виду совсем как человек, – заметил Мелидух. – Но уж больно страшен да здоров.

Чернява усмехнулся:

– Да. Нелюдь крепкий. Раньше таких и поймать было нельзя, а теперь, вишь, научились.

На помосте завязалась драка. Нелюдь увернулся от клыков прыгнувшего волколака, упал на пол и всадил волколаку в брюхо нож-косарь. Волколак пробежал еще несколько шагов, и по деревянному настилу за ним потянулась широкая красная полоса крови. Ткнувшись башкой в прутья клетки, волколак попробовал повернуться, но не смог. Жизнь стремительно вытекала из него вместе с кровью.

Нелюдь пошел к волколаку, чтобы добить его, но вдруг изменил направление и бросился на стену клетки. От мощного удара два прутка вылетели из деревянной балки.

Белокурый купец Мелидух, сидевший ближе всех к клетке, завопил и вскочил с места. Но нелюдь оказался расторопнее, одним прыжком настиг он купца и вонзил ему в шею нож-косарь. Брызнувшая струя крови окатила нелюдя.

Собеседник белокурого – смуглый Чернява – откинул лавку и рванулся к двери, но нелюдь поспел и тут. Одним прыжком урод догнал его, воткнул ему нож в поясницу и с хрустом провернул лезвие. Затем стряхнул купца с ножа, словно убитую крысу, и устремился на вопящих от ужаса, сбившихся в кучу посетителей.

С другой стороны зала тоже слышались вопли. Недобитый волколак, воспользовавшись суматохой, выбрался через дыру в клетке и набросился на княжьего писаря, толстенького мужичка с безбородым, отечным лицом.

В зале поднялась жуткая суматоха. Люди кричали и толкались, пытаясь пробраться к двери, а нелюдь с холодным спокойствием прыгал из стороны в сторону и наносил удары направо и налево.

Но вдруг что-то громыхнуло, и волколак свалился на пол с разлетевшейся на куски головой.

– Эй, нелюдь! – крикнул зычный голос. – Стой где стоишь!

Урод остановился, держа в руке окровавленный нож-косарь, и взглянул на человека, стоявшего на столе с ольстрой в руке и целящегося ему в грудь.

– Первоход! – выдохнул нелюдь.

– Брось нож, или я продырявлю тебе башку! – сказал Первоход и прицелился нелюдю в уродливую голову.

Дюжие охоронцы повалили нелюдя на пол и стали заламывать ему руки. Но он вдруг стряхнул охоронцев и вскочил на ноги. Затем шагнул к Глебу и хрипло проговорил:

– Первоход, я искал тебя...

Громыхнул выстрел. Нелюдь рухнул на пол с простреленной грудью, но снова попытался подняться. Глеб спрыгнул со стола, наступил уроду ногой на грудь и приставил дуло ольстры к его голове.

– Лучше не пытайся, – посоветовал он.

Нелюдь уставился на Глеба выпуклыми, налитыми кровью глазами и хрипло проговорил:

– Останови... – Он шумно сглотнул слюну и повторил: – Останови ее...

– Что? – не понял Глеб.

– Уйди, Первоход, – пробасил подоспевший начальник охоронцев. – Дальше мы сами.

Глеб опустил ольстру и отошел, позволяя охоронцам поднять нелюдя и оттащить его в загон.

– Останови ее... – надсадно прохрипел урод, ловя взглядом глаза Глеба. – Останови...

Только ты сможешь...

– Кого? – нервно спросил Глеб. – Кого я должен остановить?

Нелюдь хрипло вздохнул, дернулся пару раз на руках у охоронцев и замер.

– Готов, – сказал один из них.

– Сдох, скотина, – подтвердил второй.

Глеб отвернулся и зашагал к деревянной стойке.

Специальные люди быстро вынесли из кружала тела убитых нелюдем купцов и растерзанного волколаком писаря, другие перевязали раненым гостям царапины и ссадины, а третьи замыли на полу кровь.

Охоронцы принесли новую клетку, а Бава Прибыток объявил, что всю ночь гости кружала будут пить за его счет. Не прошло и получаса, как веселье в кружале пошло прежним чередом.

4

Глеб поставил кружку на деревянную стойку и бросил в рот несколько соленых сухариков.

Приближение Бавы Прибытка он почувствовал спиной. За несколько лет регулярных путешествий в Гиблое место Глеб научился чувствовать опасность по напряжению шеи и того места, что расположено между лопаток.

Бава со своими псами-охоронцами встал рядом и сухо проговорил:

– Ну, здравствуй, Глеб-Первоход.

– Здравствуй и ты, купец Бава, – ответил Глеб, не поворачивая головы.

Он взял с деревянной стойки кружку и отхлебнул холодного пива.

Бава подождал, пока он выпьет, после чего спросил:

– Зачем пришел, Первоход?

Глеб покосился на купца и уточнил:

– А тебе что-то не нравится, Бава?

– Где ты, там беда, – ответил Бава недовольным голосом. – Стоило тебе появиться, и нечисть учинила резню.

– Хочешь сказать, что это я выпустил уродов из клетки? А может, это я купил для клетки гнилые балки? Жадность тебя когда-нибудь погубит, Бава.

Спина и шея Глеба снова напряглись. Он не смотрел на охоронцев Бавы, но точно знал, где они стоят и как себя поведут, ежели Бава отдаст им приказ атаковать. Хотя на это Бава Прибыток, скорее всего, не решится. Не в его это интересах. И не в его правилах.

Немного помолчав, хозяин Порочного града примирительно проговорил:

– Ладно, Глеб, не держи на меня зла. Я сегодня с утра не в духе. А тут еще это. Пей, гуляй, веселись. А как нагуляешься, приходи ко мне в контору. Может, найду для тебя работу.

Он хотел идти, но заметил, что в кружке у Глеба не водка.

– Ты перешел на пиво? – удивленно спросил купец. – Неужели на водку нет денег? Озар, налей ему стакан водки за счет заведения.

– Не стоит, – сказал Глеб.

– Что?

– Я больше не пью водку, Бава.

– Как так?

Глеб усмехнулся.

– Решил заняться своим здоровьем. Шейпинг, диета, бег трусцой... В общем, ты понимаешь. – Он подмигнул Баве и вновь приложился к кружке.

Бава недоуменно сдвинул брови. Потом усмехнулся.

– Никогда не мог понять твои шутки, ходок. Ладно. Наслаждайся вечеринкой.

Хозяин кружала дал знак охоронцам, повернулся и зашагал обратно через зал.

Охоронцы, как хорошо вымуштрованные псы, побежали за ним, свирепо и подозрительно оглядывая публику.

Глеб отхлебнул пива, поставил кружку на деревянную стойку, сгреб из тарелки горстку соленых сухариков и забросил их в рот.

После последнего похода в Гиблое место он уехал подальше от Порочного града и полгода жил анахоретом, постреливая в лесах дичь, попивая водку и приводя нервы в порядок.

Из последнего похода в Гиблое место Глеб вернулся без своего заказчика. Ученый муж Тимофей Лагин, прибывший не то из Моравии, не то из Болгарии, сгинул в чашобе. Мечтал Лагин научиться делать золото из железа. И где он теперь – одному лешему известно.

Глеб поднял кружку и выпил глоток пива за Лагина.

Пожевывая соленый сухарик, он вновь вспомнил про последний поход. Колдун Осьмий, которого Глеб разыскал в Гиблом месте, обещал Глебу вернуть его домой, в родной двадцать первый век. Но вместо этого погрузил в сон, столь реальный, что Глеб не сразу сообразил, что спит. Только помощь высших сил помогла Глебу проснуться и прикончить страшного колдуна.

Пусть теперь черти жарят его в аду!

Глеб поднял кружку и выпил глоток за это.

И снова Глеб вспомнил про алхимика Лагина. Совесть Первохода была беспокойна. Для опытного ходока нет ничего хуже, чем не вывести заказчика из Гиблого места. Хорошо хоть приبلудших бродяг – мальчишку и старика – вывел целыми и невредимыми.

Глеб отпил глоток пива за их здоровье.

Думал, на душе станет спокойнее, но не помогло. В сердце снова засаднила тупая игла. Теперь он думал о Дионе. В последнем походе девушка-нелюдь здорово помогла им. А он, вместо благодарности, вернул ее сородичам, от которых она сама сбежала год назад.

Глеб сжал пятерней кувшин с прохладным пивом и угрюмо пробормотал:

– Мутантка должна жить с мутантами. Я поступил правильно.

Он снова наполнил пивом кружку. Выпил, поднял взгляд на целовальника и окликнул:

– Озар! Еще кувшин и закуску!

Бородатый верзила кивнул и нагнулся к погребку с ледником. Несмотря на мощные габариты, Озар был расторопен: не прошло и минуты, а перед Глебом уже стояла тарелка с вяленой рыбой и другая – с маринованным в уксусе луком.

Затем Озар достал с ледника кувшин с пивом.

– Как твой племяш? – поинтересовался Глеб. – Все еще хочет стать ходоком?

Озар покачал головой:

– Нет.

– Что так?

– Его переубедили.

– Кто?

– Нашлись добрые люди.

Озар взял мокрый оловянный стаканчик и принялся протирать его перекинутым через плечо полотенцем. Глеб посмотрел, как он протирает, и насмешливо спросил:

– Парень, наверно, расстроился?

– Ничего, – продолжая протирать стаканчик, ответил Озар. – Здоровее будет, да и проживет дольше.

– Это верно, – согласился Глеб. – Ходоки долго не живут. За тебя, здоровяк!

И Глеб приложился к кружке. Пиво приятной прохладной волной пробежало по пищеводу.

– Кузнец Вакар давно к вам не приезжал? – спросил он у Озара.

Тот на мгновение остановился, затем метнул на Глеба быстрый взгляд и тихо спросил:

– А ты ничего не знаешь?

– А что я должен знать?

– Нету больше кузнеца. Нелюдь вышла из леса, схватила Вакара и утащила его в гиблый город.

– Зачем это? – ошеломленно вскинул брови Глеб.

– Кто знает, – загадочно произнес Озар. Он помедлил и добавил: – Слыхал я еще, что сперва нелюди схватили дочку Вакара – Ольстру. Вакар дочку отбил, но себя не уберег.

– И что с Ольстрой? Она жива?

– Жива. Уехала к матери в село и родила там сына.

Лицо Глеба вытянулось от удивления.

– Как родила? От кого?

– Говорят, от нелюдя. Снасильничал ее подлый нелюдь, и девка понесла.

Глеб нахмурился. Поскреб пальцами небритую щеку. Озар отвернулся и продолжил с озабоченным видом протирать полотенцем оловянные стаканчики.

– И что же сельчане? – спросил Глеб. – Не пробовали побить Ольстру камнями или что-нибудь в этом роде?

– Камнями не били, – тихо отозвался Озар. – Девка сама себя наказала. Бросилась животом на вилы.

Глеб слегка побледнел.

– И что?

– Да ничего. Крови, слыхал, натекло полное ведро. А ей хоть бы хны. Будто сила ее какая оберегает.

Глеб потянулся за кувшином, но на полпути остановился и задумался. Затем глянул на Озара и спросил:

– И ты в это веришь? В то, что Ольстру обрюхатил нелюдь?

Озар вздохнул.

– Нынче такое смутное время, что уже и не знаешь, чему верить, а чему нет.

– Странно, однако, что Ольстру оставили в покое, – заметил Глеб.

– Да ничего в том странного нет, – возразил Озар. – У нас тронуть самогубца – великий грех. А Ольстра на вилы прыгнула. Стало быть, себя сгубить хотела.

Глеб помолчал.

– Что вообще нового в княжестве?

– В княжестве-то? – Озар глянул на Глеба исподлобья. – Непокойно в княжестве, Первоход.

– Что так?

– Слыхал небось про ватагу атамана Самохи?

Глеб отрицательно покачал головой:

– Нет. А кто это?

– Самоха – бывший ратник поморского князя. При своем князе он ходил в большом чине. А потом дочку его совратил и в бега подался. И теперь вот орудует у нас. Сколотил шайку из отчаянных людишек и беглых полонцев... Да что полонцы – многие ходоки за ним пошли. Остяк Костолом, братья Барсуки, Воропай, Глызя... Да всех и не перечислишь.

По лицу Глеба пробежала тень.

– Никогда я Остяку и Барсукам не доверял, – угрюмо проговорил он. – Чем же их так привлек Самоха?

Озар хмыкнул.

– Известно чем. Лют, удал и предела не знает. А князь на его лихачества сквозь пальцы смотрит.

– Почему так?

– Считается, что Самоха со своими ребятами князьки границы от врага обороняет.

– Что ж ему князь Егра – из казны платит?

– Какое там. Самоха сам кому хошь приплатит. Разжирел на заказах-то.

– А заказы откуда?

– Откуда всегда. От Бавы Прибытка и Крысуна. Самоха со своими ватажниками за

один раз столько оборотней и нелюдей ловит, сколько ты и твои друзья-ходоки за два месяца поймать не могли.

– Как же у него получается?

– А у него есть свора поморских охотничьих псов. Псы те и посуху ходят, и по воде плавают. Расставляет Самоха ловушки, а псы в те ловушки лесную нечисть гонят.

– И всех продает Баве с Крысуном?

Озар покачал головой:

– Нет. Каких-то продает, а с какими-то сам развлекается.

– Это как? – не понял Глеб.

– Перед Гиблым местом, у самой межи, есть поляна. Самоха огородил поляну буреломом. Ловит оборотней, упырей да нелюдей и внутрь пускает. А потом велит им промеж собой драться.

Глеб помолчал. Потом угрюмо проговорил:

– Патриций хренов. Совсем нечисть озверевает от их забав.

Озар нахмурился, быстро глянул по сторонам, чуть нагнулся и почти прошептал:

– Люди рассказывают, нечисть из Гиблой чащобы в стаи сбивается. Поговаривают, что объявился у нелюдей храбрый вождь по кличке Бычеголов.

Глеб задумался. Его вдруг охватило тревожное ощущение надвигающейся беды. Нелюди к чему-то готовятся. Но к чему?

– А как твои шрамы, Первоход? – спросил вдруг Озар. – Стало ли их меньше?

Глеб усмехнулся, закатал правый рукав и показал Озару предплечье. Целовальник, шепча губами, пересчитал шрамы.

– Восемь?

Глеб кивнул:

– Да. Двух уже нет.

– Стало быть, впереди у тебя еще восемь испытаний? И что потом? Надеешься вернуться в свой мир?

– Возможно.

Целовальник усмехнулся:

– И ты в это веришь?

– А мне больше не во что верить, Озар.

– Что ж... Пусть боги поскорее вернут тебя домой. И пусть оставшиеся испытания не будут такими страшными, как прежние. Кстати, это не твой ли дружок тащится сюда?

Глеб повернулся к двери и просветлел лицом.

– Хомыч! – радостно окликнул он. Затем повернулся к Озару и сообщил: – Это бродяга Хомыч!

– Да уж вижу, – усмехнулся целовальник. – Он тут отирается каждый вечер. Если бы не ты, я бы вышвырнул его отсюда. – Заметив, как изменилось лицо Глеба, целовальник добавил: – Не обижайся, Первоход. Ты знаешь, что хозяин терпеть не может, когда по его кружалу разгуливают нищие бродяги.

Глеб встал со скамьи и шагнул навстречу сгорбленному старику. Обнял его за плечи и с улыбкой проговорил:

– Привет, Хомыч!

Старик поднял на Глеба слезящиеся глаза и что-то тихо пробормотал.

– Ты что, не узнаешь меня? – удивленно спросил Глеб.

– Прости, господин... – тихо пробубнил старик. – Я слишком стар и путаю лица... А мы встречались?

– Да.

– Прости, но я не помню тебя.

Несколько секунд Глеб вглядывался в морщинистое лицо Хомыча, затем достал из кошелька две золотые монеты и сунул их в руку старика.

Старик посмотрел на монеты, и на лице его отобразился испуг.

– Господин, я все равно пропью их, – пробормотал он.
– Делай с ними что хочешь, – твердо сказал Глеб. – Они твои.
– Пусть к тебе благоволят боги, добрый человек! – Старик сжал монеты в руке, повернулся и заковылял к выходу.
– Куда ты, Хомяч? – удивленно окликнул Глеб.
– Хочу потратить эти деньги, – пробормотал старик через плечо. – Но не здесь. Этот остолоп Озар никогда не получит от меня ни копейки.
Старик ускорил шаг и вышел из кружала. Глеб уныло посмотрел ему вслед и вернулся за стойку. Озар криво усмехнулся и сообщил:
– Старик совсем сбрендил. Говорит одними и теми же словами. Постоянно повторяется.
– Я знаю кучу людей, которые делают то же самое, будучи абсолютно здоровыми, – сухо возразил Глеб. – Если я узнаю, что ты обидел его, я... В общем, ты понимаешь.
– Если он под твоей защитой, я не трону его и пальцем, – заверил Глеба верзила-целовальник. – Но я не могу отвечать за охоронцев.
Озар повернулся и отошел на другой конец стойки, чтобы обслужить нового гостя.

5

Ученый муж Лагин брел по Порочному граду, сунув руки в карманы длинного потертого камзола. Ветер развевал и трепал его длинные седые волосы. Черные брови Лагина были сдвинуты, а в глазах застыло выражение величайшей озабоченности.

Он снова и снова прокручивал в голове свою встречу с колдуньей Мамелфой, которая случилась почти полгода назад.

Почему Мамелфа обратила на него свой взор? Почему не дала ему помереть от страшной раны? Лесная колдунья сделала ему щедрый подарок, но что она получила взамен?

Лагин поежился на ветру. Он чувствовал, что грядет что-то страшное.

Иногда, надевая по утрам рубаху, Лагин останавливал взгляд на багровом шраме, пересекающем всю его грудь. Он вспоминал, как Мамелфа занесла над ним свой нож, но воспоминание это было смутным и совсем не пугало Лагина. Пугала неизвестность.

Один ли он такой? Сколько живых сердец собрала лесная колдунья? И если другие такие же, как он, бродят по свету, то где они? Как их найти?..

Вопросы, вопросы, вопросы... И ни одного ответа.

Нынешнюю ночь Лагин провел как обычно. Слонялся по дорогам, селам и лесам. Добычи не было, поэтому он был рад, когда увидел неподалеку от главного кружала старенького бродягу.

Двери кружала были такими же, как и неделю назад, но над ними, рядом с бычьим черепом, висела огромная доска, а на ней было густо намалевано черной краской:

ТАВЕРНА «ГИБЛОЕ МЕСТО»

Лагин усмехнулся. «Таверна»! Видать, кто-то из путешественников посоветовал. Хозяин Порочного града, Бава Прибыток, явно не чурался новизны и охотно перенимал у чужеземцев все новое.

Лагин откинул с лица длинную седую прядь и подошел к бродяге. Тот, сидя на бревне, что-то задумчиво и пьяно бормотал себе под нос. Услышав Лагина, он даже не поднял головы, настолько был погружен в свои мысли. Лагин улыбнулся: похоже, сегодня на обед ему попался настоящий философ.

Он присел рядом со стариком на бревно, обнял его рукою за плечо и притянул к себе...

...Когда все было кончено, Лагин привычно обшарил карманы жертвы, чтобы в дальнейшем убийство списали на воров и разбойников, каковых было множество в Порочном граде и его окрестностях.

Найдя в одном из карманов мертвого бродяги золотую монету, Лагин присвистнул от удивления. Хорошо живут в Порочном граде голоштанники. Должно быть, бродяга эту монету где-нибудь слямзил. Что ж, поделом вору и мука.

Лагин сунул монету в карман, поднялся с бревна и зашагал к кружалу.

* * *

Войдя в кружалу, Лагин поморщился от шума голосов, барабанов и дудок, глянул на деревянный помост, на котором извивались в танце голые самки-нелюди, усмехнулся и пошел к стойке.

И вдруг снова остановился и оторопело уставился на сидевшего за стойкой мужчину. Это был Глеб-Первоход.

Несколько месяцев назад Лагин пытался разузнать хоть что-нибудь о судьбе Первохода. Однако никто не ведал, куда тот подевался, и Лагин решил, что ходока сожрали оборотни или упыри.

И вот он сидит – слегка пообносившийся и пообтрепавшийся, но загорелый и внешне вполне здоровый. А из кобуры, притороченной к кожаному охотничьему кушаку, торчит приклад ольстры.

Глеб-Первоход – опасный противник, он чует лесную тварь за версту. Хотя с Дионой он, похоже, дал маху. А значит, и здесь ничего не заподозрит.

Лагин улыбнулся.

– Эй, Первоход! – весело окликнул он. – Выпьешь со мной?

Глеб повернулся. Брови его изумленно взлетели вверх.

– Лагин! – выдохнул он. – Ученый муж!

– Я! Здравствуй, Первоход!

Тимофей Лагин шагнул к Глебу. Они обнялись.

– Черт, Лагин! Я-то думал, что ты погиб. А ты живой! Прямо как гора с плеч! – Глеб взгляделся в лицо ученого мужа. – А ты будто помолодел. Где же твои очки, ученый муж?

– Потерял, – со смехом сказал Лагин. – Но, как выяснилось, я неплохо вижу и без них.

Глеб хлопнул ладонью по пустой скамье рядом с собой.

– Садись!

Лагин уселся на скамью.

– Выпьешь со мной пива? – предложил Глеб.

Ученый муж отрицательно покачал головой:

– Нет. Ты же знаешь, я не пью хмельного. Вот красного сбитня, пожалуй, выпью. Эй, Озар! – окликнул он целовальника. Тот подошел к стойке и кивнул Лагину. – Дай мне холодненького, на красных травах!

– Сделаю. – Целовальник потянулся к бочке, и вскоре высокая деревянная кружка с холодным сбитнем стояла перед Лагиным. Ученый муж отхлебнул сбитня и облизнул сладкие губы.

Глеб неотрывно смотрел на Лагина. Казалось, он не верил своим глазам.

– Полгода назад я водил тебя в Гиблое место, – снова заговорил Глеб. – Мой путь лежал на Пепельный остров, и я оставил тебя и двух бродяжек в защищенном месте. Когда я вернулся, тебя на поляне не было. Мы искали тебя два дня, но не нашли. И вот ты сидишь передо мной – живой и посвежевший. Что с тобой случилось, ученый муж?

– Заблудился, – просто ответил Лагин. – Пошел в лес по нужде и заблудился. Проплутал всю ночь и весь день, а потом... Потом нашлись добрые люди и вывели из чащобы.

Глеб усмехнулся.

– Добрые люди? В Гиблом месте?

– Ну, пусть не добрые. Я мало что помню. Возможно, меня вытащили ходоки. В боку у меня была рана, от которой я едва не помер. Но, слава богам, обошлось.

Глеб прищурился:

– Слава богам? Разве ты больше не христианин?

– Опять ты цепляешься к словам, – с улыбкой проговорил Лагин. – Я просто оговорился. Господь помог мне, вывел меня на тропу и защитил от лесной нечисти. Так что веры во мне теперь в два раза больше, чем до того похода.

– В этом я не сомневаюсь, – сказал Глеб и наполнил пивом свою кружку. – Как бы то ни было, но я рад, что ты жив. И не просто жив, а помолодел лет на десять.

– Помолодел? – Ученый муж засмеялся. – Значит, прогулка по Гиблому месту пошла мне на пользу!

Глеб выпил, закусил рыбой и хотел что-то сказать, но Лагин его перебил.

– Что же ты сделал с телом моего брата, которое мы оставили у межи? – спросил он.

Глеб нахмурил лоб и ответил:

– Я его похоронил. Отвез подальше от Гиблого места и похоронил. Нетленное тело твоего брата стало тлеть. Так же, как тела других нетленных.

– Значит, ты развеял чары колдуна?

Глеб усмехнулся.

– Выходит, что так. Ну а как твои опыты? Ты ведь, кажется, собирался осчастливить людей золотым дождем.

– Я потерял рецепт в лесу, – сказал Лагин. – Вместе с котомкой.

– Но ты, кажется, не очень расстроен?

Лагин отхлебнул сбитня и вздохнул.

– Сначала был. А потом понял – раз так получилось, значит, то было угодно Господу. В любом случае, меня теперь интересуют совсем другие вещи.

– Какие, например?

– Например, бессмертие.

На секунду кружка замерла в руке Глеба. Он прищурил золотисто-карие глаза и насмешливо проговорил:

– Все еще хочешь облагодетельствовать человечество? Сперва ты мечтал озолотить людей. А теперь жаждешь подарить этим подлецам бессмертие?

– У каждого свой путь, Первоход, – ответил Лагин. – И довольно об этом. Лучше расскажи, как твои дела? Все ходишь в Гиблое место? Охотишься на упырей да волколаков?

– Я только сегодня прибыл в Порочный град, – сказал Глеб. – И пока не знаю, чем займусь.

– Вот как? – Лагин вздохнул. – Что ж, надеюсь, у тебя все будет хорошо.

У Лагина вдруг возникло острое желание рассказать Первоходу правду о своем обращении. Вдруг Глеб поможет? Ведь он ходок, ему известны все секреты, которые скрывает Гиблое место. Вдруг он знает какую-нибудь траву, которая поможет Лагину снова стать человеком. Или найдет подходящий амулет.

Стать человеком... Лагин вспомнил, как сам сорвал с груди серебряный крестик, как произнес потом Божье имя и как это имя обожгло ему гортань. Вспомнил – и в сердце у него засадила тупая игла.

Возможно, Господь еще не проклял его. Возможно, все еще можно изменить. Лагин кашлянул в кулак и неуверенно начал:

– Знаешь, Глеб, я хотел тебе сказать, что...

К стойке подошла девочка в платке и меховой телогрейке.

– Дядя Первоход! – окликнула она Глеба. – Батюшка просил меня принести из помощной избы бересту с подсчетами, а я боюсь одна выходить на улицу. Проводите?

– Охоронцев бы попросила, – недовольно обронил Глеб.

– Я просила, говорят – потом. А батюшка велел быстро.

Глеб с досадой посмотрел на свою кружку. Идти из теплого, шумного кружала в холод

и темноту ночи ему явно не хотелось. Однако не отозваться на просьбу девочки-подростка ему было стыдно. Глеб уже начал вставать с табурета, как вдруг Лагин сказал:

– Я могу тебя проводить, девочка. Если, конечно, ты не против.

Девочка с сомнением посмотрела на Лагина.

– Она не против, – сказал Глеб. – Светланка, этот человек – мой друг. Зовут его дядя Лагин. Можешь доверять ему, как мне.

Девочка улыбнулась:

– Хорошо, дяденька Первоход.

Лагин допил сбитень и отодвинул от себя кружку. Затем потянулся в карман за кошельком. Доставая кожаный кошелек, он не заметил, как из кармана вывалилась золотая монета и со звоном упала на пол.

Глеб нагнулся и поднял монету.

– Золотой солид? – удивленно сказал он. – Лохмато живешь! Выходит, ты богат?

– Не то чтобы, но... – Лагин натянуто улыбнулся. – Удастся кое-что заработать.

– Интересно, как?

– Я ведь ученый, Глеб. Кому смешаю эликсир от поноса, кому слажу новый колесный обод, который катится без стука. Многого могу.

Глеб перевернул в пальцах монетку и глянул на изображение короля англосаксов.

– Король Кенвульф? Редкая в наших краях монета.

– Ты же видел такую раньше, значит, не такая уж редкость. – Лагин взял монету с ладони Глеба и сунул ее в карман. Затем поднялся с табурета.

– Еще вернешься? – спросил его Глеб.

– Само собой, – улыбнулся Лагин. – Пошли, Светланка!

Ученый муж взял девочку за руку, и они вместе пошли к двери.

6

На улице было темно и ветрено. Ветер гнал по небу клочковатые мороки. Изредка выныривала из-за мороков ущербная луна, но светила тускло и призрачно.

– Дяденька Лагин, – обратилась к ученому мужу девочка, шагая по тропке, – а ты правда друг Первохода?

– Правда, – кивнул Лагин. – А почему ты спрашиваешь?

– Ты какой-то странный. И я... Я почему-то тебя боюсь.

Лагин улыбнулся.

– Напрасно. Я хороший человек. Такой же, как Первоход. Хочешь докажу?

– Хочу. А как?

Лагин остановился и положил руку на плечо девочки.

– Посмотри мне в глаза, – попросил он.

Светланка подняла голову и взглянула на Лагина снизу вверх.

Лагин увидел на шее девочки маленькую голубоватую жилку. Голова у него закружилась, а кишки и желудок скрутил болезненный спазм. Дикое желание захлестнуло Лагина, и он понял, что не сможет ему противиться.

Лагин быстро глянул по сторонам, затем снова взглянул на девочку и сказал:

– Хочешь, я открою тебе один секрет?

– Хочу, – пролепетала юная глупышка.

Лагин присел на корточки, взял девочку пальцами за подбородок и отвел ее голову слегка в сторону, обнажая шею. Однако ученый медлил. Медлил, потому что в душе его, черной и выгоревшей, как след от костровища, шла страшная борьба.

«Нет! – сказал себе Лагин. – Ты этого не сделаешь. Глеб поможет. Он снимет проклятие, которое наложила на тебя колдунья, и вернет тебе прежнюю жизнь! Только удержись!»

Лагин закусил губу и с силой отвел взгляд от шеи девочки.

– Что-то случилось? – услышал он спокойный голос Глеба-Первохода.

Ученый муж быстро оглянулся. Глеб стоял в нескольких шагах от него. В пальцах ходока дымилась бутовая самокрутка.

Лагин растянул губы в улыбку.

– Да нет, – сказал он. – Просто у Светланки закружилась голова.

– И ты решил сделать ей искусственное дыхание?

Несколько мгновений они молча глядели друг другу в глаза. Первым молчание нарушил Лагин.

– Почему ты так смотришь на меня, Первоход? – спросил он.

Глеб как бы невзначай положил пальцы на кобуру, и это не укрылось от внимательного взгляда Лагина.

– Золотая монета короля Кенвульфа, – сказал Глеб.

– Что? – не понял Лагин. – Монета? О чем ты, Первоход?

– Этот золотой я отдал старику Хомычу. Как он оказался у тебя?

Лицо Лагина оцепенело. Вот оно что! Значит, бродяга, которого он убил, был Хомычем! Выходит, он убил бывшего друга и даже не заметил этого. Лагин качнул головой и пробормотал дрогнувшим голосом:

– Чепуха. Это мой золотой.

– Допустим. – Глеб прищурил недобрые глаза. – Но есть еще кое-что.

– Что?

– Я видел твои клыки, вурдалак.

Лагин стер с губ улыбку.

– Я не понимаю тебя, ходок. Ты хочешь меня в чем-то обвинить?

Еще несколько мгновений Лагин и Глеб угрюмо смотрели друг другу в глаза. Глеб – с угрюмым удивлением, Лагин – с досадой.

«Как не вовремя, – сокрушенно подумал ученый муж. – Ну почему мне так не везет?.. Что ж, видно, не судьба».

Он оттолкнул девчонку и бросился на Первохода.

Клыки щелкнули у самого уха Глеба. Глеб перевернулся через голову, выхватил из кобуры ольстру и нажал на спусковую скобу. Лагин рыкнул и дернул головой – пуля попала ему в левую щеку и прошла навылет.

Краем глаза Глеб увидел, как перепуганная Светланка бросилась к кружалу.

Ольстра Глеба громынула еще дважды, однако Лагин с невероятной быстротой отскочил в сторону и растворился в воздухе.

Глеб удивленно воззрился на то место, где только что был ученый муж, и глухо пробормотал:

– Черт... Такого я еще не видел.

На шум из кружала высыпала компания охоронцев. Увидев лежащего на земле Глеба, охоронцы заулыбались.

– Эй, Первоход! – окликнул один из них. – В кого это ты тут палишь?

– Да вот, решил подстрелить луну, – отозвался Глеб, держа палец на спусковом крючке ольстры и внимательно глядя по сторонам.

– А которую из двух? – весело осведомился третий.

Охоронцы засмеялись.

И тут что-то пронеслось мимо Орлова, подобно темному вихрю, обдав его волной холодного воздуха. Глеб отдернул голову и быстро откатился в сторону, держа ольстру наготове.

– Эй, ходок, – удивленно спросил один из охоронцев, – чего это ты кувыркаешься?

Несколько секунд Глеб настороженно вглядывался в темноту, а затем, поняв, что Лагин ушел, убрал ольстру в кобуру. Ощущение опасности пропало.

На улицу вышли мужики из посетителей.

– Кто громынул? – спросил один.

– Первоход хотел подстрелить морок, а попал в луну! – ответил ему охоронец. – Видишь, какая дырявая!

Охоронцы и мужики загоготали. Глеб поднялся с травы и отряхнул штаны.

– Больше в луну не стреляй, – насмешливо попросил парень-охоронец. – Она, пожалуй, нам еще сгодится.

– Смотри, как бы в следующий раз я не спутал луну с твоей круглой физиономией, – пригрозил ему Глеб.

Поправив на поясе кобуру, он повернулся и зашагал прочь от кружала, над дверью которого красовалась доска с жутковатой надписью: ТАВЕРНА «ГИБЛОЕ МЕСТО».

Странные дела творились к Хлынском княжестве. Странные и тревожные. Сперва украли кузнеца. Потом появился охотник Громол со своим жутким рассказом и не менее жутким предложением. А теперь вот оживший и превратившийся в упыря Лагин бродит по городу, шелкая собачьими клыками.

Что все это значит? Что за игру затеяли злые силы и какое место в этой игре уготовано ему, Глебу-Первоходу?

Ответа никто не даст, а значит – придется добыть его самому.

Вдруг спина и шея Глеба напряглись. Он остановился и молниеносно выхватил из кобуры ольстру.

Слева раздался легкий шорох. Глеб резко повернулся и нажал на спуск.

Пуля сбила с куста бузины сухую ветку. Держа палец на спусковом крючке, Орлов прислушался. Ни стоны, ни хрипа, ни шороха. Ничего.

Он прошел к кустам, наклонился и поднял с земли клочок темной шерсти. Потер его в пальцах, затем поднес к лицу и осторожно понюхал. Пахло серой.

Глеб быстро огляделся по сторонам, но ничего подозрительного не заметил. Однако он был убежден, что за ним кто-то следил. Кто-то, кто умеет передвигаться быстро и бесшумно, оставляя после себя темную шерсть и воняя серой. И это явно был не Лагин.

7

Ученый муж Тимофей Лагин хорошо помнил, что с ним приключилось в Гиблом месте в ту страшную ночь.

Он помнил, как проснулся посреди ночи, услышав чей-то тихий голос. Проснулся, глянул по сторонам, увидел похрапывающего во сне старика Хомяча, сладко посапывающего мальчика Прошку и ходока Глеба, который лежал на траве с закрытыми глазами и грудь которого так тихо и незаметно вздымалась, будто он вовсе не дышал.

И снова чей-то далекий голос позвал его:

– Лагин...

«Что же это? – растерянно подумал ученый муж. – Кто это зовет меня в ночи?»

И вдруг он с удивлением понял, что не стоит на полянке, а тихонько крадется по лесу – крадется на зовущий его издали голос.

Лагин остановился и испуганно поправил очки. Да что же это? Как осмелился он уйти от своих друзей? И куда – в Гиблую чащобу, полную темных тварей!

Где-то далеко завыл оборотень. Потом засмеялась леденящим душу смехом спуржун-птица. Лагин передернул плечами и быстро перекрестился.

– Господи Иисусе, защити от дьявольских напастей! – прошептал он.

И тут голос снова позвал его.

Противиться было невозможно. Голос звал и манил. Краешком сознания Лагин понимал, что делать это нельзя, и молил Бога, чтобы рядом появился Глеб-Первоход и защитил его от этого голоса. Но Первоход не появлялся. Рассчитывать было не на кого.

Не найдя в себе сил сопротивляться, Лагин снова побрел по ночному лесу – навстречу чудному голосу.

Идти по чащобе было трудно. То и дело он оступался и падал, но вставал снова и

продолжал свой путь. Вскоре одежда на нем была порвана, руки, шея и щеки ободраны в кровь, а стекла очков покрылись сеточкой трещин.

Однако ученый муж не замечал этих неприятностей. Он упорно шел вперед, и чем ближе был голос, тем сладостней и непреодолимей становился его зов.

Долго ли, коротко ли шел Лагин, но вот перед ним открылась небольшая полянка, и на той полянке стояла темная избушка. Окна избушки были темны, но Лагина это не смутило. Он знал, что зов идет из этой избушки, а значит, там кто-то есть.

Лагин поправил пальцем сползающие на нос очки и зашагал к крыльцу. Где-то в глубине разума мелькнула мысль о том, что зов может быть губительным и в избушке его поджидает опасность. Однако Лагин прогнал эту мысль как нелепую. Слишком красив и сладостен был зов.

Подойдя к избушке, ученый муж поднял руку и постучался в дверь.

– Входи, странник, – отозвался из-за двери женский голос.

Лагин смело толкнул дверь и вошел в избушку. Едва он переступил порог, как тяжелая дверь сама собой захлопнулась за его спиной, и Лагин почему-то понял, что не сможет ее открыть, даже если будет рубить темные доски топором.

Отвернувшись от двери, Тимофей увидел перед собой черного лохматого пса.

– Пропусти, Черныш, – тихо проговорил женский голос. – Это *свой*.

Пес отвернулся, тут же потеряв к Лагину интерес, протопал в угол горницы, улегся там на пол и положил морду на лапы.

Лагин вгляделся в полумрак горницы, освещенной светом лучин и отблесками огня. Увидев перед собой темный женский силуэт, Лагин улыбнулся и рассеянно проговорил:

– Вот я и пришел.

Язычок пламени вспыхнул ярче и осветил лицо женщины. Острые скулы, огромные темные глаза, густые черные волосы, стянутые на затылке. Лицо это показалось Лагину прекрасным.

– Кто ты? – тихо спросил он женщину.

Она взглянула на ученого мужа и сказала:

– Меня зовут Мамелфа.

– Мамелфа? – Лагин нахмурил лоб. – Я о тебе ничего не слышал. Почему я здесь? Это ты меня сюда привела?

Женщина кивнула:

– Да.

– Но зачем?

– Я хочу тебя спасти.

– Спасти?

В печи забурился котелок, от него по горнице пополз едкий, белесый дым. Ноги Лагина вдруг ослабели, и он покачнулся. Почувствовав в правом боку странную тяжесть, ученый муж потрогал бок рукою и удивленно отдернул руку. Одежда справа была мокрая, а на ладони осталось что-то темное. Лагин не сразу сообразил, что это кровь.

– Что это? – слабо пролепетал он, с изумлением глядя на испачканную кровью ладонь. – Я ранен?

Мамелфа посмотрела ему в глаза и спокойно ответила:

– Да. И рана твоя смертельна.

Колени Лагина задрожали, и он понял, что все это время чувствовал тупую, тянущую боль в боку. Видимо, один из тех двух оборотней, на которых они с Глебом-Первоходом наткнулись в чашобе, успел ударить его в бок когтями или цапнуть зубами.

– Боже праведный... – выдохнул Лагин. – Теперь я превращусь в оборотня?

Женщина, сидящая у очага, усмехнулась.

– Похоже на то. Ты потерял много крови, пока шел сюда, но даже не заметил этого. Ты умираешь, странник.

Лагин покачнулся, но устоял на ногах.

– Как я сумел дойти сюда с такой раной? – хрипло спросил он.

– Я помогла тебе, – ответила Мамелфа. – Зов, который ты слышал, придал тебе силы.

Лагин снова покачнулся и, не удержав равновесия, рухнул на влажные, гниловатые доски пола. Силы стремительно покидали его. Мамелфа встала с лавки и подошла к Лагину. Ее красивое, освещенное отблесками огня лицо нависло над ним, подобно луне.

– Ты хочешь жить? – спросила Мамелфа.

Лагин облизнул губы. Он почувствовал, как ноги и живот сковывает ледяной холод, и этот холод вселил в его душу такой страх, что он едва не закричал.

– Я спросила: хочешь ли ты жить? – повторила свой вопрос ведьма.

– Да... – выдохнул Лагин, морщась от боли. – Я хочу жить... *Я очень хочу жить*.

Черные глаза Мамелфы сузились.

– И на что ты готов ради этого пойти? – спросила она.

– На все, – ответил Лагин и закусил губу. – Мне... больно. Очень больно.

Ведьма сдвинула брови.

– Я это знаю. Боль твоя будет все лютее, и прежде чем умереть, ты успеешь насладиться ею сполна. Но ты можешь прекратить ее в любое мгновение.

– Как?

Мамелфа присела рядом с Лагиным, пристально посмотрела ему в глаза и предложила:

– Сними с шеи крест, и я помогу тебе.

«Нет!» – хотел сказать Лагин, но новый приступ невыносимой боли скрутил его. Боль была адская. Лагин застонал и, не в силах больше терпеть, схватил крестик, сорвал его с шеи и отшвырнул в сторону.

Пламя лучины вспыхнуло ярче, словно на него бросили ворох сухой травы. Лагин увидел, что Мамелфа держит в руках небольшую глиняную миску. Она осторожно, чтобы не расплескать, поднесла миску к губам Лагина.

– Выпей это!

Ученый муж сглотнул слюну и хрипло прошептал:

– Что это?

– Кудесная вода из Черного родника, настоящая на колдовских корнях. Она вернет тебе силы.

– Но ведь это... мертвая вода. Я стану живым мертвецом?

– Ты станешь живым. А это главное. Выпей настой и сразу почувствуешь себя лучше. Боль уйдет, в ногах и в руках появится сила. Ты сможешь встать и уйти.

– И ты... – Лагин сглотнул слюну. – И ты отпустишь меня?

Ведьма усмехнулась:

– Мне ни к чему тебя держать, странник. Я просто хочу тебе помочь. А потом – ступай, куда хочешь.

Лагин приподнялся на локте. Мамелфа поднесла к его губам край миски.

– Пей.

И он стал пить. Сперва один маленький глоток. Затем еще один. И вдруг все его тело пронзила боль. Тело задрожало, как в припадке падучей. По жилам пробежал ледяной огонь.

– Больно... – прохрипел Лагин.

– Черичан! Подон! Левурда! – пробормотала Мамелфа. – Заклинаю тебя бешеным шакалом, дурман-травой, болиголовом и волчьим корнем! Будь в моей власти!

Тело Лагина выгнулось дугой.

– Заклинаю тебя рыбьим голосом, песьими жабрами, клыками земляного червя! Будь в моей власти! Зара! Авда! Ирта! Я забираю твое живое сердце и даю тебе мертвое!

В руках Мамелфы блеснул нож. Ведьма замахнулась и одним сильным ударом рассекла Лагину грудь.

– Нет... – хрипло прошептал ученый муж и хотел подняться. Но голова его закружилась, горница поплыла перед глазами, и в следующее мгновение он потерял сознание.

Когда он вновь открыл глаза, боли уже не было. Лагин пошевелил сперва одной рукой, потом другой. Потом приподнял голову и огляделся. Мамелфа сидела на скамье и что-то делала. В потемках не разобрать, что именно. На Лагина она не смотрела.

Ученый муж с трудом поднялся на ноги и побрел к двери. Он чувствовал холод, и холод этот исходил из его собственной груди. Будто вместо сердца у него в груди был кусок льда.

– Господи... – тихо прошептал Лагин, медленно шагая к двери. – Прости меня...

– Поздно, – насмешливо проговорила ему вслед колдунья. – Ты предал своего Бога, и теперь ты проклят.

– Господи Иисусе, прости меня, – вновь пробормотал Лагин, и вдруг лицо его исказила гримаса боли. Имя Господа обожгло ученому мужу гортань и язык, будто он изрыгнул из утробы раскаленный уголек.

Постояв немного у двери, чтобы прийти в себя, Лагин двинулся дальше. Отрыв дверь, ученый муж с облегчением ощутил, как прохладный ветер дохнул ему в лицо. Пошатываясь, вышел он из избышки.

Силы возвращались быстро, и когда Лагин ступил ногой на мокрую траву лужайки, голова у него уже не кружилась, а ноги шагали по земле спокойно, твердо и упруго.

Постояв немного на лужайке, Лагин оглянулся. Черная изба исчезла. Место, где она только что стояла, было пусто. На нем не росла даже трава. Еще одно проклятое место Гиблой чащобы.

Не вполне сознавая, что делает, ученый муж прижал пальцы правой руки к левому запястью. Жилка на запястье не вздрагивала. Пульса не было.

– Странно, – пробормотал Лагин.

Очки его запотели, и он снял их, чтобы протереть краем рубахи. И вдруг остановился и огляделся по сторонам. На лице Лагина появилось удивление. Несмотря на ночную тьму, он видел деревья вполне отчетливо.

Поняв, что очки ему больше не нужны, Лагин сунул их в карман камзола. Потом повел плечами, прислушался к себе и почувствовал, что голоден. Стоило Лагину подумать о еде, как желудок его скрутил спазм.

Ученый муж поморщился и зашагал вперед. Пройдя с полверсты, он услышал странный шум и остановился. Шум доносился из-за кустов шиповника.

Лагин осторожно, на цыпочках, подошел к кусту и осторожно отодвинул ветку. Он увидел упырей. Их было четверо – трое взрослых мужчин и девочка-подросток. Они сидели на прогалине и с чавканьем пожирали тушу поросенка, которого притащили сюда из ближайшего села.

Лагина прошиб озноб. Он повернулся и хотел на цыпочках уйти, но под ногой его предательски хрустнула ветка. Лагин остановился и замер, надеясь, что упыри ничего не услышали, однако надежде его не суждено было сбыться.

Упыри оставили недоеденную тушу поросенка, вскочили на ноги и ринулись на Лагина. Ученый муж побежал, но, пробежав несколько шагов, споткнулся о комель дерева и упал. Острый сук вонзился ему в икру, и он закричал от боли.

Лагин попытался встать, но резкая боль в ноге не позволила это сделать. И тут упыри настигли его.

Почувствовав холодные пальцы на своем лице, Лагин вздрогнул и крикнул:

– Нет!

В следующее мгновение, почти не сознавая, что делает, Лагин нашарил на земле палку и вскочил на ноги. Дальше все завертелось с невероятной быстротой. Одному упырю он расшиб палкой голову, второго проткнул той же палкой насквозь, а третьего повалил на землю и вцепился ему зубами в глотку.

Через несколько секунд все было кончено. Лагин поднялся с земли и огляделся. Три убитых упыря лежали у его ног. У одного из них была отгрызена голова. Лагин вспомнил,

что грыз упыря зубами, и его вырвало от отвращения.

Отерев рот и язык пучком травы, ученый муж выпрямился и, не глядя на трупы упырей, зашагал прочь. Он вдруг вспомнил, что ветка проткнула ему икру.

Остановившись, Лагин задрал штанину и провел по ноге рукой. Кожа была целая и чистая. Ни раны, ни царапины, ни синяка.

«Видимо, мне это просто показалось, – неуверенно сказал себе Лагин. – И ветка лишь вскользь задела ногу».

Он выпрямился, намереваясь убраться подальше от проклятого места, но вдруг увидел на тропке невысокую темную фигуру.

– Кто ты? – испуганно спросил Лагин.

Фигура шагнула вперед. При свете луны ученый муж узнал девочку-упыря, которая пожирала поросенка вместе со своими взрослыми сородичами.

Лагин испуганно попятился. Девочка сделала еще шаг, но вдруг повалилась на землю и затихла. С полминуты Лагин выжидал, а затем осторожно подошел к девочке.

Она лежала навзничь, глядя остекленевшими глазами на желтый круг луны. Когда-то она была хорошенькая. Но сейчас лицо ее стало мертвенно-бледным, а глаза глубоко запали и потускнели. Видимо, на убогих пиршествах упырей ей доставались лишь жалкие крохи.

Лагин почувствовал жалость.

– Как же ты стала упырем, милая? – тихо проговорил он и протянул руку, чтобы погладить девочку по голове.

Внезапно девочка шелохнулась. Лагин хотел отдернуть руку, но не успел – маленькое чудовище схватило его за руку, притянуло ее к своему рту и вцепилось в запястье острыми зубами.

Лагин закричал и дернул руку на себя. Однако девочка успела прокусить артерию и глотнуть крови.

Лагин сжал пальцами окровавленное запястье, отбежал к дереву и испуганно крикнул:

– Не подходи ко мне, чудовище!

Девочка села на траве и уставилась на Лагина. Он с ужасом заметил, что лицо ее меняется. Болезненная бледность сошла с лица, и на щеках появился румянец. Тени под глазами рассосались, а сами глаза заблестели.

Теперь на Лагина смотрела не маленькая упыриха, а очаровательная, белокурая и большеглазая девушка. На вид ей было лет четырнадцать, груди ее уже по-женски оформились, но лицо еще оставалось детским. Губки девочки приоткрылись, и она прошептала:

– Дядя...

Лагин взял себя в руки и проговорил севшим от страха голосом:

– Ты помнишь, как тебя зовут?

– Рута, – ответила девочка и улыбнулась. – А тебя?

– Меня зовут... Лагин. Ты понимаешь, что я говорю, Рута?

– Да, – ответила девочка. Она внимательно посмотрела на Лагина и вдруг спросила: – Ты бог?

Лагин смутился.

– Нет, милая, – пробормотал он, совершенно растерявшись.

И вдруг его озарило: она укусила его за руку и пила его кровь. Значит, все это сделала его кровь! Глоток его крови превратил Руту из упыря в человека.

Лагин взглянул на свое запястье и почти не удивился тому, что увидел. Рана на запястье уже затянулась, да так, что от нее не осталось даже царапины.

У людей процесс регенерации не может идти с такой поразительной быстротой. А это значит... Это значит, что он больше не человек!

У Лагина сдавило сердце.

– Что же это? – сокрушенно пробормотал он. – Как же это вышло?

– Дяденька, – окликнула вдруг девочка. – Мне здесь страшно. Можно я пойду с тобой?

Лагин вдруг почувствовал себя страшно одиноко.

– Ты хочешь пойти со мной?

– Да. Я боюсь одна в лесу.

Девочка поднялась с земли и шагнула к Лагину. Он попятился, но наткнулся спиной на дуб и остановился. В конце концов, что он теряет? Даже если маленькое чудовище укусит его снова, рана тут же затянется. Да и не похожа она больше на чудовище.

Лагин слабо улыбнулся и сказал:

– Хорошо. Я возьму тебя с собой. Но обещаю вести себя хорошо.

– Обещаю, – выдохнула Рута нежным голосом.

Она подошла к Лагину и взяла его за руку.

– Давай уйдем отсюда поскорее, – попросила девочка. – Мне здесь очень страшно.

Лагин сжал тонкие пальчики Руты в своей широкой ладони.

Вскоре они шагали по лесу, прислушиваясь к ночным шорохам. Поглядывая на Руту, Лагин размышлял.

А может быть, это долгожданная награда? Двенадцать лет назад он решил стать ученым, чтобы научиться воскрешать людей. И вот – он воскрес!

Если он смог воскреснуть, то смогут и другие. Что же это выходит? Отныне смерти нет? Но что, если теперь он проклят Господом?

Лагин нахмурился и снова покосился на Руту.

«Что проку в вере, если она не дарует тебе бессмертие? – подумал он. – Бессмертие – вот то, о чем грезят люди и что отличает их от небесных созданий. Бессмертие и неуязвимость».

Эта девочка была мертва, а он оживил ее. Теперь она бессмертна, так же, как и он. Она красива, умна и сильна.

Валахи и Моравы верят в вампиров? Отлично! Значит, отныне они оба – вампиры.

Лагин простер руки к небу, и из горла его вырвался протяжный, полный силы и жажды власти вой.

8

В первую неделю после возвращения из Гиблого места Лагин соорудил в комнатке постоянного двора небольшую лабораторию, где вознамерился делать из железа золото. Поначалу работа закипела – в несколько дней ученый муж сотворил полпуда желтого, тяжелого металла. А потом ему стало скучно.

Прежняя благая идея – осыпать золотом человечество и стереть различия между богатыми и бедными – показалась ему глупой.

Сотворив еще полпуда искусственного злата, Лагин разобрал *машину* до лучших времен. Теперь он был не только неуязвим и красив, но и богат. Чувство собственной исключительности и силы переполняло его.

Своей новой подружке Руте он снял на постоялом дворе Дулея Кривого лучшую комнату.

Каждую ночь Лагин выходил на охоту. Благодаря сверхчеловеческой выносливости он легко проходил за ночь по тридцать-сорок верст в поисках добычи, совершенно при этом не уставая.

Чаще всего добычей его становились шальные девки, продававшие проезжим купцам свою красоту и молодость за серебро и медь. Выпив из девки кровь, Лагин бросал мертвое тело в реку или в лесной овраг.

Однажды в безлунную ночь Лагин вышел на большак и зашагал прочь от города. В двадцати верстах от городской стены, среди деревьев, он набрел на лагерь купцов, возвращающихся с ярмарки.

Четверо купцов спали у тлеющего костра в окружении четырех пустых подвод. Лагин взглянул на мясистые шеи купцов и почувствовал голод.

Не привыкнув медлить, он шагнул вперед и вдруг увидел еще одного мужика. Тот вышел из-за дерева, завязывая веревку на мотне, и изумленно уставился на Лагина.

– Ты кто? – спросил мужик, не успев еще даже испугаться.

– Я твоя смерть, – тихо сказал Лагин и, вытянув руки, шагнул к мужику, намереваясь свернуть ему шею.

Но мужик повел себя странно. Ужас не сковал его и не заставил броситься прочь. Вместо этого он молниеносно выхватил из-за пояса кинжал и вонзил его Лагину в живот.

Острая боль заставила ученого мужа содрогнуться. Голова его затуманилась, и он понял, что падает. «Значит, я смертен», – успел подумать Лагин, и мысль эта не показалась ему страшной.

В следующее мгновение мир померк в его глазах. Но слух по-прежнему был при нем.

– Кого это ты уложил, Пакомил? – услышал Лагин сипловатый мужской голос.

– Не знаю, – ответил другой. – Верно, разбойник.

– Как пить дать, разбойник. Разбойники редко шалят поодиночке, нужно держать ухо востро. А чего ж он на тебя пошел, охоронец?

– Видать, спутал меня с купцом. Не увидел в темноте, что я при оружии.

Последовала пауза, а потом сиплый голос потребовал:

– Добей его.

– Да он уж мертвый, – возразил Пакомил.

– Все равно добей. Отрежь башку, чтоб не превратился в упыря.

– Так ведь до Гиблого места далеко.

– Все равно. Мало ли. Возьми мой тесак – он из белого железа.

Охоронец взял тесак, присел рядом с убитым разбойником, поплевал на ладони, крепко обхватил рукоять тесака и размахнулся, намереваясь отрубить мертвому разбойнику голову.

И вдруг из зарослей можжевельника вырвалась темная тень. В следующее мгновение Пакомил рухнул на траву с разорванным горлом. Второй охоронец вскрикнул и упал на колени. Из его пробитой головы ударил фонтан крови.

Купцы проснулись и подняли с травы взлохмаченные головы. Темная тень пронеслась над ними, и все четыре купца раскрыли рты и, схватившись за шеи, забулькали кровью.

Лагин открыл глаза, сел на траве и тряхнул головой.

– Я жив? – недоуменно спросил он.

– Да! – сказала Рута. Она обхватила Лагина ладонями за щеки и поцеловала его в губы.

Лагин поморщился и отстранил девчонку. Затем взглянул на мертвые тела. Брови его удивленно приподнялись.

– Это сделала ты? – недоверчиво спросил он.

– Да!

– Господи Иисусе... – Божье имя горячим углем прокатилось по гортани и языку Лагина, и он закашлялся. – Зачем?... Зачем ты это сделала?

– Они хотели тебя убить, – просто ответила Рута.

Лагин взглянул на перепачканное кровью лицо девочки и содрогнулся.

– Неужели... – Он сорвался на хрип. – Неужели это я сотворил с тобой такое, Рута?

– Я была упырем, а ты снова сделал меня человеком.

Лагин посмотрел на девочку с горечью.

– Ты не человек, – сказал он. – И не упырь. Ты гораздо страшнее.

– Кто же я?

– В Болгарском царстве таких, как мы, называют стригоями.

Рута улыбнулась:

– Пусть будет так. Мне не важно.

– А что важно? Что для тебя важно, Рута?

– Чтобы мы с тобой всегда были вместе! – ответила девушка. Она выпрямилась и деловито проговорила: – Нужно сбросить товар в реку. Тогда подумают на разбойников, и нас никто не будет искать.

Лагин поднялся на ноги, потрогал шрам на груди и глухо проговорил:
– Колдунья превратила меня в стригоя. Дорого бы я отдал, чтобы узнать, зачем ей это понадобилось.

Глава вторая

1

В то время как Глеб-Первоход беседовал в кружале с Лагиным, в гиблом городе Кишене собрался совет. Но то был не совет людей, в совет нелюдей.

Огромные камни подклета, в котором сошлись вожди нелюдей, влажные, замшелые, напоминали черепа древних чудовищ.

Уродов было десятка два. Здесь находились только самые сильные из них. У одной из стен стоял грубо сколоченный стол, и на нем горела неуклюжая свеча, слепленная из куска лосиного жира.

Многие из присутствующих плохо владели языком, но они хорошо понимали, о чем идет речь, и отлично изъяснялись при помощи знаков.

Слово взял Бычеголов. За спиной гиганта стояла, сложив руки на груди, Диона. В отличие от прочих нелюдей, она не была уродлива, и некоторые из присутствующих поглядывали на нее косо. Слишком уж много человеческого оставалось в этой девушке.

– Люди никогда не оставят нас в покое! – говорил Бычеголов, яростно и громко. – Скоро они придут в Кишень и перебьют нас всех!

– Люди ходят там, где им вздумается, – возразил Бычеголову главный вождь Азран, рослый, мускулистый, с уродливым львиным лицом и косматой седой гривой волос.

– Но это наша земля! – прорычал в ответ Бычеголов.

Азран сдвинул брови.

– Да, это наша земля. И мы не должны покидать ее.

Бычеголов глянул на Азрана исподлобья, и во взгляде этом полыхал гнев.

– Нам нужны человеческие женщины, – сказал он. – Мы возьмем их женщин, перебьем их мужчин и сожжем их села. Мы сильнее, чем они.

Нелюди, обступившие стол главного вождя, одобрительно загудели, но Азран поднял руку, и в подклете тут же воцарилась тишина.

– Нас мало, – сказал он спокойно. – Нам не победить людей. Если мы попробуем, они придут и отомстят нам. Люди очень злопамятны и не прощают обид.

Бычеголов шумно выдохнул ноздрями воздух. Он шагнул вперед и сжал кулаки, но из тени выступила Диона. Девушка положила Бычеголову руку на плечо и сказала:

– Ты прав, Азран, нас мало. Но каждый из нас стоит двадцати людей! Убегая из подземелья, Бычеголов голыми руками убил полдюжины ратников!

И вновь нелюди одобрительно загудели, и вновь Азрану пришлось поднять руку, чтобы заставить их замолчать. Взглянув на Диону спокойным, властным взглядом, Азран сказал:

– Твоими устами говорит не разум, но гнев. Люди схватили твоего отца и посадили его в клетку. Поэтому ты жаждешь крови. Но гнев – плохой советчик. Если бы твой отец был с нами, Диона, он бы сказал тебе то же самое.

Диона прищурила зеленые глаза.

– Ты думаешь, что моими устами говорит гнев? Что ж, возможно, ты прав. Зато твоими устами, Азран, говорит страх! А это еще хуже!

Из приоткрытого рта Азрана вырвалось рычание. На его львиной морде прорезались резкие морщины.

– Следи за своим языком, девочка, – устрашающе проговорил он.

Нелюди, обступившие стол, попятились, опасаясь гнева своего вождя. Не попятились лишь Бычеголов и Диона. Девушка улыбнулась в лицо Азрану и холодно проговорила:

– Ты рассуждаешь, как немощный старик, а не воин. Мы можем победить людей! Нужно убить их вождей и дружинников. Обезглавим змею, а тело умрет само.

Азран нахмурился.

– Но что будет потом? – спросил он. – Потом, когда мы вернемся в Кишень?

– Время покажет. Может быть, мы вернемся в Кишень. А может быть, зайдем их города. Наши дети быстро рождаются и быстро растут.

Из толпы нелюдей выступил рослый мужчина с темным лицом и длинным носом, покрытым роговыми наростами.

– Диона и Бычеголов правы, – сказал он. – У нас есть кузнец Вакар. Он выкует нам мечи-всерубы и заговорит их от людей. Он сам мне это обещал.

Азран снисходительно усмехнулся.

– С каких это пор ты стал доверять людям, Ворон?

Черные, покрытые роговой корочкой губы Ворона дрогнули.

– Его дочь родила мне сына, – сказал он. – И кузнец Вакар знает об этом. Люди не примут их обратно.

Азран задумался. С минуту он размышлял над словами Ворона, затем вздохнул и сказал:

– Это слишком опасный поход. Мы не можем рисковать.

– Если мы не убьем людей, то люди сами придут сюда и убьют нас! – прокаркал Ворон.

– Если люди придут в Кишень, мы уйдем отсюда, – спокойно и торжественно проговорил Азран.

– Уйдем? – изумленно проревел Бычеголов. – Ты предлагаешь нам сбежать? – Бычеголов обернулся к нелюдям и презрительно проговорил: – Диона права. Азран стар и труслив. Он больше не может править нами. Племени нужен новый главный вождь.

Из пасти Азрана вырвался угрожающий рык. Он шагнул к Бычеголову, но Диона встала у вождя на пути.

– Одумайся, Азран! – сказала она, глядя на львиноголового урода пылающими, будто изумруды, глазами. – Люди ловят наших братьев и сестер, сажают их в клетки, как диких зверей, издеваются над ними! Неужели ты согласен и дальше терпеть это?

Глаза стоявших вокруг нелюдей налились кровью. Слова Дионы заронили в их сердца гнев и надежду.

– Азран, мы не хотим терпеть, – тихо сказал один из нелюдей, долговязый и сухой, как палка.

– Они издеваются над нами! – проговорил другой нелюдь, с широкой, как наковальня, грудью и уродливым, словно составленным из разных частей, лицом. – Я не боюсь людей и готов сражаться с ними!

Из толпы выступил нелюдь с лицом, так густо заросшим темными волосами, что даже глаз не было видно. В руке нелюдь держал посох. Ударив посохом о землю, он зычно изрек:

– Слушайте меня, собратья! Я жрец Дрок! Я внемлю языку думранов и рассказываю вам, чего думраны хотят! И я говорю тебе, Бычеголов, сын Рашката Рыжего: думраны не хотят, чтобы мы воевали с людьми!

Бычеголов облизнул толстые губы широким языком.

– Я не верю тебе, Дрок, – глухо и угрюмо проговорил он.

– Не веришь? – По волосатому лицу жреца пробежала волна, словно на него подули ветром. – Что означают твои слова, Бычеголов?

Глаза Бычеголова недобро замерцали.

– Ты сам знаешь, жрец. У каменных думранов суровые лица. Наши думраны – настоящие воины. И я никогда не поверю, что вместо того, чтобы воевать, они позорно бегут с поля битвы.

Шерсть на лице жреца Дрока затряслась. Он занес свой посох, чтобы гневно ударить им оземь, но Бычеголов вскинул руку и перехватил посох.

Несколько мгновений Бычеголов и волосатый жрец смотрели друг на друга в упор.

Потом Бычеголов вырвал посох из рук Дрока и швырнул его на пол.

Дрок простер вверх покрытые шерстью руки и гневно проговорил:

– Да падет гнев думранов на твою рогатую голову, глупец!

Бычеголов гневно скрипнул зубами и замахнулся, чтобы вышибить из жреца дух.

– Оставь его, Бычеголов! – прорычал Азран, и от рыка его сотряслись стены.

Бычеголов остановился и медленно повернулся к главному вождю.

– Войны не будет, – глухо пророкотал Азран. Его огромное тело напряглось, под кожей вздулись твердые узлы мускулов, верхняя губа приподнялась, обнажив острые и крепкие клыки. – Пока я жив, я не допущу кровопролития!

– Пока ты жив, – задумчиво повторил Бычеголов. – Но ведь ты когда-нибудь умрешь, верно?

Азран мрачно усмехнулся.

– Ты знаешь наши законы, Бычеголов. Сразись со мной и убей меня, и тогда ты сам станешь верховным вождем.

Бычеголов молчал, угрюмо глядя на Азрана.

– Ну? – рыкнул тот, тряхнув львиной головой. – Ты готов убить меня? Если нет, то заткни свою бычью пасть и не смей мне перечить!

Азран повернулся к толпе угрюмых вождей.

– Ну?! – рявкнул он зычно. – Кто-нибудь из вас хочет со мной сразиться?

Нелюди поспешно отвели глаза, опасаясь встретиться с главным вождем взглядом. Азран снисходительно усмехнулся.

– Так я и думал. Мудрость заставила меня быть терпеливым. Но если кто-то из вас снова посмеет назвать меня трусом или стариком... – Азран обвел нелюдей холодным взглядом, – я своими когтями вырву ему сердце. А теперь расходитесь. Совет вождей закончен.

Азран отвернулся от нелюдей, словно их лица надоели ему, и в это мгновение Бычеголов ринулся вперед. Он запрыгнул на стол, обхватил толстую шею Азрана мускулистыми руками и резко дернул на себя. В шее верховного вождя что-то хрустнуло, однако он тут же повернулся и вцепился Бычеголову когтями в лицо.

Завязалась жестокая драка. Нелюди испуганно попятились, освобождая вождям место для драки. Азран поднял Бычеголова в воздух и швырнул его спиной на стол. Ножки дубового стола подломились, и Бычеголов рухнул на пол вместе с обломками.

Азран зарычал и бросился на Бычеголова, однако тот увернулся и вскочил на ноги. Азран повернулся к противнику, и в это мгновение Бычеголов ударил его дубовой доской по лицу. Доска разлетелась в щепки, сломанный клык вылетел из открытой пасти верховного вождя.

Азран тряхнул львиной гривой и, резко выбросив вперед руку, попытался схватить противника за ногу, однако Бычеголов, более молодой и ловкий, снова увернулся, и когтистые пальцы верховного вождя схватили лишь пустоту.

Бычеголов ударил вождя ногой в грудь. Удар был сильным, но Азрана он не свалил. Издав горлом ужасающий рык, верховный вождь снова бросился на Бычеголова. Тот отскочил в сторону и быстро выставил ногу. Споткнувшись о его ногу, Азран рухнул грудью на обломки стола.

– Бычеголов, держи! – крикнула Диона и швырнула рогатому нелюдю посох жреца Дрока.

Бычеголов поймал посох, переломил его об колено, отбросил один обломок, а второй перехватил двумя руками и, когда Азран повернулся к нему, всадил острый обломок Азрану в открытую пасть.

Азран заизвивался, стараясь оторвать пригвожденную голову от земли и схватить Бычеголова когтистыми лапами, но кровь слишком сильно хлестала из его продырявленного черепа, и силы слишком быстро покидали его.

Бычеголов повернулся в Дионе и крикнул:

– Дай кинжал!

Двое нелюдей встали на пути у Дионы, но она так свирепо сверкнула на них глазами, что они тут же отпрянули в сторону. Диона вынула из ножен клинок и вложила его в руку Бычеголова. Тот быстро присел рядом с хрипящим вождем, схватил его свободной рукой за седую гриву и быстро перерезал Азрану глотку.

Вожди ахнули.

Бычеголов не остановился и продолжал орудовать кинжалом. А когда работа была закончена, вскинул голову Азрана над собой, держа ее за гриву, и поднялся на ноги. Несколько секунд он молчал, давая нелюдям возможность насладиться зрелищем, а затем рывкнул:

– Я теперь ваш главный вождь! Кто-то хочет оспорить у меня мое право?

Никто не произнес ни слова. Бычеголов швырнул голову вождя в угол и прохрипел:

– Мы выступим против людей!

Еще несколько мгновений нелюди молчали, а затем Ворон шагнул вперед и крикнул:

– Слава Бычеголову!

– Слава! – хором отозвались другие вожди.

Бычеголов вытер рукою потный лоб, переступил через обезглавленный труп врага, взял Диону за руку и повел ее к выходу.

2

Они стояли на лужайке под огромным черным дубом. Щеки и лоб Бычеголова были испачканы кровью Азрана. Вперив взгляд в лицо девушки, он тихо спросил:

– Ты любишь меня, Диона?

Девушка нахмурилась.

– Ты обещал, что мы никогда не будем об этом говорить, – сказала она.

Бычеголов раздул ноздри и свирепо пыхнул воздухом.

– Я готов отдать за тебя жизнь, – глухо проговорил он. – Если бы не ты, я бы не убил Азрана.

– Я знаю, – тихо отозвалась Диона. Она протянула руку и погладила гиганта по щеке. – Ты правильно все сделал, Бычеголов. Теперь ты главный вождь. И людям не избежать расплаты.

Диона обняла гиганта рукой за толстую шею и провела узкой ладонью по его шишковатой лысой голове.

Бычеголов перехватил ее руку и осторожно поднес к своим губам.

– Все для тебя, Диона! Вся моя жизнь для тебя! Только прошу: не обманывай меня! Если ты меня обманешь, я тебя убью!

Диона холодно улыбнулась.

– Зачем мне тебя обманывать? Ты самый сильный и умный воин в нашем племени. А теперь ты еще и главный вождь.

– Я говорю не про наше племя, – угрюмо проговорил Бычеголов. – Я говорю про человека.

– Про человека?

– Да. Мелна рассказала, что ты произносила во сне его имя.

– Какое еще имя? Твоя Мелна – большая выдумщица.

Бычеголов нахмурился.

– Она запомнила это имя. Глеб-Первоход. Этот ведь тот ходок, который отдал тебя мне?

Несколько секунд Диона молчала, кусая губы, затем улыбнулась и заявила с холодной веселостью:

– Какой ты скучный, Бычеголов! А еще – вождь!

На скулах Бычеголова вздулись тугие желваки.

– Он сам отдал тебя мне, Диона, – угрюмо проговорил он. – Для него ты просто нелюдь. Он ненавидит таких, как мы.

Бычеголов подался вперед и хотел обнять Диону, но она выскользнула из его объятий.

– Я не твоя женщина, – холодно сказала Диона. – *Пока* не твоя.

– Но ты будешь моей. Через седмицу жрец Асприй обвяжет нас алой лентой!

– Это будет через седмицу. А пока я вольна поступать так, как мне вздумается!

Диона повернулась и двинулась прочь с лужайки, но вдруг остановилась и, обернувшись, проговорила:

– А если ты еще раз заговоришь при мне про ходока, я выцарапаю тебе глаза. Надеюсь, ты это запомнил.

Она отвернулась и зашагала прочь.

3

Дождь закончился. По небу проползали последние лохмотья изорванных грозой мороков.

– Стойте! – приказал своим нелюдям Бычеголов. – Они едут!

На дороге показались газары. Все коренастые, широкие в кости, с жиденькими бородами и блестящими от медвежьего жира широкими плоскими лицами.

На каждом красовался кожаный панцирь, покрытый металлическими пластинами. Головы лесных людей были украшены коническими шлемами с перьями на макушке. На поясах болтались кривые сабли, из-за плеч выглядывали навершия огромных боевых луков.

Всадник, едущий в голове колонны, держал в руке бунчук из нескольких конских хвостов, оплетенных разноцветными нитями. Завидев впереди нелюдей, газары остановились. Их узкие, как зарубки в коре, глаза смотрели на кишеньских чудовищ невозмутимо и почти равнодушно.

Бычеголов вышел вперед и поднял руку.

– Здравствуй, нойон! – крикнул он на славянском языке, который знали все лесные люди.

– Здравствуй, нелюдь Бычеголов! – ответил нойон Бекет.

Бекет был так же коренаст и невысок ростом, как и его воины, однако благодаря гордому подъему головы и прямой осанке казался намного выше. Лицо его было худощаво и скуласто, усы росли лишь по обеим сторонам рта, а борода спускалась узкой черной прядкой почти до груди.

– Я пришел с миром, – пробасил Бычеголов, угрюмо глядя на нойона. – Скажи своим храбрым воинам, чтобы не трогали нас.

Узкоглазые лица газаров по-прежнему были непроницаемыми, однако все они то и дело незаметно трогали амулеты, болтающиеся на шеях. Некоторые нашептывали молитвы-обереги.

Нойон дал знак своим воинам. Двое из них, на вид самые крепкие, выехали чуть вперед. Пристально и жестко глядя на нелюдя, нойон Бекет гаркнул:

– Ты пришел в мои владения, нелюдь! А у нас был договор!

Вождь нелюдей смиренно пригнул голову.

– Да, – глухо проговорил он. – Я нарушил договор. Но я пришел к тебе не просто так. Ворон! Рысь! – позвал он своих помощников и добавил несколько слов на наречии нелюдей.

Двое уродливых нелюдей выступили вперед, волоча большую кожаную сумку, поставили сумку на тропу, затем молча вернулись назад.

Нойон Бекет глянул на сумку с опаской.

– Что это? – спросил он.

– Золото! – прорычал Бычеголов.

– Золото? – Нойон не поверил своим ушам. – Полная сумка золота?
Бычеголов кивнул:
– Да. И оно будет твоим.
Узкие глаза нойона подозрительно блеснули.
– Откуда у тебя столько золота, Бычеголов?
– Это золото наших предков, – ответил нелюдь. – Оно столетиями хранилось под землей. Но сегодня мы выкопали его, чтобы отдать тебе.
– Гм... – Нойон задумчиво подергал себя за бородку. Глаза его по-прежнему смотрели недоверчиво. – И чего ты от меня хочешь, Бычеголов?
Нелюдь нахмурил широкий лоб и яростно пророкотал:
– Мы хотим напасть на русов! Будь со мной!
На лице нойона не дрогнул ни один мускул. Он посмотрел на сумку с золотом, на Бычеголова, снова подергал себя за бородку и сказал:
– Русы – храбрые воины. Воевать с ними – дело неблагодарное.
– Мы войдем в их села и города, возьмем все, что у них есть! – прорычал Бычеголов, едва сдерживая ярость. – Мы разорим Хлынъ и заберем княжью казну! Потом ты сможешь увести своих людей в степь, и все вы будете богаты!
Нойон задумался – на этот раз гораздо крепче, чем прежде. Бычеголов выждал немного, затем заговорил снова:
– Князь Егра знает, что ты убиваешь ратников и грабишь караваны купцов. Рано или поздно он придет к тебе. И тогда ты не сможешь спастись. Я предлагаю тебе напасть на князя первым.
Бекет усмехнулся и спросил:
– Напасть на русов – полдела. А что будет потом?
– Ты и твои воины...
– Я знаю, что будет с нами, – оборвал его Бекет, – но что будет с тобой и твоим племенем?
– Мы можем остаться в княжьем граде, – ответил Бычеголов, глядя на нойона маленькими, глубоко посаженными и налитыми кровью глазами. – А можем уйти обратно в Кишень. Я еще не решил.
– Ты не удержишь княжий град, – холодно проговорил нойон. – На помощь Егре придут другие князья.
Бычеголов усмехнулся.
– Я перехватил их письма друг другу. Все они ненавидят Егру, и ни один из них не придет ему на помощь!
– Может быть, и так, – согласился Бекет. – Но тебя и твоих уродов они ненавидят больше.
Бычеголов побагровел и сжал огромные кулаки. Заметив это, нойон усмехнулся.
– Ну-ну-ну. Я не хотел тебя обидеть, Бычеголов. Но кто-то должен сказать тебе правду.
– Правда в том, что я хочу увидеть Егру и его псов-бояр мертвыми! Я хочу разорвать их на части! И я сделаю это – с тобой или без тебя! Диона! – позвал Бычеголов.
Из толпы нелюдей выступила девушка. Брови нойона удивленно взлетели вверх.
– Ты водишь с собой человеческую самку? – насмешливо проговорил он. – Может быть, ты хочешь предложить мне ее в награду вместе с золотом?
По лицу Бычеголова пробежала тень.
– Она не человек! – рыкнул он. – Она – моя женщина.

– Вот оно что. – Бекет пристально посмотрел на Диону. – Эта девушка – нелюдь?
– Обращайся ко мне, если хочешь что-то спросить, – холодно проговорила Диона. – Да, я нелюдь.
Она уставилась нойону в глаза. Затем вдруг подняла руки и повернула их ладонями к нойону. Газары порывисто схватились за амулеты и торопливо забормотали заклинания – на

ладонях девушки открылись темные круглые глаза.

– Смотри на меня! – громко и уверенно приказала Диона. – Смотри на меня, нойон! Твое тело расслабляется! Пальцы становятся ватными! Смотри на меня и слушай мой голос!

Бекет ошеломленно уставился на Диону и сглотнул слюну.

– Ты слышишь только мой голос! – отчеканила Диона властным голосом. – Дыхание твое замедляется! Руки расслабляются! Ты слышишь только мой голос!

Нойон ссутулился, лицо его стало одутловатым и приобрело сонно-туповатое выражение.

– Ты спокоен! – продолжала вещать Диона. – Ты внимаешь только мне!

Дыхание нойона стало ровным и почти незаметным, оно как бы ушло в глубину.

– Ты ненавидишь русов, – продолжала внушать Диона. – И хочешь помочь нам захватить их села и города.

– Я ненавижу русов... – покорно повторил Бекет. – И я хочу захватить их села...

Газары стали обескураженно переглядываться. Никогда еще они не видели на лице своего нойона выражения такой скотской покорности.

– Ты пойдешь с нами на русов! – жестко отчеканила Диона. – А после, когда мы победим их, заберешь золото и уведешь своих людей на восток!

– Я уведу их... – заводной куклой повторил Бекет.

Диона опустила руки. Затем повернулась к Бычеголову и сказала:

– Продолжай.

Бекет тут же вздрогнул и провел по лицу ладонью, будто к нему прилипла паутина.

– Нойон, – взволнованно обратился к нему один из газаров. – Кайды барсум санугач?

– Хаш рагим! – ответил нойон сердито и снова взглянул на Бычеголова. – Я принимаю твое предложение, нелюдь! Но если ты меня обманешь – пеняй на себя.

– Я не обману тебя, – твердо пообещал Бычеголов. – А если я это сделаю, пусть твои воины вырвут мое сердце и бросят его на съедение собакам!

Нойон усмехнулся и отдал короткое распоряжение своим людям. Трое газаров соскочили с коней, быстро подошли к кожаной суме, взяли за ручки и поволокли золото к деревянной телеге.

4

Двумя часами позже, когда солнце уже закатилось за горизонт, а ночная тьма еще не вошла в свои права, Бычеголов сидел на траве у раскаленных углей костра и рвал зубами жареное лосиное мясо.

Другие нелюди, числом не менее двадцати, терпеливо дожидались своей очереди. По закону племени первым должен был насытиться главный вождь.

Среди прочих своей очереди дожидалась и Диона. Нелюди знали, что лучшие куски мяса Бычеголов приберег для нее, и поглядывали на девушку с нескрываемой неприязнью.

Она, похоже, не замечала их взглядов. Лицо Дионы было спокойным и равнодушным.

Вдруг один из нелюдей вскочил на ноги и, указав на что-то рукою, громко проговорил:

– Там кто-то стоит!

Еще несколько нелюдей вскочили с земли и сжали в руках боевые топоры.

Бычеголов перестал есть и взглянул туда, куда указывал нелюдь. Посреди поросшей мхом прогалины стоял человек. Он был высок, красив и молод, однако, несмотря на молодость, волосы его были седы, будто у старика.

Поняв, что его заметили, мужчина улыбнулся и смело пошел к костру. Теперь уже все нелюди вскочили на ноги и схватились за оружие.

Остановившись в пяти шагах от Бычеголова, мужчина заговорил на языке нелюдей:

– Привет тебе, главный вождь! Пусть боги пошлют тебе хороший аппетит, и пусть это мясо даст тебе много сил для грядущих битв!

Бычеголов хмуро взглянул на незнакомца.

– Кто ты? – спросил он, опуская руку с куском непрожаренного кровавого мяса.
– Меня зовут Лагин, – ответил мужчина. – И я пришел к тебе с миром. Так же, как ты пришел сегодня к нойону Бекету.

Бычеголов фыркнул широкими ноздрями.

– Откуда ты знаешь, что я встречался с Бекетом? Кто тебе сказал?

– Я был там, – просто ответил Лагин. – Скрывался за деревьями, поэтому ты меня не увидел.

Бычеголов швырнул кусок мяса Ворону и вытер руки об траву. Затем осторожно понюхал воздух, стремясь почуять запах опасности. Не почуял. Зато почуял другое. Человек, стоявший перед ним, был мертв.

– Ты упырь? – спросил Бычеголов незнакомца.

– А ты сам как думаешь? – лукаво усмехнулся тот.

– Ты выглядишь, как человек, – сказал Бычеголов угрюмо. – Но ты мертв. Так кто же ты?

Мужчина не ответил. Он стоял посреди прогалины, сунув руки в карманы потертого черного камзола, и ухмылялся.

– Бычеголов, – обратился тогда к вождю один из нелюдей, невысокий, как газар, но широкоплечий, длиннорукий, с крепкими и острыми, словно у волка, зубами. – Позволь, я выпотрошу мертвецу брюхо и посмотрю, что у него внутри!

Бычеголов кивнул.

Крепыш-нелюдь опустился на четвереньки и со скоростью распрямившейся пружины прыгнул на незваного гостя. Быстрота его была быстротой рыси, однако незнакомец легко, будто играючи, увернулся от когтистых лап, схватил нелюдя за шиворот и впился ему зубами в шею.

Нелюдь забился в руках Лагина, ударил его когтями по лицу, но все было бесполезно. Лагин не ослабил хватку и не оторвался от шеи нелюдя, пока не выпил всю его кровь.

Затем небрежно отшвырнул труп, взглянул на Бычеголова, громко рыгнул и засмеялся.

Царапина на его лице быстро затянулась.

– Ты не простой упырь, – хмуро сказал Бычеголов.

Лагин облизнул испачканные кровью губы и усмехнулся.

– Я рад, что ты это заметил. Глеб-Первоход назвал меня вурдалаком. А в западном царстве таких, как я, называют стригоями. Ты можешь звать меня так же – стригой. Разреши мне подойти к костру и сесть. Я слишком много ходил сегодня, и мои ноги гудят от усталости.

Бычеголов молча кивнул.

Лагин подошел к костру. При его приближении нелюди опасливо расступились. Усевшись на траву, Лагин снова воззрился на верховного вождя и сказал:

– Я слышал твой разговор с нойоном Бекетом. Вы и впрямь собираетесь идти войной на людей?

Бычеголов прищурился.

– Да, это так. Ты вроде не человек. Значит, это и твоя война?

Лагин усмехнулся:

– Что ж, я готов помочь тебе. Но у меня есть одно условие.

– Какое?

– Я хочу княжить в Хлыни.

Бычеголов пристально взгляделся в лицо Лагина, потом ухмыльнулся и сказал:

– Ты упырь, но желания у тебя человеческие. Зачем тебе это?

– Рано или поздно вы уйдете из Хлынь-града, – ответил Лагин. – Соседние князья – и славянские, и франкские, и хазарские – не допустят, чтобы на троне сидел нелюдь. Но меня они примут за человека. Когда ты вдоволь накуражишься, я соберу выживших людишек и стану княжить ими.

– С чего ты решил, что они тебе позволят?

Глаза Лагина блеснули мягким блеском.

– Я найду способ убедить их, – заверил он. – У меня будет своя дружина. И я позабочусь о том, чтобы мои ратники были самыми сильными ратниками в мире.

Бычеголов обдумал его слова и сказал:

– Я не понял и половины из того, что ты говорил, упырь. Но будь по-твоему. Княжий трон – твой.

Лагин улыбнулся и расслабился.

– А теперь, – снова заговорил Бычеголов, – отойди подальше от костра. Мне не нравится запах мертвечины.

Лагин сдвинул брови, но возражать не стал. Он поднялся на ноги и отошел на десять саженей. Там снова сел на траву, достал из кармана платок и вытер с губ кровь.

Двое воинов Бычеголова ухватили нелюдя, убитого Лагиным, за плечи и потащили его поближе к костру, чтобы разделать и зажарить на углях.

Лагин внимательно проследил за их действиями и усмехнулся. Судя по всему, нелюди были лишены человеческих предрассудков.

– Лагин! – окликнул его женский голос.

Ученый муж оглянулся.

– Диона? – Он пристально взгляделся в лицо приближающейся девушки. – Вот так встреча! Ты стала еще красивее, Диона. Я рад, что с тобой все в порядке.

Диона остановилась в шаге от него.

– Зачем ты здесь? – тихо спросила она.

– А разве ты не слышала? Хочу стать князем Хлыни. По-моему, я вполне для этого годюсь. Как думаешь?

– Я не верю тебе, – сказала Диона.

– Не веришь?

Диона качнула головой:

– Нет. Ты что-то замыслил.

Лагин прищурил холодные глаза и усмехнулся.

– Ты слишком подозрительна, моя прелесть. Впрочем, думай как хочешь.

– Я узнаю, что ты замыслил, – процедила Диона сквозь сжатые зубы.

Лагин улыбнулся.

– Расслабься, красавица, – примирительно произнес он. – Съешь кусочек нелюдя. Когда я нервничаю, у меня просыпается волчий аппетит.

Ученый муж сорвал травинку и сунул ее в рот.

– Ты видел Глеба? – спросила Диона, по-прежнему пристально его разглядывая.

Лагин кивнул:

– Да.

– Шрамы на твоём лице оставил он?

– Он выстрелил в меня серебряной пулей, – сообщил Лагин, пожевывая травинку. – Дьявольская штука.

– Но ты жив.

– Насчет того, жив я или нет – это вопрос спорный. А что до той пули... Попади она мне в висок или в лоб, я был бы уже на том свете.

– Ты заслужил ада и Нави, – мрачно заявила Диона.

Лагин перестал жевать, взглянул на девушку удивленным взглядом и сказал:

– Ты тоже.

– Эй, стригой! – громко позвал от костра Бычеголов.

Лагин повернулся и посмотрел на вождя.

– Если встретим Первохода, не трогай его! – прорычал Бычеголов.

Лагин хмыкнул и облизнул губы.

– Это еще почему? – поинтересовался он.

– Потому что он – мой! – последовал ответ.

– Вот оно что. – Лагин выплюнул травинку и ухмыльнулся. – Старые счета? Что ж, я не буду перебегать тебе дорогу. Каждый из нас получит свое: ты свернешь Первоходу шею, а я высосу из него кровь.

Лагин перевел взгляд на Диону. Девушка стояла перед ним, сосредоточенно нахмурившись и покусывая губы.

– Пойду пройдуся, – сказал Лагин и легко поднялся на ноги. – Не хочешь со мной?

Диона качнула головой:

– Нет.

– Что ж, тогда до встречи.

Стригой повернулся и бодро зашагал к чащобе. Диона сжала кулаки и проводила его долгим задумчивым взглядом.

5

Князь Егра, грузный, лысый, величественный, сидел в палатах, обитых медью, никого не допуская перед очю. Бессонные ночи сделали лицо князя серым, взгляд – угрюмым, душу – лютой, а ноги – бессильными.

Муторно было на душе у Егры. Намедни тайные соглядатаи перехватили донесение от правителя Голяди хазарскому кагану. Просил голядский князь Орлик помощи у хазарцев в войне с Хлынью. Неделей раньше такое же донесение голядский князь переправил кривичскому и дреговичскому князьям – про то узнали от взятого в полон голядского поручика.

Не такой войны ждал князь Егра. С Голядью совладать – задача нетрудная. Но вдруг хазары да радимичи Орлика поддержат? Как воевать сразу на несколько сторон?

Была и еще одна неприятная весть: в Гиблом месте нечисть заволновалась. Атаман Самоха обещал уродов приструнить, но сумеет ли?

Князь вздохнул.

Не за свою шкуру боялся Егра, а за земли, что от князя Аскольда в наследство получил. Не разбазарить бы.

При Аскольде княжество в границах своих удержалось, хоть и мягок был Аскольд, да сумасброден. Егра же, взяв бразды правления в свои руки, навел в княжестве строгий порядок. Люди, рассудил он, по своей сути страшнее лютых зверей. Не позволишь им выпустить пар, выпустят друг другу кишки. Потому – разрешил Егра купцам построить Порочный град, но придвинул его поближе к Гиблому месту.

Накопит человек в душе злобу, но вместо того, чтобы ближнему своему нагадить, поедет в Порочный град и на нечисти отыграется. Да еще и деньги за то заплатит, а часть денег прямиком в княжью казну отправится. Великое дело!

Но находились и такие, кому сей уклад был не по нраву. Бузу терли, народ на нехорошее подымали. И рад был бы Егра дурное дело пресечь, но как?.. Нет, уж пусть лучше Порочный град стоит да слюдяными факелами прохожих богачей призывает. Простым людям оттого будет только спокойнее.

Егра снова вздохнул.

В палаты вошла княгиня Наталья. Она была бледна и будто чем-то напугана. Должно быть, проходила мимо клеток со спуржун-птицами.

– Зачем спуржун-птиц на подворье притащил? – неприязненно спросила княгиня, останавливаясь возле дубового трона. – Кони волнуются!

Егра чуть-чуть повел щекой, словно ему было больно поворачивать голову.

– Ничего, привыкнут. А птиц этих я приручу.

– Приручишь? Эти крылатые твари – порождение Гиблого места! Их нельзя приручить!

Егра хмыкнул.

– А я все ж попробую. Вот приручу этих двух, велю поймать в чащобе других. Ежели в моей дружине будет десяток-другой спуржун-птиц, нам никакой враг не страшен.

Княгиня несколько мгновений молчала. Затем подошла ближе и положила руку князю на плечо.

– Помнишь, как ты мне сказал, когда в жены меня взять хотел? «Моей будешь, тебя на престол возведу. Моей будешь, с тобой вместе княжеством править станем. Без тебя жизнь не жизнь, а с тобою вместе – смерть не смерть».

– Было дело, – отозвался Егра. – Но ты мне тогда нехорошо ответила.

– Ответила, как могла. Отец мой был еще жив. А раньше смерти хоронить живого негоже. Но не об этом я с тобой говорить хочу.

– Тогда о чем?

– Озабочен ты, Егра. Улыбка на твоём лице больше не появляется. Стал угрюм, не приветлив. А вслед за угрюмостью пришла и лютость.

Князь, прошуршав пурпурной накидкой, скрепленной драгоценной фибулой на правом плече, повернул голову в сторону супруги.

– Я должен быть лютым, Наталья, – сказал он. – Один я. Никого кругом. – Взгляд князя потеплел, и он договорил неожиданно мягким голосом: – Только ты у меня одна и осталась. А я у тебя.

Княгиня вздохнула.

– Ты стал слишком подозрителен, Егра. Друзей от врагов не отличаешь.

Князь дернул щекой.

– Лучше казнить друга, чем приветить врага, – сухо проговорил он. – А враги нынче кругом. Даже нелюдь распоясалась. Недавно один из этих уродов пробрался в палаты и принялся крушить все вокруг. Едва меня не угробил. Хорошо, воевода Ратибор оказался рядом.

– И где ж теперь этот нелюдь?

Князь помрачнел.

– Сбежал. Убил охоронцев и сбежал. Здоровый был, леший. С сажень ростом, не меньше. А на башке – шишки. Как рога.

Наталья улыбнулась, протянула руку и провела ладонью по лысой смуглой голове Егры.

– Одичал ты совсем. Вот и спуржун-птиц этих себе завел. Смотреть страшно.

Князь молчал, угрюмо уставившись на свои колени.

Наталья редко обращалась к мужу со словами сочувствия или поддержки, но сейчас поняла, что на сердце у Егры слишком тяжело, чтобы суметь вынести эту тяжесть одному. Чувствуя, что князь нуждается в ее поддержке, она сказала себе: «Твоему мужу плохо. Протяни ему руку, выслушай его». И она, повинувшись неведомому голосу, повторила:

– Что тебя так тревожит, муж мой?

– Худой сон из головы нейдет, – вдруг откровенно признался князь. – Уж который день не могу опомниться от того сна.

– Что за сон?

– Приснилось мне, будто змея прокралась в мой дом, обвила мою шею, замаслила мне уши ласковыми речами, а как только я расслабился, ужалила меня в сердце.

Наталья с тревогой слушала слова мужа.

– А потом снилось, будто кладут меня в ладью и спускают на воду. И лишь только отплыла ладья от берега, как весь берег объял всепожирающий огонь. И кричали в том огне бабы и дети, и вопили от боли мужики. А я уже ничем не мог им помочь.

Наталья, потрясенная, молчала.

– Что-то страшное грядет, Наталья, – закончил Егра угрюмым голосом.

– На какой день ты видел этот сон? – спросила Наталья после паузы.

– На второй день молодой луны.

Наталья протянула руку и погладила мужа по голове.

– Ты просто тревожишься из-за войны с Голядью, – сказала она.

Егра хотел ответить, но в палаты, запыхавшись, вбежал холоп.

– Что стряслось? – грозно спросил его князь.
– Пресветлый княже, там к тебе просится человек! – выпалил холоп.
– Человек? – Егра нахмурился. – Какой еще человек?
– Говорит, что ты его знаешь!
– Прозвище его спросил?
– Да! Говорит – Глеб-Первоход!
Наталья побледнела и прижала руки к груди. Егра хмуро на нее взглянул и сказал:
– Ступай к себе.
Наталья взглянула на него тревожными глазами и спросила:
– Ты его примешь?
– Приму, – ответил князь. – Не каждый день в мою дверь стучится мой лютый враг.
Нужно узнать, что ему нужно.
– Я не...
– Ступай, – коротко и грозно повторил Егра.
В глазах княгини полыхнул строптивый огонек, но она быстро сдалась и послушно зашагала к дверям.

6

Помимо Егры, в палатах были четыре охоронца и первый советник князя – боярин Велигор.

Велигор стоял за троном князя и выглядел полной противоположностью Егры. Князь был грузен, лыс и брит, а лицо имел упитанное и благообразное. Советник Велигор был тощий, жилистый, с кадыкастой шеей, длинными темно-русыми волосами и морщинистым лицом.

Держался Велигор спокойно и почтительно, а на охоронцев и их начальника смотрел свысока, как и подобает домовому боярину и первому советнику князя.

Когда Глеб, растерянно озираясь, вошел в палаты, князь улыбнулся и холодно проговорил:

– Ну, здравствуй, Глеб-Первоход. Давно не виделись.
– Давно, Егра, – признал Глеб, останавливаясь перед троном. – Так давно, что уж и позабыл, как ты статен и красив.

Князь холодно прищурился.

– Ты все так же своеволен и языкат? – насмешливо спросил он. – Некому, видать, было язык твой укоротить. Зачем пожаловал?

Глеб откинул со лба рукою длинную прядь волос и ответил:

– Слышал я, князь, что в Гиблом месте нечисть бурлит. Войной на твои земли пойти грозит.

Егра прищурился и облизнул губы.

– Откуда вести такие?

– Слухами земля полнится, – уклончиво ответил Глеб.

Князь улыбнулся.

– А ты поменьше слушай. Прости, не предложил тебе вина. Какое пьешь – красное или белое? А может, налить тебе водки? Я слышал, что ты теперь пропойца.

Глеб отрицательно качнул головой:

– Нет, благодарствую. Вижу, князь, не принял ты мои слова всерьез. В таком случае, разреши мне откланяться.

Глеб поклонился князю, повернулся и шагнул к двери.

– Постой! – окликнул его Егра.

Глеб остановился.

– Сядь подле, – распорядился князь и сделал знак рукой, повелевая Глебу сесть на скамью. – Поговорим серьезно.

Глеб повернулся, прошел к скамье и сел. Несколько мгновений князь смотрел на него тяжелым, изучающим взглядом, после чего проговорил:

– Сколько уж лет мы с тобой враждуем, ходок, а кому от того польза?

Глеб усмехнулся:

– Мне уж точно пользы нет.

– Да и мне прибытку от той вражды никакого. Что, ежели станем друзьями?

На лице ходока промелькнуло удивление.

– Вряд ли у нас это получится, – негромко сказал он.

– Не за-ради друг друга, а за-ради княжества нашего. Ты ведь тоже рус.

– Я рус, – кивнул Глеб. – А ты, я слышал, из варягов?

Егра поморщился и пожал плечами:

– Какая разница? Престол – он отчества не спрашивает, он земле своей служить велит. И я служу. Худо ли, хорошо ли, но служу. Вспомни времена Аскольдовы. Что не год, то неурожай. А при мне народ благоденствует.

– Народ на тебя ропщет, – возразил Глеб. – В лицо хвалит, а втайне ропщет.

Егра небрежно махнул усеянной перстнями рукой:

– Пусть его ропщет. Народ – он завсегда готов пороптать. А посади любого из этих роптунов на княжий престол – такого натворит, что хазарские да печенежские набеги за благо почитать станешь.

Князь сделал паузу, чтобы сменить тему, и заговорил снова:

– Слыхал я про твои подвиги, Первоход. Бава и Крысун сказывали, что лучше тебя в княжестве воина нет. Пойди ко мне на службу. Мне хорошие ратники нужны. Время сейчас беспокойное. Степняки да аравийцы полмира захватили. Не встанем стеной – ничего от земель русских не останется, окромя голого места.

Глеб сжал зубы и глухо произнес:

– Княже, я пришел сюда говорить о Гиблом месте.

Егра поморщился.

– А чего о нем говорить? Стоит себе и стоит. Вот погоди, вырублю Гиблую чащобу под корень, а нечисть перебью. Благое и великое дело сделаю.

– Гиблое место – штука непонятная и толком неизученная, – возразил Глеб. – За долгие годы между людьми и нечистью установилось шаткое равновесие. И не время сейчас это равновесие нарушать.

Егра вскинул черные брови:

– Чего же ты от меня хочешь, ходок?

– Урезонь Самоху. Разбойники его бесчинствуют, предела в лютости не знают.

Черные брови князя сошлись на переносице.

– Ты жалеешь нелюдей? – недовольно спросил он.

– Я ненавижу нелюдей. Но я не хочу, чтобы в то время, как ты двинешь войско против Голяди, нечисть ударила тебе в спину.

Егра оттопырил нижнюю губу и задумчиво потербил ее пальцами.

– Есть ли у тебя еще доводы, Первоход? – поинтересовался он.

– Есть, князь, – ответил Глеб. – Гиблое место – страшное место. А помимо того – непонятное. Никто толком не знает, что там происходит и откуда оно взялось. Помнится, князь, ты сам мне рассказывал про упавшего с небес бога. Но в словах твоих было сомнение.

Егра прищурил темные глаза:

– Не пойму, к чему ты клонишь?

– Даже мы, ходоки, не исходили и пятой части Гиблых лесов, – терпеливо проговорил Глеб. – Кто знает, что там скрывается? Да и Кишень нам толком неведом. Что таится в его подвалах и подклетах? – Глеб выдержал паузу, давая князю осмыслить все, что он сказал, и заговорил снова: – Помнишь, я рассказывал тебе о том, что думаю про павшего бога?

Егра усмехнулся:

– Ты про огромный железный корабль, который упал с неба?

Глеб кивнул:

– Да.

– Ну, это чушь.

– Может быть, – согласился Глеб. – А что, если нет? Далеко на востоке живут дикие племена. У них нет ни мечей, ни мельниц, ни телег. Они не умеют строить каменных домов, а живут в норах, как кроты и кролики. Время от времени работоторговцы берут их в плен и пригоняют сюда. Ваши купцы перекупают их и везут на невольничий рынок в Хафу.

Егра сощурился:

– Зачем ты мне о них рассказываешь?

– Представь себе, что однажды на племя дикарей упала с неба огромная телега с мечами, тарелками, огнивами, берестяными грамотами и гвоздями. Что сделали бы дикари?

Егра внимательно взглянул на Глеба и едва заметно усмехнулся.

– Я понял тебя, Первоход. Ты хочешь сказать, что мы – те самые дикари. А чудесные вещи, которыми полно Гиблое место, – это мечи, гвозди и берестяные грамоты, которые упали на нас с неба. Но откуда тебе знать, что все это так?

– Я не знаю. Я просто предполагаю.

– Но ведь в Кишени живут нелюди, – возразил князь. – Живут веками. Они Гиблого места не боятся. Чего же нам, людям, его опасаться?

– У кишенских тварей тоже есть вельможи и жрецы, – возразил Глеб. – Они умны, и они скрывают свои тайны от прочих нелюдей.

Советник Велигор вытянул длинную жилистую шею и насторожился.

Глаза князя Егры потемнели.

– Ты думаешь, в Гиблом месте есть нечто такое, что может погубить нас всех? – недоверчиво спросил он.

– Я этого не исключаю, – отчеканил Глеб.

Егра снова погрузился в размышления. Глеб смотрел на него выжидающе. Он знал, что князь Егра далеко не глуп, а годы, проведенные у кормила власти, должны были сделать его еще более осторожным и предусмотрительным.

Наконец князь заговорил:

– Ты пытаешься доказать, что нам не стоит забираться в сердце Гиблого места?

Глеб кивнул:

– Да.

– Но мы должны с ним что-то сделать. Гиблое место – гнойный колтун, который нужно срезать и обработать травяным настоем.

– Не спорю, – согласился Глеб. – Но действовать нужно осторожно и продуманно. И уж никак не во время войны.

– В твоих словах есть правда, – признал Егра. – Я обдумаю их.

– Думай скорее, князь.

Глеб взглянул на черный блестящий камень, висевший у Егры на шее. Камень был оправлен в золото и висел на цепочке, сплетенной из золотых, платиновых и стальных нитей.

Пять лет назад Глеб видел этот камень на шее у князя Аскольда. Должно быть, это символ верховной власти. Что-то вроде короны, скипетра или державы.

– На что ты смотришь, ходок? – поинтересовался, выходя из задумчивости, Егра.

– Так, ни на что. – Глеб отвел взгляд от камня, однако князь успел понять, что его заинтересовало.

– Любуешься Ореолом? – с самодовольной усмешкой спросил он. – Должно быть, ты видел его на груди у князя Аскольда. Вот уже четыре года он мой.

– Ты назвал этот камень «Ореолом»? Я никогда не слышал про него.

– Будь ты придворным боярином, ты бы мечтал об этом камне и днем, и ночью.

– Что же в нем необычного?

– Этот камень принадлежал первому хлынскому князю – Дагусу Большерукому. Он

передал его своему сыну, тот – своему. Дед князя Аскольда отнял его у внука Дагуса – Будимира Второго – и повесил на свою грудь. Мне его вручил, умирая, князь Аскольд. Я – седьмой хлынский князь, который владеет Ореолом Власти.

Глеб наморщил лоб и задумчиво проговорил:

– Странно.

– Что тебя удивляет? – насторожился Егра.

– Это не алмаз, не рубин и не изумруд. Почему он так ценен?

– В древних рунах, которые хранятся со времен Дагуса Большерукого, написано, что Ореол дает обладателю власть над миром. Я не верю в эту чепуху, но я чту традиции и лучше подставлю голову под секиру палача, чем расстанусь с камнем. Так что ты решил, Первоход? Будешь мне служить?

Глеб качнул головой, выходя из задумчивости, и ответил:

– Я многое знаю, князь. И многое умею. Я пришел сюда издалека, но прикипел к княжеству душою – так же, как ты. И я готов тебе служить. Но я хочу знать, что мое слово будет иметь вес.

Егра долго думал, затем изрек:

– Ты станешь моим советником. Ратмир! – позвал он.

Старший из охоронцев поспешно приблизился к трону.

– Да, пресветлый князь!

– Сей человек, который зовется Первоходом, – мой советник и поручик. Огласи всем мою волю. А Первохода отведи в казарму и выдай ему все, что полагается княжьему поручику.

– Слушаюсь, пресветлый князь. – Ратмир повернулся к Глебу: – Идем, Первоход. Я покажу тебе все, что нужно.

Глеб встал со скамьи, церемонно поклонился князю и зашагал с охоронцем к двери.

Дождавшись, пока он выйдет, князь Егра повернул голову к своему молчаливому советнику:

– Что скажешь, Велигор?

– Княже, я в нем не уверен, – отозвался советник глуховатым голосом.

– Почему?

– Ходоки под смертью ходят. Гиблое место им роднее дома, а упыри морды милее человеческих лиц. Я не доверяю ходокам.

– Но этот ходок говорит правдивые вещи.

– Верно, – кивнул Велигор. – Но что, если его подослала к тебе нелюдь?

Егра задумчиво пошевелил бровями, затем качнул головой и небрежно проронил:

– Чепуха. Зачем ходоку дружить с нелюдью?

– То мне неизвестно, – отозвался советник. – Но в мире происходят странные вещи, княже.

Князь с сомнением подергал себя пальцами за нижнюю губу.

– Ладно, – сказал он после паузы. – Пошли кого-нибудь половчее. Пусть последит за ходоком.

– Слушаюсь, пресветлый княже. Сей же час сделаю.

Велигор повернулся и бесшумной тенью скользнул к двери.

Глеб выпил немного холодного кваса, потом сел на лавку, перевел дух и стал разглядывать «обмундирование», которое грудой свалил на лавку охоронец Ратмир.

Здесь были стеганный подклад, кольчуга с медным нагрудником и бармица. Рядом – конический шелом. Чуть в стороне – посеребренные ножны с боевым ножом-скрамасаксом и широкий кожаный ремень с золоченой пряжкой.

Глеб представил себе, как будет выглядеть в этом боевом наряде, и мрачно усмехнулся. Куртка охотника была ему куда ближе и роднее, чем боевые доспехи дружинника. Однако теперь он не охотник, а княжий поручик, а значит, обязан таскать на себе всю эту грудку железа.

Ох-хо-хо...

Тревожно было на сердце у Глеба. Слишком сложна и тонка игра, которую навязал ему Громош. Глеб представил себе шахматную доску. Основные фигуры ясны. Диона. Лагин. Бычоголов. Но кто двигает этими фигурами и какой цели добивается?

И кто из этих троих действовал осознанно, по своему разумению, а кому все слова и действия нашептывали на ухо чужие уста?

Тоже вопрос.

Вот теперь и он, Глеб Орлов, стал фигурой на этом жутковатом шахматном поле...

Глеб вздохнул и покачал головой. Нет, слишком сложную вязь соткал охотник, слишком ненадежную сплел сеть. Сработает ли? Возможно. А если нет?.. Тогда лежать Глебу в каком-нибудь овраге с продырявленной башкой.

Заметив краем глаза легкую тень в окне, Глеб вскочил на ноги и одним прыжком достиг окна. Удар ногой – и ставня с грохотом распахнулась. Глеб быстро выглянул наружу.

За окном никого не было. Глеб спрыгнул вниз, присел и тщательно осмотрел землю. Затем протянул руку и поднял с земли несколько темных шерстинок. Потер их в пальцах, поднес к лицу и осторожно понюхал.

Легкий, едва различимый запах серы заставил его нахмуриться и быстро оглядеться по сторонам. На подворье было пустынно, лишь у амбара спорили о чем-то мужики да в клетках у конюшен бились крыльями о прутья две спуржун-птицы, пойманные Самохой для князя Егры.

Глеб сдул шерстинки с ладони и поднялся на ноги.

Роль, которую он играл, ему не просто не нравилась, она его пугала. Но игра началась, и отступать поздно. В конце концов, на кону судьба целого мира. А за это стоит пролить немного своей и чужой крови.

7

Глеб почти не удивился, когда тонкие женские пальцы схватили его за руку и затянули в маленькую полутемную комнатку.

– Глеб!

Он взглянул на княгиню и улыбнулся:

– Наталья. Рад видеть тебя в добром здравии.

Княгиня тоже хотела улыбнуться, но у нее не получилось.

– Ты... – Голос ее дрогнул. – Ты сильно изменился, Глеб.

– Да. Жизнь меня здорово потрепала. А ты все такая же красивая.

– Не говори так, – умоляюще попросила Наталья.

– Почему?

– Я мужняя жена, Глеб. И я не должна слышать такие слова.

Глеб несколько секунд напряженно смотрел княгине в глаза, а затем вдруг сжал ее в объятиях. Наталья прикрыла глаза и взволнованно прошептала:

– Что ты со мной делаешь?

Их губы соприкоснулись, но в следующее мгновение Глеб опомнился и отстранил ее от себя.

– Наталья, я не хочу...

– А когда-то хотел, – быстро проговорила княгиня и сама прижалась к Глебу. – Когда-то ты любил меня. Ведь любил же?

Глеб отвел глаза.

– Пойми, прошло много времени, – тихо сказал он. – У меня своя жизнь и... и вообще.

– У тебя есть женщина? – быстро спросила княгиня.

– Нет, но...

– И ты ее любишь? – Наталья вгляделась в лицо Глеба. – Вижу – любишь. Кто она?

– Наталья, прости, но я не хочу об этом говорить.

Несколько секунд она молчала. Потом вздохнула и обреченно проговорила:

– Ты прав. Нам не быть вместе. – Помолчав еще немного, княгиня спросила: – Ты хранишь парсунку, которую я тебе подарила?

– Да, – ответил Глеб. – Она все еще у меня.

Наталья откинула край платка, и Глеб увидел у нее на платье брошь, сделанную из циферблата его старенькой «Омеги».

– Я храню твой подарок, – сказала княгиня, ища глазами глаза Глеба. – И всегда буду хранить. Взгляни на меня, Глеб. Пожалуйста!

Орлов посмотрел Наталье в глаза. Она подняла руки и положила пальцы Глебу на плечи.

– Поцелуй меня. Один только раз.

Глеб качнул головой:

– Я не могу. Ты была права, когда сказала, что я люблю другую.

Но княгиня его будто не слышала.

– Пожалуйста. – Голос Натальи дрогнул. – Я так долго мечтала об этом... Один только поцелуй.

Наталья посмотрела на Глеба жалостливым взглядом.

– Пожалей меня, – проговорила она вдруг. – Дай мне вновь почувствовать себя молодой и живой.

И вдруг Наталья обхватила Глеба ладонями за щеки, притянула его голову к себе и впилась ему в губы своими губами. На этот раз Глеб не нашел в себе ни сил, ни желания противиться. Он обнял Наталью, крепко прижал ее к себе и продлил поцелуй.

Княжий лакей Бакан по прозвищу Юрок отлип ухом от двери и зашаркал сапожками по коридору. Пройдя до конца, он свернул к княжьим покоям, но дорогу ему заслонил лакей Липок. Бакан был тощ и мал, Липок – еще ниже Бакана, но крепче в кости и выше в звании.

– Куда бежишь, Бакан? – осведомился Липок.

Лакей приостановился, глаза его забегали.

– К князю, – быстро обронил он и хотел идти дальше, но Липок не дал.

– Зачем? – спросил он, глядя Бакану в глаза.

– Хочу ему кое-что порассказать.

Липок еще пристальнее посмотрел на Бакана.

– Я здесь старший из княжьих холопов, – произнес он сухим, трескучим голосом. – Ты решил прыгнуть чрез мою голову, Бакан?

Бакан облизнул губы:

– Липок, я не хотел...

– Ну а не хотел, так говори: зачем к князю идешь?

Бакан вдруг выпятил грудь колесом и самонадеянно проговорил:

– Мне боярин Велигор велел! И я перед тобой не обязан держать отчет!

– Вот ты как заговорил! – взвился на него Липок. – Ну, погоди же, лисья морда!

Он выхватил из-за пояса маленький кнут и замахнулся на Бакана. Тот, однако, не шевельнулся.

– Это ты сейчас старший над всеми холопами, – угрожающе проговорил он. – А завтра Велигор меня старшим сделает. Тогда и поглядим, кто из нас лисья морда.

Липок холодно улыбнулся и, держа кнут в руке, стал медленно надвигаться на Бакана. Младший холоп попятился и не выдержал – сдуслся.

– Чего ты, Липок?.. – испуганно забормотал он. – Ну, чего ты?.. Пошутил я. И шел я не к князю, а к боярину Велигору. Сказать, что спуржун-птицы конюху руку оттяпали.

Липок остановился и опустил кнут.

– Другое дело, – примирительно проронил он. – Велигору я про конюха сам доложу. А теперь ты поди на кухню и проследи, чтобы обед не подгорел. Князь сегодня не в духе. Не понравится обед – всех под плеть отправит.

Бакан стоял, переминаясь с ноги на ноги.

– Чего стоишь, зенками лупаешь?! – прикрикнул на него Липок. – Иди уже!

Бакан повернулся и зашагал на кухню.

Однако, зайдя за угол, он изменил направление, тихонько выскользнул в боковую дверь, обошел старшего холопа по кругу и снова вошел в палаты, но уже с другой стороны. Здесь он наткнулся на охоронца Ратмира.

– Куда идешь, холоп? – сурово спросил тот.

Бакан посмотрел на богатыря-охоронца снизу вверх и пролепетал:

– Важную весть князю нес.

– Какую еще весть? – пристально глядя в глаза лакею, спросил Ратмир.

– Про то сказать могу только ему, – бледнея от собственной храбрости, пробормотал Бакан.

Охоронец задумчиво пошевелил бровями, затем произнес:

– Ладно, идем.

Он грубо схватил лакея за шиворот и потащил его к князю.

Представ пред очами князя Егры, лакей повалился на пол и заголосил:

– Пресветлый князь, грустную весть принес я тебе!

Егра, дремлющий на персидском мягком диванчике с позолоченным посохом в руке, приподнял тяжелые веки и без всякого интереса посмотрел на пресмыкающегося лакея.

– Что еще за весть? – сухо спросил он.

Бакан оторвал взгляд от пола и поднял его на князя.

– В твоём доме измена, – дрогнувшим голосом пробормотал он.

– Что? – Егра прищурил темные глаза. – О чем ты, холоп?

– Слышал я, княже, как твоя княгиня и этот новый поручик... – Бакан запнулся, не зная, как продолжить.

Князь приподнялся на диване.

– Говори, холоп! – резко потребовал он.

– Твоя княгиня и новый поручик... – Холоп испуганно облизнул губы. – Прости, княже, не знаю даже, как и сказать-то...

– Говори, как было! – потребовал Егра, сверкнув глазами.

Бакан побледнел от страха и залепетал:

– Видал я, княже, как заперлись они в чуланчике... А после слышал шепот и звуки любовные...

Лицо Егры оцепенело. Казалось, он был ошеломлен обрушившейся на него новостью. Несколько секунд он молчал, затем повернулся к Ратмиру и повелел:

– Возьми этого и отдай кату. Пусть переломает ему руки и ноги.

– Пресветлый княже, за что?! – в страхе закричал Бакан.

– За дурную весть, холоп.

Ратмир дал знак двум охоронцам. Подвывающего от ужаса Бакана схватили и поволокли из палат. Дождавшись, пока его причитания стихнут за дверью, князь угрюмо глянул на Ратмира и проговорил:

– Змей прополз в мой дом, Ратмир. Подлый, двуличный змей. По доброте душевной принял я его и щедро угостил. А он съел мое угощение и уязвил меня в самое сердце.

Охоронец стоял перед князем навтыжку, хмурая брови и боясь шевельнуться. Он знал, что спокойствие князя Егры мнимое и что в душе Егры полыхает такое пламя, что, вырвавшись на волю, один лишь огненный язык его может дотла спалить любого.

Некоторое время Егра оцепенело молчал. Пальцы его, сжимающие посох, побелели. На лбу прорезались резкие морщины, а глаза потемнели и стали так страшны, что даже Ратмир, прошедший огонь и воду, не решался в них смотреть.

Наконец князь шевельнулся и произнес глухим, замогильным голосом:

– Ходока отдать атаману Самохе. Пусть придумает ему самую лютую казнь. Он по этой части умелец. А ежели узнаю, что Первоход помер легко, с самого Самохи шкуру сдеру.

Исполняй!

– Слушаюсь, пресветлый князь.

Ратмир положил пальцы на рукоять меча, дал знак двум охоронцам, и они втроем зашагали прочь из княжьих покоев.

– погоди! – остановил его князь.

Ратмир и охоронцы замерли на месте.

– снаряди в Гиблый лес рубщиков, – распорядился князь.

– Рубщиков? – вскинул брови Ратмир.

– Да. И чтобы числом не менее трех сотен. Пушай Гиблый лес от межи к Гиблой чаще рубят. Пойди к воеводе Ратибору и скажи, чтобы дал тебе полста дружинников. И пусть снарядит с ними лучников – самых метких да быстрых.

Глаза начальника охоронцев восторженно сверкнули.

– Исполню, пресветлый княже! Пошлю туда лучших своих людей!

– На всю работу даю тебе десять дней. И чтобы за этот срок сдвинули межу на десять верст вглубь.

– Сделаем, княже! И на двенадцать сдвинем – была бы твоя воля.

– И возьмите побольше сторожевых собак. Кто надумает с работ сбежать, рвите псами не жалеючи. Ступай!

Ратмир дал знак охоронцам, и все трое стремительно зашагали к выходу.

Где-то в глубине двора загготали гуси. Залаяли собаки. Егра устало откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза.

– Змей... – тихо проговорил он. – Подлый змей... А она еще говорила, что я не умею отличить друзей от врагов. Ничего. Теперь отличу.

– Пресветлый князь, – услышал Егра голос советника Велигора. – Вели слово молвить.

– Молви, – отозвался Егра, не открывая глаз. – Велю.

– Опасное дело ты затеял. Ежели оборотням да нелюдям деваться будет некуда, они на села пойдут.

– Пускай идут. Мои ратники их встретят стрелами да мечами.

– Я слыхал, у нелюди теперь тоже мечей в достатке.

Егра усмехнулся:

– Что их железные палки против наших заговоренных мечей из закаленного хуралуга.

Советник Велигор склонил голову в согласном жесте.

– Тут ты прав, княже. Но добивать раненого медведя в его берлоге – дело опасное. Как бы не случилось беды.

Егра поморщился:

– Хватит каркать, вещун. Ступай вон. Отдохнуть хочу.

Советник Велигор поклонился и зашагал прочь из покоев.

* * *

Когда княгиня Наталья ворвалась в покои князя, Егра сидел на скамье и жевал яблоко. Остановившись перед скамьей, Наталья сжала кулаки и выпалила:

– Ты приказал избить ходока!

Егра взглянул на нее и небрежно усмехнулся:

– Охолони.

Однако княгиня не собиралась успокаиваться. Ее густые светло-русые волосы выбились из-под чепца, голубые глаза пылали гневом.

– Твои псы избили его до полусмерти! – крикнула она.

– Правда? – Князь откусил яблоко, усмехнулся и проговорил, лениво пожевывая: – Видать, заслужил.

Княгиня подняла руки и тряхнула кулаками. Зубы ее скрипнули. Однако Егра смотрел на жену насмешливо и холодно.

– Помнишь, ты говорила, что я не отличаю друзей от врагов? Видишь, теперь отличил. Князь поднялся со скамьи и шагнул к жене. Наталья попятилась.

– Не трожь! – крикнула она. – Тронешь, на вилы брошусь!

Егра остановился и удивленно посмотрел на жену.

– Вот как ты его любишь? – Лицо его помрачнело, а тяжелые веки дрогнули. – Я тебя не трону. Ты моя жена, и я не причиню тебе вреда. Но с глаз моих уйди. Уйди, покуда гнев в душе не перекипел.

Княгиня опустила руки, словно внезапно обессилела.

– Первоход не виноват, – с горечью проговорила она. – Я сама его поцеловала. А больше ничего промеж нас не было. Клянусь Ладой и Макошью!

Губы князя Егры побелели от гнева.

– Еще раз... – процедил он сквозь зубы. – Еще раз скажешь мне про Первохода, сам ему голову огнем сожгу.

– Но...

– Ступай к себе и не появляйся мне на глаза! – рявкнул Егра, трясаясь от гнева.

Наталья повернулась и зашагала прочь.

Глава третья

1

– Стой прямее, ходок!

Глеб покачнулся на израненных ногах, но держащий его верзила рявкнул:

– Да не заваливайся ты! – И несильно ударил Глеба кулаком по голове.

В черепе у Глеба загудело, к горлу подкатила тошнота. Его избивали долго, но умело, уродуя мясо и следя за тем, чтобы кости остались целы.

Глеб не знал в точности, сколько это продолжалось. От боли он потерял счет времени. Знал только, что находится уже не в княжских палатах, поскольку помнил, как везли его в телеге, накрыв грубой дерюгой.

– Зенки-то разлепи, тля! – скомандовал верзила. – Перед атаманом стоишь!

Глеб открыл распухшие от побоев глаза. Ему не сразу удалось сфокусировать зрение. А когда удалось, он увидел перед собой рослого мужика, сидящего на расписной скамье.

Мужик был худощавый, широкоплечий, с умным, холодным лицом. Подстрижен он был коротко, под гребенку. Русые борода и усы тоже аккуратно подстрижены. Из одежды – роскошный синий шелковый кафтан, алые шаровары и новенькие яловые сапоги. За голенище сапога была воткнута плеть.

– Вот, значит, ты какой, Глеб-Первоход? – сказал мужик хрипловатым голосом. – Я-то думал – ты богатырь Святогор. А ты в плечах не ширше меня. А ростом даже пониже будешь. Ну, давай знакомиться. Я – атаман Самоха. Садись, выпей со мной вина.

Верзила подвел Глеба к лавке и силой усадил его. Самоха дал знак малорослому разбойнику, тот взял кувшин с густым медовым вином и разлил его по серебряным кубкам. Один кубок он поставил перед Самохой, второй – перед Глебом.

– Давай выпьем за знакомство, – предложил атаман.

Глеб не шелохнулся и ничего не сказал. Синяки от побоев на его теле ныли, ссадины жгли огнем, в горле стоял ком тошноты.

– Не хочешь? – усмехнулся Самоха. – Ну, как знаешь. А я выпью.

Атаман сгрел кубок и поднес ко рту. Пригубив вина, он поставил кубок на стол и снова обратился к Глебу:

– А правду говорят, что тебя нечисть лесная за версту обходит?

– За две версты, – прошептал Глеб разбитыми губами.

Самоха ухмыльнулся.

– А ты остро слов. Кстати, а вот и твои друзья!

Глеб услышал, как скрипнула дверь, и поднял взгляд. У двери с изумленными лицами стояли его старые знакомые – Остяк Костолом и один из братьев Барсуков. Руки бывших ходоков сами потянулись за мечами.

– Атаман, – хрипло проговорил лысый, крепкий, похожий на обглоданную кость Остяк. – Как это разуместь?

– Первоход – мой гость, – ответил Самоха. – И пока я не велю его казнить, он будет дышать и пить. А тронете его раньше срока, самих порешу.

Голос Самохи прозвучал холодно и жестко. Остяк нехотя убрал пальцы от рукояти меча. Барсук, чернявый, молчаливый, последовал его примеру.

Самоха устремил взгляд на Глеба. Некоторое время атаман молча разглядывал своего пленника, потом сказал:

– Ладно. Поговорили, и будет. Не обессудь, Первоход, но ежели не казню тебя лютой казнью, князь Егра на меня осерчает. А мне того не надобно. Остяк! Барсук! – позвал он.

Ходоки напряглись.

– Берите его под белы рученьки и тащите в клетку. И чтоб не бить! Он нужен мне завтра здоровый.

2

– Эй, ходок, просыпайся!

На лицо Глебу обрушился поток ледяной воды. Глеб открыл глаза и, сощурившись от света, взглянул на стоявших у клетки людей. Самого рослого он узнал сразу – это был атаман Самоха.

Рядом с ним стояли бывшие ходоки – Остяк Костолом и чернявый Барсук. Остяк, лысый, как колено, и жилистый, как дерево, ухмылялся.

Окинув избитое лицо Глеба насмешливым взглядом, Самоха сказал:

– Вижу, ты очухался.

– Твоими молитвами... – угрюмо пробормотал Глеб.

Атаман засмеялся:

– Это точно! Ты, наверное, слышал про побоища, которые мы здесь устраиваем?

– Что-то слышал, – ответил Глеб.

– Вчера я выставил пять нелюдей против трех волколаков. Вот это была потеха! Жаль, что ты не видел, ходок!

– Думаю, у меня еще будет возможность посмотреть, – проговорил Глеб, стиснув зубы, чтобы не застонать от боли, терзающей все его избитое тело.

– И не только посмотреть, а подраться самому, – весело сказал Самоха. – Остяк утверждает, что ты колдун. Это хорошо. Без колдовства тебе с Драглаком не совладать.

Глеб насторожился и хрипло переспросил:

– С кем?

– С двуглавым псом, – объяснил Самоха. – Пока мы его ловили, он задрал семерых моих лучших людишек. А ты выйдешь против него один. Драглак голоден. Я не кормил его со вчерашнего утра. И все это для тебя, ходок. Чтобы ты повеселился от души!

При мысли о двуглавом псе по спине Глеба пробежала ледяная волна.

– Надеюсь... – Голос Глеба сорвался, и ему пришлось взять себя в руки, чтобы договорить фразу твердо: – Надеюсь, ты дашь мне какое-нибудь оружие?

Атаман вскинул брови:

– Оружие? А зачем оно тебе? Твои руки – вот твое оружие.

Глеб сел на полу клетки и хрипло проговорил:

– Я видел Драглака в Кишене. Если я буду безоружен, пес разорвет меня на куски в один миг.

– Вот тут ты не прав, – кивнул Самоха. – Ты, наверное, слышал, что проклятый пес

любит поиграть со своей жертвой. Сперва обкусывает ноги, потом вырывает руки, а потом объедает рожу... Хотя, чего я тебе рассказываю, ты ведь и сам все знаешь. Ладно, ходок, бывай. У тебя есть час, чтобы отдохнуть.

Самоха повернулся, чтобы идти. Глеб рванулся вперед и схватился руками за прутья решетки.

– Ты должен дать мне оружие! – крикнул он. – Я не нелюдь! Я человек! Такой же, как ты!

Атаман остановился и небрежно бросил через плечо:

– Нет. Ты был человеком. А теперь ты – ничтожная тля. Князь приказал придумать тебе лютую казнь. Надеюсь, что Дарглак хорошенько помучает тебя перед тем, как сожрать.

Самоха отвернул голову и зашагал прочь. Разбойники, что окружали атамана, двинулись за ним, и лишь ходок Барсук остался у клетки. Подождав, пока разбойники отойдут подальше, он тихо окликнул:

– Первоход!

– Чего тебе? – угрюмо отозвался Глеб.

– Мой брат погиб. Месяц назад.

– Сочувствую.

– Знаешь, как он погиб?

– Нет.

– Упал на дно ямы, которую ты вырыл в Кривой балке.

Глеб потрогал пальцами ссадину на голове, поморщился и сказал:

– Надо было лучше смотреть под ноги.

Барсук несколько секунд молчал. Потом сказал:

– Если бы не ты, он был бы жив.

На это Глебу нечего было ответить. Барсук приник лицом к прутьям клетки и с ненавистью проговорил:

– Не надейся, что тебе удастся сбежать. Я буду следить за каждым твоим шагом. И ежели увижу, что ты задумал побег, – сам порежу тебя на куски.

– Я не убегу, – сказал Глеб, с трудом ворочая опухшими губами. – Зачем мне бежать? Мне у вас нравится.

Барсук улыбнулся холодной улыбкой и отчеканил, глядя Глебу прямо в глаза:

– Это хорошо. Через час ты выйдешь в круг. Мне не терпится посмотреть, как Драглак выпрызет тебе кишки.

Барсук отшатнулся от клетки, повернулся и зашагал за атаманом и его людьми.

3

Глеб лег на пол и закрыл глаза. Через час ему предстоит драться с двуглавым псом. «Драться» – это, конечно, слишком громко сказано. Чудовище просто повалит Глеба на землю и откусит ему голову. На иной исход надеяться не приходится.

Меч и ольстру у Глеба отняли княжьи охоронцы. А Самоха вряд ли даст ему даже столовый нож.

Что же делать?... Подобрать по пути палку? Отнимут.

Глеб вздохнул и вдруг услышал поблизости какой-то шум: шорох, клацанье зубов, сдавленный крик. Крик перешел в стон, а потом все стихло.

Глеб открыл глаза и повернул голову на шум. Только сейчас он сообразил, что его клетка граничит с другой и что в соседней клетке сидит рослый нелюдь-альбинос. Белые густые волосы, белая обезьянья рожа, красные выпуклые глаза.

На полу, рядом с альбиносом, лежал еще один нелюдь – косматый, поросший бурой шерстью. Этот нелюдь не двигался.

– Ходок! – хрипло позвал Глеба альбинос.

– Чего тебе? – отозвался Глеб, даже не удивившись тому, что нелюдь говорит

по-русски.

Альбинос протянул руку между железными прутьями клетки, и Глеб увидел, что на ладони у него лежит что-то темное и мокрое.

– Что это? – спросил Глеб недоуменно.

– Сердце, – ответил альбинос. – Возьми его.

Глеб понял, что это был за шум и почему второй нелюдь лежит на полу неподвижно.

– Ты убил своего товарища, чтобы дать мне его сердце? – с изумлением спросил Глеб.

– Съешь это, – сказал альбинос. – Съешь – или умрешь.

Глеб прищурился и внимательно взгляделся в лицо уроды.

– Кто ты такой? – тихо спросил он.

– Меня зовут Белнон, – ответил нелюдь. – Я был советником вождя Азрана, пока меня не поймали люди.

– Зачем ты мне помогаешь?

– Выживешь ты, выживу и я.

– С чего ты взял?

Белнон усмехнулся.

– Я умею видеть будущее, ходок. И пока оно беспросветно.

Глеб посмотрел на нелюдя с раздражением.

– Тогда какого черта ты суешь мне это сердце, если в будущем нет просвета?

– Будущее не высечено на камне, Первоход, – спокойно проговорил Белнон. – Оно начертано на прибрежном песке. Налетит волна и смоем.

Глеб поморщился.

– Через час двуглавый пес Драглак разорвет меня на части. И никакая «волна» этого уже не смоем.

Белнон нахмурился.

– Нужно верить в лучшее, ходок, – сказал он. – У моих собратьев есть поверье: если съешь сердце врага, получишь его силу. Возьми это сердце и съешь его.

Глеб задумался. Что, если сердце нелюдя действительно поможет? Лекари делают из крови и мяса нелюдей целебные зелья, а купцы готовы платить за это мясо золотом. Может, действительно попробовать?

И вдруг Глеба захлестнула такая жажда жизни, что ему самому стало страшно.

Пусть даже он никогда не вернется домой, пусть еще двадцать лет проживет в этом мире – среди оборотней и купцов-шкуродеров, но все-таки это будет жизнь! Все-таки солнце будет всходить над его головой!

Вдруг сердце нелюдя поможет? Вдруг оно даст ему силы противостоять двуглавному чудовищу?

Глеб еще секунду помедлил, а потом протянул руку, взял с ладони альбиноса сердце убитого нелюдя и впился зубами в теплое сырое мясо.

* * *

Солнце медленно поднималось к полудню. Глеб сидел на полу клетки и с тоской смотрел на небо. «Пожалуйста, – беззвучно шептал он солнцу. – Не торопись. Дай еще подышать. Я достойно приму свою смерть, но только дай мне надышаться напоследок».

Когда солнце было в зените, возле клетки остановился низенький кривоногий разбойник и сказал:

– Гляди, ходок, не подкачай.

– Ты о чем? – не понял Глеб.

– Я поставил полкуна серебра на то, что ты продержишься против Драглака две минуты. Уж сделай милость – не подыхай раньше.

Глеб отвернулся.

– Не слушай его, Первоход! – заговорил другой разбойник, останавливаясь возле клетки. – Сдохни сразу! На что тебе эти мучения!

Вскоре у клетки уже собралась порядочная толпа. Разбойники куражились над Глебом, советуя ему побыстрее сдохнуть или продержаться против двуглавого пса как можно дольше.

От каждой реплики на душе у Глеба становилось все тяжелее и тяжелее. Как-то само собой стало очевидно, что этого дня он уже не переживет и что жизнь его кончена. А ведь ему еще даже нет тридцати...

Губы Глеба дрогнули.

Что ж, Глеб Орлов, прощай. Прожил ты свою жизнь бездарно и глупо. Но было в твоей жизни чудо. Такое чудо, какого ты не пожелал бы никому. Даже злейшему врагу.

Кто-то швырнул в Глеба гнилой свеклой. Свеколина стукнула Глеба по плечу и упала на пол.

– А ну – разойдись! – крикнул вдруг кто-то. – Разойдись, сказал! – Свистнула плеть, и кто-то негромко вскрикнул.

– Чего дерешься-то?

– Прочь от клетки! За Первоходом идем!

– А драться чего? Вот погоди, пожалуйюсь Самохе, он тебя Драглаку скормит.

– Гляди, как бы тебя самого не скормил!

Разбойники загоготали. Двое высоких крепких мужиков оттеснили их плечами и подошли к клетке.

– Ходок! – крикнул один. – Ходок! Сюды смотри, когда кличут!

– Выходи, тля! – рявкнул другой. – Пес заждался, уже грызет железные прутки!

Глеб поднялся с пола и, отряхнув одежду, побрел к выходу. Не дойдя до дверцы одного шага, он остановился и глянул на нелюдя Белнона.

– Иди, – прошептал тот одними губами. – И верь в лучшее.

Глеб повернулся и шагнул в руки палачей.

Те сразу скрутили Глебу руки за спиной и стянули запястья веревками. Глеб поморщился.

– Это еще зачем? Нешто смогу убежать?

– Кто тебя знает, – неприязненно проговорил один из охранников. – Вдруг в зверя обратишься да в лес поскачешь.

– Обращусь? Ты что, разбойник, белены объелся? Я же не колдун.

– А для меня что колдун, что ходок – одной грязью мазаны. Топай давай!

Он толкнул Глеба в спину.

4

Это была довольно большая площадка, почти идеально круглая, метров пятнадцать в диаметре, со всех сторон огороженная непроходимой стеной бурелома и острых веток. Внутри площадки вел единственный вход, который задвигался снаружи тяжеленным дубовым заслоном.

Двое разбойников развязали Глебу руки и втокнули его на площадку. Пробежав несколько шагов, Глеб едва не упал, но устоял на ногах.

За спиной у себя он услышал глуховатое рычание. Быстро обернувшись, Глеб увидел пса. Ростом он был раза в полтора больше самого здорового ротвейлера. Под короткой блестящей шерстью перекачивались вздутые бугры мускулов. С острых, как гвозди, зубов капала на землю слюна.

Глеб привычным жестом потянулся к мечу, но вспомнил, что безоружен, и убрал руку. Ни меча, ни кинжала, ни ольстры. Рассчитывать приходится лишь на свои силы, а в сравнении с силами двуглавого пса они – ничто.

Пес шагнул вперед, не спуская с Глеба свирепых, голодных глаз. Слюна из оскаленных

пастей обильно полилась на землю, и Глеб понял, что пес голоден, а значит, биться будет не на жизнь, а на смерть. Это сводило шансы Глеба на выживание практически к нулю.

Глеб огляделся. Над буреломом, на высоких скамьях – таких высоких, что над острыми, как ножи, ветками, торчали лишь взлохмаченные головы, – уже восседали разбойники. Человек сорок, крепкие, наглые, с довольными рожами.

– Грызи! – крикнул один.

– Рви! – завопил другой.

– Убей! – рявкнул третий.

Пес сделал еще шаг, пристально разглядывая Глеба. Будь они в Гиблой чашобе и будь у Глеба в руках ольстра, зверь, скорее всего, не решился бы напасть. Запах ольстры хорошо известен нечисти. Но сейчас Глеб был безоружен и пах всего-навсего человеком – лакомой добычей для любого обитателя Гиблого места.

Глеб, стараясь не смотреть зверю в глаза, попятился назад.

– Драглак! – хрипло проговорил он. – Не знаю, понимаешь ли ты хоть слово из того, что я говорю, но...

Пес пригнул обе головы и глухо зарычал. Глеба обдало холодом, сердце учащенно забилося.

– Мне не нужна твоя жизнь, – сказал Глеб, стараясь говорить спокойно. – А тебе не нужна моя.

Это, конечно, было враньем. Драглак с радостью растерзал бы Глеба и набил его мясом свое отощавшее от голода брюхо.

Однако зверь прислушивался к словам человека, и Глеб решил продолжать в том же духе. В голову ему пришли строчки из старого мультфильма, который он видел в детстве.

Глеб облизнул пересохшие от волнения губы и торжественно произнес:

– Мы с тобой одной крови – ты и я!

Из глотки чудовища вырвался рык, и в следующее мгновение зверь бросился вперед.

Отточенная годами тренировок реакция не подвела Глеба и на этот раз. Он быстро сбросил с плеч свой коричневый поношенный плащ и, орудуя им, как матадор красной мулетой, стал гасить атаки пса.

Разбойники засвистали и загоготали.

Пес ревел и брызгал слюной от бешенства, но все его попытки схватить Глеба заканчивались ничем. На лбу Глеба прорезались морщины, а разбитые губы беззвучно прошептали: «Думай, Орлов, думай!»

Задушить пса невозможно – шея у него крепкая и толстая, будто у быка, к тому же шей этих у чудовища – две. Глеб готов был отдать полжизни за самый дерьмовый, ржавый и тупой нож, но где его возьмешь, этот нож?

С каждой минутой шансов выжить оставалось все меньше и меньше. Глеб чувствовал, что выдыхается, а атаки пса участились и стали изощреннее.

Теперь уже, разгадав тактику Глеба, Драглак не бросался наобум, а действовал расчетливо, выискивая в обороне человека, вооруженного лишь дырявым плащом, слабые места.

Несколько раз клыки чудовища коснулись кожи Глеба. Серьезных ран он не получил, но кровь сочилась из глубоких царапин на руке и на левом боку.

В первый раз Глеб упал спустя десять минут после начала боя. Быстро вскочил на ноги, увернулся от зубов Драглака и ударил его ногой в живот.

Зверь рыкнул, развернулся и снова бросился на Глеба. И снова Глеб упал. И Драглак использовал свой шанс. Схватив Глеба зубами за волосы, он две сажени протатил его по земле.

На лицо Глебу хлынула кровь. Отчаянно закричав, он извернулся и изо всех сил ударил пса кулаком по морде. Пес дернул головой, и прядь волос Глеба осталась у него в пасти.

Глеб поднялся на ноги и вытер рукавом кровь с бровей и век.

Драглак снова бросился в атаку. И вдруг Глеб с ужасающей отчетливостью понял, что силы покинули его. Онемевшие мышцы сковала усталость, ноги подкашивались.

– Конец, – выдохнул Глеб.

Стоило ему это произнести, как вдруг отчаяние ушло куда-то на второй план и дикая лютость захватила его сердце и его душу. На мгновение в глазах все помутилось от гнева, однако тотчас же зрение его стало зорче, а мускулы налились силой.

Глеб молниеносно подхватил с земли камень, увернулся от атаки Драглака, набросил на зверя широкий плащ и мигом запрыгнул ему на спину.

Чудовище закопошилось под плащом, заклацало зубами. Глеб, свирепо зарывав, схватил камень двумя руками, поднял над головой и обрушил его на череп пса. Размахнулся еще раз и ударил по второму черепу.

Драглак зашатался под Глебом, а потом стал заваливаться на бок. Глеб мигом соскользнул со зверя, перекатился через голову и снова вскочил на ноги. Двуглавое чудовище покачнулось и рухнуло к его ногам.

Глеб отдернул плащ. Пес, лежа на боку, загребал лапами землю, силясь встать. Удары камнем оглушили его.

– Добей! – завопил кто-то из разбойников.

– Кончи!

Глеб снова поднял камень над головой. Лиловые, налитые кровью глаза Драглака смотрели на ходока ошеломленно. Из приоткрытых, усаженных зубами пастей слышался тонкий скулеж.

Несколько секунд Глеб стоял с занесенным над головой камнем, затем вздохнул, опустил руки и небрежно отбросил камень в сторону.

Повернувшись к атаману Самохе, восседавшему на самом высоком помосте, он крикнул:

– Что дальше, атаман?!

Самоха смотрел на Глеба с нескрываемым любопытством.

– Пошто не убил пса? – спросил он.

– Не за что мне его убивать, – ответил Глеб устало.

– Так ведь он хотел тебя сожрать!

– Он просто был голоден.

Еще несколько мгновений Самоха пристально разглядывал Глеба, затем отвернулся и подал знак разбойникам. Лязгнув засов, толстая дубовая заслонка отползла в сторону. Четверо вооруженных до зубов разбойников вошли в круг.

На копошащегося в пыли, оглушенного и сломленного духом Драглака набросили сети, затем навалились на него всем скопом и перемотали ему лапы и пасти веревками.

– Эй, ходок! – окликнул Глеба атаман Самоха.

Глеб взглянул на атамана. Глаза Самохи смотрели холодно и неприязненно, от его напускной приветливости не осталось и следа.

– Думаешь, все? Думаешь, вот так для тебя все закончилось? Нет, брат. Остак! Барсук!

Ходоки вскочили со своих мест.

– Ступайте в круг и кончайте его! – приказал атаман Самоха.

Барсук прорычал что-то невразумительное, выхватил из ножен меч и зашагал к дубовому заслону. Остак Костолом двинулся за ним.

В отличие от ослепленного жаждой мести Барсука, у Остак остались кое-какие представления о справедливости, и биться с безоружным противником он почитал за позор.

Разбойники оживленно загалдели.

Тощий писарь Вихура заработал писалом, нацарапывая ставки на широком куске бересты.

– Полгривны серебра на Костолома и Барсука! Пять резанок на Первохода! – орали разбойники, перебивая друг друга.

Писарь Вихура торопливо скрипел писалом.

Остяк и Барсук вошли в вытоптанный круг, и разбойники задвинули за ними дубовую заслону. Глеб стоял, набычившись и широко расставив ноги, – один, без оружия и щита против двух вооруженных до зубов ходоков, каждый из которых стоил двух хорошо обученных княжских ратников.

Барсук заговорил первым:

– Пришло время ответить за брата, ходок.

– Не я его убил, – сухо возразил Глеб.

– Это ты ему сам расскажешь. На том свете.

Остяк Костолом ничего не говорил. Он молча вынул из кожаной сумы, притороченной к поясу, палку – черную, гладкую, с локоть длинной. Глеб глянул на палку, и спину его обдало ледяной волной.

– Огневая пика! – выдохнул он.

– Она самая. – Остяк усмехнулся. – Выторговал ее у барыги Бельмеца.

Глеб сглотнул слюну и перевел взгляд на атамана Самоху.

– Самоха! – громко позвал он, намереваясь еще чуточку потянуть время, чтобы хоть немного восстановить силы. – Пошто ходоков неволишь? Сам выйти боишься?

Атаман холодно усмехнулся и крикнул в ответ:

– А я их не неволю. Эй, ходоки, коли трусите, уходите из круга! Я вас не неволю и никогда не неволил! Остяк, Барсук! Оглохли, что ль?

– Выйду, только когда брошу его башку к твоим ногам, – свирепо проговорил Барсук. – Остяк, заходи с ошей!

Ходоки тронулись с места, обходя Глеба с двух сторон. Неторопливо вышагивая по полянке, Остяк перехватил темную палку поудобнее и потер большим пальцем по едва заметной сучковине. Тотчас из пики с гулом выскочил язык огня.

«Вот она какая – огневая пика!» – пронеслось в голове у Глеба.

С виду чудна я вещь была похожа на лазерный меч джедаев из «Звездных войн», только огненное лезвие его мерцало всеми огнями радуги и от него время от времени отрывались и улетали в сторону сполохи огня.

Красивая штука. И опасная. Особенно, если не умеешь ею пользоваться. Остяк, судя по всему, умел. Он легко крутанул огневую пика в пальцах – огненный язык с гудением разрезал воздух, превратившись на мгновение в огненную дугу.

– Ну что, Первоход, ты готов к смерти? – спросил Остяк.

– А разве к этому можно подготовиться? – негромко ответил Глеб.

Остяк ухмыльнулся.

– Ты прав. Молись Велесу и Чернобогу, чтобы подохнуть побыстрее. Я собираюсь разрезать тебя на куски.

– Ты не первый, кто хочет это сделать.

Глеб откинул со лба волосы и встал в боевую стойку, намереваясь припомнить все, чему его научил Громол.

Барсук выхватил меч и, держа его на коротком взмахе, ринулся на соперника. Глеб проворно увернулся от атакующего ходока, схватил его за ворот и, крутанув, подставил сутулую спину противника под удар огневой пики.

Огненное лезвие с шипением вспорол хребет Барсука. Барсук рухнул на землю, в воздухе запахло паленым мясом.

Восторженный гул пронесся по рядам разбойников.

Не теряя ни секунды, Глеб подхватил с земли меч поверженного врага и ринулся на Остяка.

Он увернулся от огненного лезвия, нырнул вперед и в падении ударил Остяка мечом по ногам. Всепобедный меч, выкованный кузнецом Вакаром, перерубил Остяку голени, и лысый ходок, еще не поняв, что случилось, повалился на землю.

Огневая пика выпала у него из рук и завертелась на земле волчком. Глеб едва успел отскочить в сторону. Переливающийся всеми цветами радуги огненный язык лизнул грудь

Остяка и убил его на месте.

Глеб подбежал к пике, поднял ее, в два прыжка достиг стены бурелома и несколько раз взмахнул пикой. Обугленные ветки и палки посыпались к ногам Глеба. Еще один удар – и путь к бегству открыт. Глеб нырнул в выжженную брешь и, не останавливаясь, понесся вперед.

– Держи его! – завопил кто-то.

– Хватай гада!

Глеб неожиданно свернул влево и побежал к клеткам с нечистью.

– Лови!

Над головой Глеба засвистели стрелы. Одна из них ковырнула ему плечо.

Добежав до клеток, Глеб на бегу принялся разить замки и цепи огненным клинком. Нечисть завопила, зарычала, забилась, двери стали одна за другой распахиваться.

За спиной у Глеба орали разбойники. Стрела просвистела у самого уха Глеба и воткнулась в глаз тощему волколаку. Другая проткнула шею лохматого коренастого оборотня, который только и успел добежать до дверцы.

Срезав огненным лезвием замки и засовы, Глеб повернулся и побежал к лесу. Наперерез ему бросились два разбойника. Глеб на бегу дважды махнул огневой пикой – и оба врага рухнули в траву.

5

Глеб понимал, что среди разбойников наверняка есть ходоки. Возможно, молодые и неопытные, но зато они знают Гиблое место таким, какое оно сейчас, а не таким, какое оно было полгода назад.

Полгода – большой срок. В Гиблом месте все меняется не то что каждый месяц – каждую неделю. На месте оврагов возникают пригорки, лужайки превращаются в непроходимую чащобу, сухие места – в гниlostные, затянутые ряской и камышом лужи.

Глеб знал, что находится примерно в полутора-двух верстах севернее каменной межи. Раньше здесь было несколько незарастающих троп, но теперь лес поглотил их. Прибавилось и бурелома. Стволы, сучья, пни, кустарник – все это сильно усложняло передвижение.

В иных местах Глебу приходилось пробираться ползком под упавшими деревьями. В других – карабкаться на баррикады наваленных стволов. В любой момент он мог подвернуть или сломать ногу, а то и просто напороться животом на сук.

Можно было прожечь просеку огневой пикой, но Глеб не хотел оставлять следов. Он был уверен, что атаман пошлет за ним погоню. Такие, как Самоха, не прощают обид. Это во-первых. А во-вторых, князь Егра распорядился четко и недвусмысленно – Глеба-Первохода казнить лютой казнью. И ежели упустит атаман Глеба, придется ему отвечать перед князем собственной кудлатой башкой.

Пробежав по лесу версты четыре, Глеб по-прежнему не чувствовал усталости.

Более того, раны его уже не болели, и кровь из них не текла.

Пробираясь через колючий кустарник, Глеб вспомнил, в какое звериное неистовство пришел он во время боя с Драглаком, вспомнил и про неожиданный прилив сил, который помог ему победить двуглавого пса.

Теперь уже Глеб не сомневался, что за все это нужно благодарить сердце нелюдя. Оно удвоило его силы. Интересно, надолго ли?..

Слава богу, у Глеба была теперь огневая пика. Эта штукавина стоит заговоренного меча. А в ближнем бою она гораздо эффективнее и надежнее ольстры.

Чего там говорить – страшное оружие. Такое страшное, что и в руках его боязно держать. Интересно, сколько серебра выложил за него Остяк? Уж наверняка не меньше чем полпуда. Бельмец – барыга ушлый, свое возьмет.

Глеб шел все увереннее и шибче, спеша как можно дальше уйти от погони. Какое-то время под ногами его чавкало, но вскоре почва стала повышаться. За полосой разлапистого

ольшаника высились большие деревья.

И вдруг Глеб услышал слева удары топора. Вслушавшись, он заметил, что удары раздаются и справа.

Все выглядело так, будто где-то неподалеку ведутся лесозаготовительные работы. У Глеба захолонуло сердце. Неужели князь Егра решился на это? Вырубить Гиблую чащобу!

Ответ был очевиден – да, решился. И, судя по шуму, нагнал в Гиблое место мужиков из трех или четырех деревень. Мужики – народ тертый, без охраны разбегутся враз. Значит, чащу наводнили не только лесорубы, но и князьи дружинники и охоронцы. Отступать назад нельзя – люди атамана Солохи идут за ним по пятам. Значит, нужно прорываться вперед.

И Глеб зашагал дальше, стараясь передвигаться бесшумно, пригибаясь к земле, скользя от дерева к дереву и делая короткие остановки у кустов, чтобы осмотреться.

Впереди что-то мелькнуло. Глеб замер за кустом ракитника. Послышался приглушенный говор, затем – шум шагов. Две темные человеческие фигуры показались и скрылись за деревьями.

Глеб двинулся дальше. Весеннее солнце припекало, пот заливал ему глаза, рой комаров гудел у лица, но напряжение не позволяло Глебу замечать этого.

Все глубже и глубже в лес, зигзагами обходя опасные места, где мужики валили деревья, выжидая и прячась, бегом и ползком, пробрался Глеб через опасную зону и опять вышел к болоту.

Подобрав палку попрочнее, Глеб зашагал дальше.

Пока он шел, небо затянулось мороками. Начал накрапывать дождь, и Глеб обрадовался этому дождю, как другие радуются теплу и солнцу.

Если верить Хомычу, атаман загоняет лесную нечисть в ловушки с помощью своры псов. Дождь уничтожит запах следов и оставит собак ни с чем.

Дождевые капли монотонно барабанили Глеба по плечам и голове. Белые полосы болотных испарений заставили его вспомнить слова из «Собаки Баскервильей»:

«Доктор Ватсон, если вам дороги жизнь и рассудок, не гуляйте о дин по болотам, когда наступает мрак и властвуют злые силы!»

Глеб невольно поежился. Ему вдруг почудилось, что сзади вот-вот раздастся топот страшных лап и огненная пасть дьявольской собаки вынырнет из призрачного полумрака. Глеб невольно оглянулся. Никакой собаки он, разумеется, не увидел, но на душе от этого не стало легче.

И вдруг дождь прекратился. Тучи на небе разошлись, и сумерки развеялись. Засветило солнце, и высокая зеленая трава болота заискрилась в его лучах сонмами разноцветных капель. Поверхность болота быстро нагрелась, и белая дымка испарений накрыла его.

Ноги Глеба увязали чуть ли не по колено. Когда Глеб их вытаскивал, болото чавкало, как прожорливый голодный зверь. Пот градом катился по лицу Глеба. Куртка его промокла, и мышцы начинали тупо ныть от усталости.

Вскоре появились кочки, и идти стало чуть легче. Кочки хоть и пружинили под ногами, но все-таки давали какую-то опору.

Глеб прошел уже больше половины болота, когда цвет и характер почвы стал меняться. Тут и там заблестели небольшие участки воды, окруженные желтыми болотными цветами, и зеленый ковер под ногами Глеба стал колебаться. На душе у Глеба стало еще тревожнее и мрачнее: болото превращалось в трясину.

Глеб старательно нащупывал палкой твердые места с более темным цветом травы. Передвигался он медленно и осторожно, не понаслышке зная о коварстве трясины.

Вдруг его правая нога, прорвав верхнюю растительную пленку болота, разом погрузилась в трясину выше колена. Глеб покачнулся, попытался выдернуть ногу из трясины, и тут другая его нога стала погружаться в глубину.

Словно чьи-то невидимые, мягкие руки схватили Глеба за щиколотки. Непостижимая зловещая сила потянула его вглубь медленно и неумолимо.

По спине Глеба пробежала ледяная волна ужаса. Звать на помощь бесполезно.

Выбраться – практически невозможно.

«Вот она – смерть!» – пронеслось в голове у Глеба. Он на мгновение представил себе, что помрет здесь, в безвестном болоте, посреди мрачного леса, вдали от родных лиц, один, совсем один... Представил и едва не заплакал от обиды.

Нет! Только не так!

Не успела правая нога Глеба погрузиться в болото до середины бедра, как он рванулся вперед, распластал руки и лег грудью и животом на поверхность болота.

Струйки ледяной воды потекли Глебу за воротник охотничьей куртки, наполнили рукава. Глеб сцепил зубы и заставил себя действовать спокойно и грамотно.

Распределив вес тела на бо́льшую поверхность, он тем самым облегчил давление на ноги и через несколько секунд с облегчением почувствовал, что невидимая зловещая сила перестала тянуть его вниз.

Однако до спасения было еще далеко. Неизвестно, сможет ли ковер из корней растений удержать давление тела Глеба, когда он начнет вытаскивать ноги? Если эта зыбкая пелена прорвется – спасения уже не будет.

Глеб снова заставил себя успокоиться. Он знал, что чем резче и судорожнее будет двигаться, тем ближе будет гибель и меньше надежд на спасение. И он зашевелился, медленно и осторожно, прислушиваясь к болоту и к себе, анализируя каждый трепет, каждое колебание спасительной пленки, отделявшей его от прожорливой болотной массы.

6

Ходок Воропай остановился и глянул на небольшой темный предмет, запутавшийся в траве.

– Чего там? – спросил его атаман Самоха.

– Огневая пика, – ответил Воропай. – Видать, Первоход потерял ее, когда через болото пробирался.

Самоха взгляделся в предмет и спросил:

– Сможешь достать?

Воропай покачал головой:

– Нет. Там трясина. Никак не подобраться.

– А как же Первоход пробрался?

– Да никак. Здесь лишь одна твердая тропка – та, на которой мы стоим. Видно, не знал о ней Первоход.

Самоха недоверчиво прищурился:

– Но ведь он пробрался?

– Нет, атаман, – ответил Воропай.

– Где ж он тогда?

– Утоп. – Воропай сунул кинжал в ножны и сказал: – Нужно возвращаться, атаман. Мы свое дело сделали.

Самоха обдумал его слова и покачал головой:

– Нет. Мы пойдем дальше.

На лице Воропая отразилось удивление.

– Первохода больше нет, – убежденно сказал он. – Его затянула трясина. Там, где он шел, не пройдет ни один человек.

– Вот когда увижу его труп, тогда и поверну, – сухо проговорил атаман. – Эй, вы! – обратился он к разбойникам, рассевающимся на траве. – Передохнули – и будет. Пора идти дальше.

Разбойники переглянулись. Все они слышали, что сказал Воропай, а потому не спешили вставать.

Самоха понял, что перегнул палку, и поспешно сменил тон.

– Нужно идти, ребяташки, – мягко проговорил он. – Знаю, что устали. Знаю, что хотите

жрать. Но коли труп Первохода князю пред очи не представлю, он не только с меня – со всех нас шкуры сдерет!

– Еще кто с кого сдерет, – пробасил кто-то из разбойников.

Лицо Самохи похолодело.

– Кто это сказал? – тихо спросил он.

– Ну я, – отозвался огромный рыжебородый богатырь по прозвищу Охрип.

Зрачки атамана сузились.

– Ты чем-то недоволен, Охрип? – поинтересовался он.

– Недоволен, – ответил тот басом. – На кой ляд нам сдался этот ходок? Если он нужен Егре, то пусть Егра сам его и ловит. Не затем я сбежал из княжьей темницы, чтобы плясать под княжью дудку.

Несколько секунд Самоха в упор смотрел на богатыря, а затем вдруг смягчился и примирительно проговорил:

– Охрип, брат мой, я тоже не рад шататься по этим зловонным болотам. И мне тоже обрыдло, что нами командует князь. Но мы еще недостаточно сильны, чтобы выступить против Егры. Дай время, и мы вышибем его из Хлыни. Я сам сяду на его трон, а тебя сделаю воеводой. Веришь мне?

Охрип ухмыльнулся.

– Отчего ж не верить. Верю.

– Нет, – сокрушенно проговорил Самоха. – Вижу, не веришь. А хочешь, я поклянусь на сабле?

– Не надо.

– Нет, я поклянусь!

Самоха выхватил из ножен саблю, шагнул к Охрипу, вздел саблю кверху клинком и проговорил:

– Клянусь Сварогом и Велесом, что никому не позволю собой командовать! Ни князю, ни лешему, ни тебе, Охрип!

Сабля атамана со свистом рассекла воздух и срезала косматую голову Охрипа с могучих плеч.

Разбойники в ужасе отшатнулись от обезглавленного тела и хотели вскочить на ноги, но Самоха замахнулся на них саблей и приказал:

– А ну – сидеть и слушать!

Разбойники не решились перечить и остались сидеть на траве.

– Я здесь главный, – сказал Самоха властно и жестко. – И я решаю, что нам делать. Только благодаря мне вы все еще живы. Ежели еще хоть один из вас гавкнет, уложу на месте! Все поняли?.. Не слышу!

– Все, – нестройным хором отозвались разбойники.

– Вот и хорошо. А теперь вставайте и...

Собаки, до сих пор мирно сидевшие на траве, высунув языки, вскочили на ноги и натянули поводки.

– Атаман! – крикнул выжлятник. – Собаки что-то почуяли! Спускать?

– Давай! – кивнул Самоха.

Выжлятник спустил собак, и они огромной пегой стаей понеслись вперед.

Разбойники вмиг оказались на ногах, повыхватывали сабли и мечи и понеслись за псами.

– Волколак! – заорал вдруг кто-то из разбойников.

Разбойники остановились. На пригорке, и впрямь, стоял волколак. Был он огромен и силен. Ростом почти с Драглака, но более поджарый и длиннопалый.

Свора собак понеслась на волколака.

Рассудив, по всей вероятности, что лучшая оборона – это нападение, волколак ринулся с пригорка на псов.

Завязалась кровавая драка. Огромный волколак почти играючи раскидывал псов.

Каждый удар волколачьей лапы стоил очередному псу жизни, каждый щелчок зубов означал, что еще один собачий хребет перекушен насмерть.

– Этак он нам всех псов перережет! – гневно закричал Самоха.

Волколак был не просто огромный, он, казалось, совсем не знал усталости. Вся лужайка была покрыта темными собачьими телами. Три уцелевших пса, окровавленные, с перебитыми лапами и прокушенными боками, поджали хвосты и кинулись прочь.

Волколак стоял посреди поляны, со всех сторон окруженный разбойниками.

– Вот это зверюга! – восхищенно проговорил атаман Самоха. – За такого Бава мне отвалит полпуда серебра – не меньше! Малыга! Гладыш! Растягивайте сеть!

Два рослых угрюмых разбойника мгновенно растянули проволочную сеть.

Волколак стоял посреди поляны, нервно постукивая себя по бокам огромным хвостом. Самоха глянул на небо. Темные мороки заволокли солнце, и волколак, судя по всему, чувствовал себя на свету вполне сносно.

– Гладыш! Малыга! – хрипло окликнул атаман. – Обождите малеха! Щас солнце выскочит, забьет глаза зверю, тогда и накинете!

Однако подлый волколак не стал ждать, когда солнце выйдет из-за туч. Оглушительно рыкнув, он ринулся вперед. Ходок Воропай взмахнул было мечом, но лезвие заговоренного меча переломилось, как сухая ветка, и обломок шмякнулся на землю.

Еще два разбойника попробовали преградить чудовищу путь, но волколак взмахнул на бегу лапой, и разбойники разлетелись в стороны, словно костяные бабки, сбитые камнем.

– Лови! – заорал Самоха и сам бросился с саблей на волколака.

Он рубанул саблей. Кривой клинок чиркнул волколака по плоской темной морде. Зверь быстро обернулся и рыкнул на Самоху. Атаман поспешно отскочил в сторону и спрятался за дуб. Волколак побежал дальше.

Стрелок Баташ пустил ему вслед две стрелы. Обе угодили чудовищу в загривок, но оно даже не заметило этого. Мгновение – и огромное тело волколака скрылось за кустами.

– Сволочь! – со злостью проговорил атаман.

Он повернулся к разбойникам и увидел, что ходок Воропай держит в руке обломок меча. Встретившись с Самохой взглядом, Воропай глухо проронил:

– Не волколак это был.

– Как не волколак? – не понял Самоха.

– А вот так. Мой меч-всеруб выковал кузнец Вакар. Выковал и заговорил от лесной нечисти и темных злыдней. А тут он сломался, лопнул, как глиняная черепичка!

Самоха нахмурился:

– О чем ты говоришь, не разумею.

– То был не волколак, – мрачно изрек Воропай. – То был Глеб-Первоход. И он ушел.

В глазах Самохи замерцал лютый огонек.

– Ты что несешь, чудило? Как это Первоход превратился в волколака? Он что, по-твоему, оборотень?

– Есть такая штука – перелиц, – объяснил Воропай. – Сунешь ее в рот и в кого хочешь обратишься.

Самоха сдвинул брови и недовольно спросил:

– Отчего ж у меня такой штуки нет? Почему не добыл ее для меня?

– Добыл бы, коли б мог. Но вещь редка. Можно сто лет по Гиблому месту ходить и ни разу не найти.

Самоха обдумал его слова, затем спросил:

– А как насчет ловушек? Мы ведь можем загнать волколака в ловушку.

Воропай качнул головой:

– Нет. У этого волколака только ноги волколака, а разуменье – человека. Первоход пять лет ходит в Гиблое место, в ловушку он не попадет.

Атаман сдвинул брови:

– Что ж нам, вертаться назад?

– Это как ты сам скажешь, – ответил ходок.

Несколько секунд атаман размышлял о чем-то, мрачно и как-то странно поглядывая на Воропая. Затем сказал:

– А ведь вы с ним похожи, ходок.

– С кем? – не понял Воропай.

– С Первоходом. Рост, размах плеч... Да и волосы такие же. Лица, конечно, разные, но ведь это легко поправить.

Глаза Воропая широко распахнулись.

– Куда ты клонишь, атаман? – недоуменно спросил он.

– Куда клоню? А вот куда.

Самоха молниеносно выхватил из ножен саблю и ударил ходока по лицу плоской голоменью. Воропай упал, а Самоха вновь поднял саблю и снова ударил. И еще раз. И еще.

Он бил до тех пор, пока лицо Воропая не превратилось в черно-красную маску из смеси запекшейся крови и земли. Затем опустил окровавленную саблю, отер ладонью потный лоб, глянул на труп и удовлетворенно проговорил:

– Вот теперь похож.

Самоха поднял взгляд и только сейчас увидел, что окружен разбойниками. Лица их были угрюмы, а в руках они сжимали мечи.

– Чего уставились? – грубо спросил Самоха. – Вы же сами хотели, чтобы охоте пришел конец. Ну, вот – теперь ей конец! Я убил Первохода! Хватайте его и тащите к стану!

Самоха вложил саблю в ножны, повернулся и устало побрел назад.

7

Дождавшись, когда разбойники уйдут и утащат с собой уцелевших псов, Глеб вынырнул из-за кустов и зашагал к оврагу. Шел он медленно, прихрамывая на правую ногу и поморщиваясь от боли.

Стрелы, пущенные разбойником Баташом, он уже вынул из спины. Раны, благодаря тому, что волколачья шкура была толще человеческой раз в пять, оказались неглубоки. И все же они доставляли Глебу много боли.

Мучила его и царапина на щеке. Алый рубец, оставленный саблей атамана Самохи, все еще кровоточил, и Глебу приходилось все время отирать щеку лопухом.

Сидя за кустами, он молил Бога, чтобы собаки не учуяли запах крови. Но те были настолько измочалены, что не думали ни о чем, кроме возвращения домой и вождельной миски со жратвой.

Доковыляв до оврага, Глеб медленно спустился вниз, достал из-под лапника одежду и неторопливо, стараясь доставлять ранам на спине поменьше мучений, оделся.

Перелиц, который он нашел в коробке для сигарет, совсем истаял, оставив после себя крошечную косточку, от которой уже не было толку. Глеб швырнул косточку в кусты, выбрался из оврага и огляделся.

Он был один посреди Гиблого леса. Безоружен и голоден. Страшно голоден. Есть ягоды, грибы и коренья Гиблого места Глеб опасался. Он намеревался вернуться к меже и попытать счастья там.

Еще немного передохнув, Глеб отправился в путь. Пройдя десять верст и оказавшись вдали от сердца Гиблой чащобы, он остановился у реки и решил, что здесь можно полакомиться дарами леса.

Гарпун он сладил за пять минут.

Сидя у воды, Глеб не обращал внимания на маленьких щук. Они приплывали и уплывали, а он продолжал ждать. Ему нужна была большая рыба с жирным и мясистым брюхом. И вот щука пришла. Глеб молниеносно швырнул гарпун.

Брызги воды разлетелись радужным веером. После броска Глеб смотал сплетенную из травы веревку и подтянул загарпуненную щуку к берегу.

Жаренная на углях щука насытила его. Напившись воды из ручья и еще немного отдохнув, Глеб решил сделать себе хоть какое-нибудь оружие.

У реки Первоход нашел выход чистой хуралуговой руды. В Гиблом месте такие встречались довольно часто. Обшарив окрестности, Глеб разыскал примеси, которые использовал в работе кузнец Вакар.

Затем Глеб соорудил из камней башенку и крепко обмазал ее синей глиной. Потом обложил башенку палками и разжег небольшой костер.

После того как глина затвердела, Глеб пригоршнями наносил в башенку воды. Оставив воду греться, он каменным обломком срезал с ближайшей березы твердый нарост, затем разрубил его пополам и распарил половинки в подогретой на костре воде.

За основу Глеб взял длинный камень, формой напоминавший короткий меч с кривой рукоятью. Зажав камень между распаренными половинками березового гриба, Глеб навалил сверху несколько больших булыжников, используя их как пресс, а затем высушил березовый гриб у костра. Камень он вынул из половинок просушенного гриба и выбросил, а сами половинки скрепил битумом, который набрал тут же, неподалеку, из живого источника земляной крови. В получившейся форме Глеб просверлил сбоку дырку.

После этого он занялся кусками хуралуговой руды. Каменный тигль Глеб соединил с формой, сделанной из березового гриба. Когда металл расплавился и обогатился примесями, Глеб выбил камнем заслонку, и беловатый металл хлынул в форму. Березовый гриб не прогорел, он был крепок, как самый твердый камень.

Выждав, когда хуралуг остынет и затвердеет, Глеб разбил камнем форму и вынул из ее сердцевины заготовку меча.

Не ахти что, но для короткого боя сгодится. Осталось снова разогреть нож на костре и сплющить его лезвие ударами камня. Это была самая трудоемкая и тяжелая часть работы, но Глеб справился и с ней.

Через два часа после начала работы меч из тяжелого, но мягкого хуралугового металла был готов. Долго таким не повоюешь, но раскроить пару-тройку черепов вполне сгодится.

На достигнутом Глеб не остановился. Подыскав приличную дубину, Глеб насверлил в ней камнем дырок и вбил в дыры острые обломки камней. Получилась вполне приличная палица. Долго и она не прослужит, но от верной смерти убережет.

Вооружившись мечом и палицей, Глеб снова сходил к реке и после десятиминутного ожидания загарпунил большого судака. Поджарив добычу на углях, Глеб с удовольствием набил желудок рыбьим мясом. Теперь он готов был действовать.

8

В тишине едва слышно журчал родник с мертвой водой. Из леса доносилось пение птиц. Хоронясь за кустами, Глеб несколько минут прислушивался и рассматривал прогалину. В какое-то мгновение ему показалось, что он чувствует трупный запах, но ощущение оказалось обманчивым. Воздух был свежим, пропитанным ароматом хвои и луговых цветов.

Глеб вышел из-за кустов и ступил на прогалину, намереваясь пройти к роднику, зачерпнуть пригоршню воды и плеснуть на ссадины. Но тут произошло нечто непостижимое. Ноги Первохода сами собой оторвались от земли. Миг – и он уже болтался в огромной сети, подвешенной к дереву.

Глеб вскрикнул и дернулся в сети, но тут же вспомнил, что в сетях колдуньи Мамелфы нельзя шевелиться. Чем больше шевелишься, тем глубже запутываешься.

Глеб замер, стараясь даже дышать потише. Тело его опутали тонкие и крепкие жгуты. Некоторые из них так прочно впились в одежду и кожу Глеба, что под ними проступила кровь. Глеб сцепил зубы, чтобы не закричать от боли.

Стоило Глебу чуть-чуть сдвинуть руку, как сеть приходила в движение, словно была сплетена из змеиных тел. Одна из ее ячеек быстро опутала правую руку Глеба чуть повыше запястья. Если бы не плотная замша куртки, жгут наверняка вспорол бы Глебу кожу.

Глеб прикрыл глаза и зашептал:

– Бог Семаргл, крылатый пес Хорса-огнебога, помоги мне. Помоги порвать сеть и обереги от упырей!

Ходок замолчал и уставился на сеть. Ничего не произошло. Глеб сокрушенно вздохнул: видимо, ему не хватило веры. Даже такие сильные боги, как Хорс и Семаргл, беспомощны, если у того, кто к ним обращается, нет веры в сердце.

Глеб заставил себя сосредоточиться. Разве у него нет веры? Больше пяти лет он торчит в этих гиблых местах, и у него до сих пор нет веры? Разве такое возможно?

Непонятная сила перекинула его в девятый век из двадцать первого. Он видел столько чудес, сколько не сделали за всю свою жизнь и десять святых! И в его сердце до сих пор недостаточно веры?

У кого же она тогда есть, эта чертова вера, если не у него?!

Глеб стиснул зубы и глухо процедил, стараясь вложить в свои слова всю ярость, всю надежду, всю веру, на какую только был способен:

– Бог Семаргл, крылатый пес Хорса-огнебога, помоги мне спастись!

И снова никакого результата.

Итак, заклинание не помогает. До меча не дотянуться. А самому из сетей не выпутаться.

Оставалось сидеть в ловушке и дожидаться Мамелфы. Или смерти. Впрочем, Глеб не видел между двумя этими дамами большой разницы.

Внизу послышался какой-то шорох. Сеть, опутавшая шею Глеба, не позволяла ему наклонить голову. Глеб скосил глаза и похолодел от страха. В трех шагах от него стоял, широко расставив лапы, огромный двуглавый пес. Ветер ворошил длинные колосья бурой шерсти на его холке.

Чудовищу достаточно было встать на задние лапы, чтобы оттяпать Глебу ногу. А если он слегка подпрыгнет, то с легкостью сомкнет зубы на горле Глеба.

«Вот, значит, как суждено мне погибнуть, – подумал Глеб сокрушенно. – Не от меча ратника, не от стрелы лесного дикаря, не от упырьих клыков, а в зубах двуглавой твари. Обидно».

Драглак двинулся с места, и Глеб мысленно попрощался с жизнью.

Внезапно Глебу расхотелось сопротивляться. В конце-то концов – пусть жрет. Все равно домой ему уже не вернуться. Так пускай сожрет. Зверь голоден и наверняка сделает это быстро.

Драглак поднялся на задние лапы и раскрыл огромную пасть. Глеб закрыл глаза. Смотреть в эту зловонную, утыканную желтоватыми зубами черную дыру было невыносимо.

Громко клацнули зубы, и веревки упали с запястий Глеба. Зубы клацнули еще несколько раз, и Глеб, потеряв опору, рухнул на землю с трехметровой высоты, ударившись спиной о камень. Острая боль пронзила все его тело.

– Твою мать... – простонал Глеб, едва не теряя сознание от боли.

Он немного полежал на земле, дожидаясь, пока боль немного отступит, а затем медленно, очень медленно, поднялся на ноги. Драглак лежал на земле в полутора саженьях от свисающей с дерева разорванной сети.

Обе его пасти были открыты, губы обложила белая пена, а с языков на землю капала розовая слюна. Выглядел он плохо.

Заметив приближающегося Глеба, Драглак слабо вильнул хвостом. Глеб присел возле пса и осмотрел его мощное тело. Ни ран, ни ссадин, ни царапин он не заметил.

Внезапно пес перестал дышать и скривился; мышцы его напряглись, стянутые жестокой судорогой.

– Эй, Драглак, – испуганно позвал Глеб, – да что с тобой происходит?

Пес снова задышал – тяжело и хрипло, затем одна из глоток пса зашла кашлем, и к ногам Глеба упал обрывок сети. Глеб глянул на обрывок и побледнел – он весь был покрыт сгустками крови. Похоже, Драглак нечаянно проглотил кусок сети, и тот изрезал ему

внутренности. А может, просто отравил пса. Одному лешему известно, какой гадостью колдунья Мамелфа пропитала свои веревки.

Драглак приподнял одну из голов и попытался лизнуть Глеба в лицо. Глеб отшатнулся, предпочитая держаться подальше от зубов чудовища.

Драглак снова опустил голову на траву. Глеб выпрямился и едва не вскрикнул от острой боли в спине.

– Потерпи, песик, – тихо сказал он чудищу. – Я сейчас приду.

Драглак глянул на Глеба жалобными глазами и тихонько заскулил.

– Я скоро, – пообещал ходок, повернулся и, прихрамывая, заковылял к роднику.

Вот и родник с мертвой водой. Перед тем как присесть рядом с родником, Глеб чуток постоял, решаясь. Ему всегда было не по себе от вида этой мертвой воды. На первый взгляд – обычная вода, а приглядишься – в ней видно какое-то едва заметное шевеление, будто копошатся мириады крошечных прозрачных существ.

А приглядишься еще тщательнее, увидишь, как эти мириады складываются в призрачные, неразличимые для неискушенного глаза фигуры и узоры. То человеческое лицо, то фигура волколака, то очертания качающегося на ветру дерева, а то и вовсе что-нибудь чудное. словно вода запомнила все, что видела за свою долгую жизнь, и теперь спешит показать все это случайному зрителю.

Наконец Глеб собрался с духом, присел на колени и зачерпнул воды во флягу.

Когда ходок вернулся, двуглавый монстр был уже мертв. Глеб выплеснул из фляги ненужную мертвую воду. Вдали от родника она бесполезна, поскольку теряет все свои целебные качества.

Взяв в руки меч, Глеб постоял немного над мертвым псом, собираясь с духом, потом тихо сказал:

– Прости, Драглак. Я вынужден это сделать.

Он сжал в пальцах рукоять меча, размахнулся и рубанул пса по шее. А потом еще раз. И еще. И рубил до тех пор, пока обе головы не отделились от туловища.

Покончив с этим, Глеб тщательно обтер клинок травой, вложил его в ножны и захромал прочь.

Он отошел от трупa пса всего на пятнадцать шагов, как вдруг услышал за спиной отвратительное чавканье. Оборачиваться Глеб не стал и только ускорил шаг.

Пусть мертвым телом занимаются мертвые, а у него еще куча дел с живыми.

Пройдя примерно две версты, Глеб ощутил страшную усталость. Ушибленная о камень спина болела все больше и больше. Меч и короткая палица, висевшие на поясе, тяготили его. Казалось, они весят целую тонну.

Нужно было отдохнуть. Глеб, морщась от боли в спине, снял с пояса меч и палицу и бросил их на траву. Сам с трудом опустился рядом.

Посидев так минут пятнадцать и не почувствовав себя лучше, Глеб попытался встать, но с ужасом понял, что не может этого сделать, поскольку не чувствует ног.

Глеба охватило отчаяние. Теперь он был беспомощен перед здешними тварями. С минуты на минуту они появятся здесь, и тогда...

Где-то рядом хрустнула ветка. Глеб вздрогнул и уставился в темноту. На пригорке, освещенном призрачным светом луны, стоял нелюдь.

– Белнон! – хрипло выдохнул Глеб.

– Здравствуй, Первоход, – сказал нелюдь, и губы его сложились в жутковатую улыбку. – Я знал, что мы еще встретимся.

Князь Егра, тяжело опираясь на золоченый посох, вошел в расписную горницу. Он стал еще угрюмее и грузнее с тех пор, как атаман Самоха видел его в последний раз. Лысая голова, красивое гордое лицо с резкими, выразительными морщинами, под глазами –

набухшие темные мешки, словно князь провел мучительную, бессонную ночь.

Самоха снял шапку и низко-низко поклонился.

– Здрав будь, пресветлый княже! – поприветствовал он своего покровителя преданным, мягким голосом.

– И тебе не болеть, – хмуро ответил князь. – Что ты мне привез?

– То, что ты велел. – Атаман указал на деревянный стол, на котором лежало накрытое тряпицей тело ходока Варопая. – Вон он, твой недруг. Хочешь – забирай, а нет – так велю своим людишкам вынести его вон и бросить в овраг за городской стеной.

Князь, постукивая посохом, прошел к столу. Атаман Самоха поспешил за ним. Когда князь остановился, Самоха ухватил за край тряпицы и быстро сдернул ее с трупа.

Самоха, будучи от природы любопытен, зорко следил за реакцией князя. Однако на красивом, величественном лице Егры не дернулась ни одна морщина.

Он долго разглядывал лежащее на столе тело, затем чуть повернул голову к Самохе и холодно осведомился:

– Это Первоход?

Атаман кивнул:

– Да, княже. Он самый.

– А что у него с лицом?

Самоха тонко улыбнулся.

– Княже, ты ведь сам велел, чтобы казнь была лютая.

Егра снова взглянул на разбитое лицо ходока и нахмурился.

– Говорили мне, Самоха, что ты лютый зверь, – медленно произнес он, – а я не верил. Теперь вижу: не ввали люди.

– Кому лютый зверь, а кому – верный пес. За тебя, княже, и в огонь, и в воду полезу. Сам ведь знаешь.

– Знаю. – Егра оглядел медленным взглядом все тело ходока, снова взглянул на лицо и сказал: – Все ж таки зря ты ему лицо разбил.

– Почему? – вскинул брови Самоха.

– Хотел я его княгине показать. Этот червь ей много крови попортил. Думал, пускай посмотрит, порадует. А теперь как я ей ходока покажу?

– А ты прикажи накинуть ему на лицо платок, – посоветовал Самоха. – В таком виде и покажи. А спросит – ответишь, что головой в костер упал. Опосля такого рассказа княгиня и сама смотреть не захочет.

Князь вздохнул и отвернулся от тела.

– Ладно, – сказал он. – Сделал доброе дело, получай награду. Велигор!

Советник Велигор, тощий, как палка, вывернул из-за княжьего плеча.

– Я здесь, пресветлый княже!

– Дай кошель.

Велигор поспешно вынул из специального широкого кармана кожаный кошель и вручил его князю. Егра толстыми пальцами вынул из кошелья несколько золотых монет и положил их на широкую мозолистую ладонь Самохи:

– Держи.

– Благодарю тебя, князь! Да воздадут тебе боги за твою щедрость сторицей!

Атаман убрал золото в карман кафтана.

– Как там на границе? – спросил его князь. – Все ли спокойно?

– Все спокойно, пресветлый, – ответил Самоха.

– Гляди, надеюсь на тебя. Скоро пойду войной на Голядь. Будешь прикрывать мой зад. Плохо прикроешь – взыщу. А хорошо – награжу. Чтобы мне ни одно нечистое рыло из Гиблого места не вылезло! Понял али нет?

– Понял, пресветлый княже! – с готовностью ответил Самоха и склонил голову в поклоне.

Князь отвернулся от него и обратился к советнику:

– Велигор, что там лесорубы?

– Работы движутся, княже, – поспешно доложил тощий Велигор. – Только не все рубщики ночь пережили.

– Что так?

– Десятерых растерзали твари. Трое потонули в болоте. Двоих сожрали голодные прогалины. Одного закрутил вертун. А семеро просто сгнули.

– Как сгнули? Куда?

– Неведомо куда, княже. Были, а потом исчезли.

По лицу Егры пробежала тень.

– Недовольных много? – спросил он.

Велигор нахмурился и сказал:

– Голоштанники ропщут. Говорят, князь людей нарочно в Гиблое место загоняет, чтобы от нелюди даровым мясом откупиться.

Егра поморщился:

– Глупцы. Только о шкуре своей думать могут. Работы не прекращать! Беспорядков не допускать! Недовольных – резать и вешать. Тех, кто работает споро и хорошо, одаривать медью.

– Сколько давать? – деловито осведомился Велигор.

– Сам придумай. Опосля отчитаешься.

– Все сделаю, как велел, князь, – ответил Велигор.

Егра присел на край резного дубового трона, поднял руки к лысой голове и с усилием потер пальцами виски. Мучительно поморщился и убрал руки от висков.

– Пойду почивать, – сказал он, не глядя на Велигора. – К обеденной трапезе разбудишь и расскажешь, как продвигаются дела. – Он повернулся к Самохе и глянул на него из-под нахмуренных бровей: – А ты учини хорошую облаву на нечисть. Только трупы нечисти Баве не продавай.

– Куды ж их девать? – удивился атаман.

– Сюда привезешь. На подводах. Выставлю на площади и покажу людям. Пусть знают, как я о них пекусь. Все, ступайте оба прочь!

10

Самоха прошел по коридору, но не вышел из палат, а свернул вправо, на женскую половину. Услышав приближающихся сенных девок, он спрятался за высоченный комод и переждал, пока они пройдут мимо.

Затем выпрямился и быстро зашагал далее. Из-за угла вышел ратник. Увидел Самоху и поднял перед собой бердыш. Однако, разглядев атамана получше, ухмыльнулся, опустил бердыш, развернулся и пошел прочь, будто ничего не видел.

Самоха усмехнулся. Свои люди у него теперь были везде. Иного купил деньгами, другого – угрозами, третьего – щедрыми посулами. Все продавалось в этом мире, и любая дверь открывалась. Нужно только знать подход.

Атаман зашагал дальше. Вот и горница княгини Натальи. Должно быть, княгиня еще почивает. Час для нее ранний. А может, уже встала. Сидит сейчас, небось, у серебряного зеркала и волосы свои длинные и густые гребнем расчесывает.

Самоха представил себе тонкую фигуру княгини с высокой грудью, лебединой шеей и крепкими бедрами – представил и облизнул губы широким языком. В паху стало жарко от вожделения.

Самоха приник ухом к двери, затем вынул из кармана железную закорючку, сунул в замочную скважину и тихонько пошерудил. Замок сухо щелкнул, и дверь поддалась.

Княгиня Наталья, как и предполагал Самоха, сидела у зеркала с гребнем в руке. Услышав открывшуюся дверь, она повернула голову и взглянула внимательно, но без всякого страха.

Смела была Наталья, ох, смела! Через эту безоглядную смелость все у них и вышло. Отомстить, видать, хотела князю за что-то, вот губы под поцелуй и подставила.

Самоха, глядя на княгиню, усмехнулся – сладок был тот поцелуй, слаще самого сладкого меду. Помнит ли о нем Наталья?

– Здравствуй, княгиня, – тихо поприветствовал атаман и прикрыл за собой дверь.

– Здравствуй, разбойник, – холодно откликнулась Наталья. – Кто тебя сюда впустил?

– Ты меня знаешь, княгиня, я ведь разрешения не спрашиваю. Куда пожелаю, туда иду.

Княгиня, даже не убранная в богатые платья, была хороша. Самоха не выдержал, подбежал к ней и хотел поцеловать. Но княгиня вскочила на ноги и выставила перед собой гребень, как меч.

– Не смей! – резко и холодно проронила она. – Прочь отсюда!

Атаман оторопел.

– Пошто прогоняешь? – обиженно спросил он. – Ведь хорошо нам было вместе. Скажешь, нет?

Щеки княгини Натальи побелели.

– Выбрось из головы! – яростно заявила она. – А напомним, скажу князю, что ты меня насильничать хотел.

Несколько секунд атаман стоял ошеломленный. Какова подлость! Каково двуличие! Ах ты, подколодная змея!

– Вот, значит, как. – Атаман прищурил недобрые глаза. – Гонишь прочь, как шелудивого пса?

Лицо Самохи налилось кровью. Глаза холодно блеснули. Он схватил Наталью за руку и дернул на себя. Княгиня вскрикнула. Вперив в лицо Самохи пылающий взгляд, она проговорила kloпочущим от гнева голосом:

– Пусти руку, мразь! Егре скажу!

– Не скажешь, – отчеканил атаман. – Я ему колечко твое покажу. И скажу, что ты сама мне его подарила.

– Колечко? – Наталья прищурила глаза. – Вот, значит, как. А я-то думала, что потеряла его. Так ты не только разбойник, ты еще и вор?

Самоха осклабил в улыбке крепкие белые зубы.

– Покажу колечко, – вкрадчиво проговорил он. – Князь, я чай, по головке не погладит?

Он снова дернул Наталью на себя и быстро перехватил ее за плечи.

– С ходоком миловалась, а со мной не хочешь? А ну подставь уста! Не уйду, пока не поцелую!

Наталья, глядя ему в глаза, качнула головой:

– Нет. Не будет тебе поцелуя. Убирайся прочь, пес.

Атаман сдвинул ее предплечья пальцами так крепко, что княгиня поморщилась от боли.

– Так не поцелуешь? – мрачно спросил он.

Наталья молчала. Атаман медленно усмехнулся.

– Как на престол приду, служанкой моей будешь, – пригрозил он. – Сапоги мои тряпкой до блеска натирать станешь. И ходить будешь только голая. А когда я велю...

Наталья плюнула атаману в лицо.

Самоха вытер лицо ладонью. Несколько секунд он стоял молча, борясь с гневом, которому не мог дать выхода, затем развернулся и зашагал прочь из комнаты.

Когда дверь за ним закрылась, Наталья обессиленно опустилась на табурет. С минуту она молча о чем-то размышляла. Когда дверь снова скрипнула, она вздрогнула и испуганно воззрилась на вошедшую. Это была нянька Голица.

– Княгинюшка, там тебя князь кличет, – сказала она. – Говорит, хочет что-то показать.

– Чего показать?

– Не знаю. Но только князь весь светится и ликует. И все руки потирает да тебя кличет. Говорит – приходи поскорее.

Сердце Натальи сжалось в предчувствии беды. Она набросила на плечи богатую

персидскую шаль, обула кожаные сапожки и пошла к Егре.

11

– Зачем звал, князь?
Егра встал со скамьи и двинулся навстречу жене.
– Хочу тебе кое-что показать, – произнес он странным голосом. – Готова ли ты глядеть?
Брови княгини встревоженно дрогнули.
– Темно говоришь, князь. Если хочешь что-то показать – показывай скорее.
– Что ж... Идем. – Егра взял Наталью за руку и повел ее к дальнему длинному столу.
На столе что-то лежало, накрытое большой холстовой тканью.
Остановившись перед столом, князь приказал:
– Сдерни ткань!
– Зачем? – не поняла Наталья.
– Там мой дар. Сдерни ткань и посмотри.
На лице княгини отобразилось недоумение.
– Чудишь ты, князь, – дрогнувшим голосом проговорила она. – Ну, хорошо.
Наталья взялась за край ткани и потянула ее на себя.
Лицо ее побелело. Она покачнулась, но устояла на ногах.
– Кто это? – спросила Наталья севшим от ужаса голосом.
– А ты не узнала? – Князь улыбнулся. – Это твой бывший дружок. Глеб-Первоход!
Княгиня вновь покачнулась и на этот раз не смогла устоять на ногах. Егра поддержал ее и, испугавшись мертвенно-бледного лица Натальи, крикнул:
– Воды! Быстрее воды!
Боярин Велигор, старший холоп Липок и охоронец Ратмир наперегонки бросились к кадке с чистой водой, в которой плавала деревянная ладья.
Первым за ковш ухватился Липок. Он и принес княгине воды.
Отпив глоток, Наталья открыла глаза и, увидев перед собой Егру, сказала:
– Это не он. Тебе никогда не убить Глеба. Никогда.
Губы князя задрожали. Липок снова протянул Наталье ковшик, но Егра резко ударил по нему рукой. Ковшик упал на пол, и вода из него выплеснулась князю на ноги.
– Княже! – испуганно воскликнул Липок и захлопал глазами.
– Ратмир! – позвал князь Егра.
Охоронец мигом подскочил к князю:
– Я здесь, пресветлый!
– Княгиню в комнату, под надзор! Без моего ведома не выпускать! А этого... – Князь кивнул на холопа, – отдай кату. Пусть всыплет ему плетей.
– Княже! – испуганно проблеял Липок.
– Это тебя научит расторопности, пес.
Егра повернулся и грузно зашагал к двери, постукивая об пол своим тяжелым золоченым посохом.

Глава четвертая

1

Сумерки в лесу стремительно сгустились. На небе появилась розоватая луна. Вдруг свистнул дозорный. Нелюди, расположившиеся вокруг костров, тотчас вскочили со своих мест и схватились за боевые топоры и мечи.
– Белнон! – крикнул вдруг кто-то. – Это же Белнон!
И впрямь, из лесной чащобы в сопровождении дозорных вышел старик-альбинос. Он

улыбнулся, сделал знак рукой, и из чащобы стали выходить нелюди и чудовища.

– Он привел наших братьев, плененных людьми! – снова восторженно крикнул кто-то.

Высокая стройная девушка поднялась с бревна и пошла навстречу альбиносу. Остановилась перед ним и тихо выдохнула:

– Отец!

– Диона, – мягко проговорил Белнон и обнял девушку.

Вокруг поднялся галдеж. Освобожденные нелюди обнимались со своими братьями и весело с ними переговаривались. Диона и Белнон не обращали на шум никакого внимания. Они смотрели друг другу в глаза и никак не могли насмотреться.

– Ты свободен, – дрогнувшим голосом произнесла Диона. – Но как тебе удалось?

– Нам помог твой друг, – ответил Белнон.

– Мой друг?

– Да. Вон он.

Диона повернула голову, и брови ее взметнулись. Чуть в стороне от радостно галдящей толпы нелюдей стоял Глеб-Первоход.

И тут громкое рычание заставило всех замолчать. К толпе нелюдей подошел Бычеголов. Яростно сверкнув на Глеба глазами, он грозно рявкнул:

– Что здесь делает этот человек?

– Он спас нас, – ответил ему Белнон. – Срезал замки и открыл двери клеток.

Бычеголов уставился на Глеба и глухо прорычал:

– Я ему не верю.

– Князь Егра приказал убить его, – сказал Белнон. – И атаман Самоха отдал его на съедение Драглаку.

– Но он жив!

– Он победил Драглака. А потом убил двух ходоков и сбежал от Самохи.

– Первоход убил своих братьев? – не поверила своим ушам Диона.

Белнон кивнул белогривой головой:

– Да. А возле болот он принял бой, обратившись в волколака, и убил несколько разбойников.

Глеб, посчитав, что пора бы и ему что-нибудь сказать, улыбнулся Дионе и мягко проговорил:

– Здравствуй, Диона.

– Здравствуй, Первоход, – отозвалась она.

– Рад, что ты жива и здорова.

Зрачки девушки сузились. Она гневно взглянула на Глеба и угрюмо проговорила:

– Ты отдал меня Бычеголову.

При звуках своего имени Бычеголов вздрогнул и уставился на Диону.

– Я вынужден был так сделать, – ответил Глеб. – Ты заболела. Только твои братья могли спасти тебя от смерти.

– Но ты отдал меня Бычеголову.

– Если бы я не отдал тебя ему, ты бы умерла.

Диона шевельнула губами и прошептала что-то настолько тихо, что никто, кроме Глеба, не услышал.

– С чего ты решил, что смерть – худший исход? – прошептала она.

Бычеголов свирепо глянул на Белнона и спросил:

– Почему он понимает нашу речь?

– Я научил его, – ответил Белнон.

– Ты вдохнул в него свою дэому? – изумился Бычеголов.

– Первоход повредил спину. Я просто помог ему.

– Ты знаешь, что мы...

– Перестань, Бычеголов, – оборвала его Диона. – Я тоже делилась своей дэомой с

человеком, и ничего страшного не случилось.

Девушка подошла к Глебу, встала на цыпочки и прошептала ему на ухо:

– Я никогда не забуду того, что ты сделал. Берегись, Первоход. Никто из тех, на кого я затаила обиду, не выжил.

Глеб посмотрел на нее мягким взглядом и проговорил:

– Возможно, я стану первым.

По лицу Дионы пробежала тень. Она отвернулась от Глеба и резко прочертила в воздухе знак. Огромное дерево с грохотом повалилось на землю. Нелюди и лесные твари вздрогнули и повернули головы на шум.

– Прости, Бычеголов, – сухо сказала Диона. – Мне нужно было выпустить пар.

Она повернулась и зашагала к кострам. Бычеголов и Глеб посмотрели друг на друга. Глеб пожал плечами и небрежно обронил:

– Женщина.

Бычеголов пробубнил что-то нечленораздельное и снова обратился к Белнону:

– Старик, ты привел этого ходока в наш стан. Ты готов поручиться за него головой?

– Да, Бычеголов, – спокойно ответил Белнон. – Я готов за него поручиться.

– Если он предаст нас, на твою сивую голову обрушится гнев всех наших собратьев. И ты не сможешь этому противостоять, даже если прибегнешь к колдовству.

Белнон прищурил красные глаза и спокойно произнес:

– Ты знаешь, Бычеголов, я не искушен в колдовстве. Я всего лишь умею предвидеть будущее. Но и этот дар недорого стоит, потому что будущее изменчиво, и я вижу не все.

– Надеюсь, что ты понимаешь, о чем говоришь, – пробубнил Бычеголов. – Располагайся и хорошенько выпишь. Завтра будет тяжелый день.

Вождь нелюдей резко повернулся и зашагал к костру. Белнон подошел к Глебу и коснулся пальцами его плеча.

– Тебе придется тяжело с нами, ходок, – сказал он.

Глеб дернул плечом:

– Ничего, я привык.

Белнон взгляделся в его лицо и вдруг сказал:

– Ты ведь что-то скрываешь, да?

– Почему ты так решил?

– Я умею читать мысли, Первоход. Но в твою голову забраться не могу. Кто-то, чьи силы превосходят мои, наложил защитное заклятие.

Глеб усмехнулся.

– Ты что-то путаешь, старик, – возразил он. – Среди моих знакомых нет колдунов. Кроме тебя и Дионы, конечно. Я бы рад обсудить это с тобой, но мои ноги гудят от усталости. Пойду поваляюсь на травке.

Глеб повернулся и неторопливо зашагал к костру, провожаемый злобными, ненавидящими взглядами нелюдей. Он прошел всего несколько шагов, когда на пути у него встала еще одна фигура.

Глеб остановился и прищурил глаза.

– Лагин? – удивленно проговорил он. – Ты что здесь делаешь?

– То же, что и ты, Первоход, – ответил ученый муж негромким спокойным голосом.

Глеб хмыкнул:

– Я думал, что вурдалаки – одиночки.

– А я думал, что ходоки – одиночки. Но, видно, такое время, что даже одиночки сбиваются в стаи.

Глеб отвернулся и хотел пройти мимо, но замедлил ход.

– Ты видел Вакара? – спросил он.

Лагин кивнул:

– Да.

– Он действительно кует этим тварям мечи?

– Да.

– Черт!

Глеб отвернулся и снова зашагал к костру. Но разговор был еще не закончен. Воздух дрогнул перед лицом у Глеба, и Лагин снова возник у него на пути. Глеб нахмурился.

– Завязывай с этими фокусами, упырь, – недовольно сказал он.

– Я могу помочь тебе, – вкрадчивым голосом отозвался Лагин.

– Как?

– Я могу дать тебе часть своей силы. – Лагин откинул с лица длинную седую прядь и прищурил голубые глаза. – Ты съел сердце нелюдя, и оно помогло тебе выжить. Почему бы тебе не глотнуть моей крови, чтобы стать неуязвимым? Ты ощутишь прилив новых сил, и это будет прекрасно!

– Спасибо, но я и так себя неплохо чувствую.

Лагин усмехнулся:

– Глупо, ходок. Глупо и недальновидно. Мы могли бы многого добиться вместе.

– Сейчас ты вместе с Бычеголовом, – напомнил Глеб.

Лагин прищурил глаза:

– И ты тоже.

– И я тоже, – согласился Глеб. – Так что в ближайшие дни нам с тобой никуда не деться друг от друга.

Глеб двинулся было вперед, но стригой снова преградил ему дорогу.

– «И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много!» – процитировал он торжественным голосом.

Глеб недобро прищурился:

– Что ты этим хочешь сказать?

– Пришло время демонов, Первоход. Наше время!

Глеб усмехнулся:

– У тебя мания величия, упырь.

Глаза стригоя замерцали, черты лица зловеще заострились.

– Все начинается с малого, – глухо проговорил он. – И самый сильный ураган начинается с легкого ветерка.

– Да, пускать «ветра» ты мастер. А теперь уйди с дороги, упырь. Я устал и пойду спать.

Глеб хотел оттолкнуть Лагина, но тот перехватил его руку и, сжав ее ледяными пальцами, угрюмо проговорил:

– Никогда не называй меня упырем.

– Почему, упырь? – спросил Глеб.

Несколько мгновений мужчины смотрели друг другу в глаза, потом Лагин разжал пальцы и отступил в сторону, освобождая Глебу дорогу.

Глеб прошел к костру, нашел себе место потеплее и посуше и улегся на землю, намереваясь поспать. Однако уснуть ему не дали.

– Веселая у нас подобралась компания, – услышал он хриловатый голос Бычеголова.

Глеб открыл глаза. Вождь стоял рядом с Глебом, широко расставив ноги, и держал правую руку на деревянной рукояти боевого топора.

Глеб понял, что поспать ему не дадут, и, недовольно хмуря брови, поднялся на ноги.

– Ты хотел о чем-то поговорить? – спросил он у Бычеголова.

– Тебя привел Белнон, – ответил тот. – Возможно, ты и впрямь спас его. Но я думаю, что это была уловка. Я не верю тебе, человек, и буду следить за тобой. Сейчас мои собратья обыщут тебя, а потом мы поговорим. Если я пойму, что ты меня обманываешь, – берегись.

Два нелюдя вышли из тени и приблизились к Глебу.

– Эй, вождь, – усмехнувшись, позвал он. – А нельзя, чтобы это сделала Диона?

Бычеголов скрипнул зубами и побагровел.

– Ладно, не горячись. – Глеб улыбнулся. – Шучу. Давайте, ребята, принимайтесь за дело. Только осторожнее – я боюсь щекотки.

Глеб сидел на камне в центре большого шалаша, а рядом с ним стояли три нелюдя: Бычеголов, Ворон и еще один – невысокий, жилистый, с узким, поросшим серой шерстью лицом. Этого звали Шакал.

Шакал взглянул на Глеба, улыбнулся тонким ртом и сказал:

– Вождь не считает тебя своим врагом, ходок. Но мы все тебя плохо знаем, и согласись, мы не можем тебе доверять.

– Хватит болтать, – прорычал Бычеголов. – Делай то, что должен.

Шакал приблизил свою страшную, поросшую сероватой шерстью морду к лицу Глеба и сказал:

– Не бойся, Первоход. Я просто поговорю с тобой на языке Нуарана.

– Что еще за Нуаран? – недовольно спросил Глеб.

Шакал вскинул кудлатые брови:

– А ты не знаешь? Далеко на Западе есть пещера, а в пещере – черный камень. На камне высечены письмена, которые оставил павший бог. Пещера – наше главное святилище. Тот, кто сможет прочесть письмена, высеченные на камне, обретет власть над сущим.

– Над сущим?

Шакал улыбнулся и пояснил:

– Черный камень выполнит любое его желание.

Глеб облизнул губы и сказал:

– Но ведь ты знаешь этот язык. Почему бы тебе самому не прочесть предсмертную записку бога?

Шакал прищурил желтые глаза.

– Многие из нас знают язык Нуарана, – ответил он. – Кто-то хуже, кто-то лучше. Но на черном камне есть изъян. Выщербленная дыра. На месте этой дыры когда-то было слово. Никто из нас не знает, что это было за слово.

Глеб усмехнулся:

– Ясно. Сразу видно, что никто из вас не учился криптографии. Существует множество алгоритмов расшифровки. Почему бы вам не найти нужное слово путем простого подбора? Перебрать все известные вам слова и вставлять их по очереди на место пробела.

Шакал улыбнулся черными, тонкими губами:

– Этим занимаются наши жрецы. Уже много лет и веков.

– Ну, хватит! – резко проговорил Бычеголов, который все это время с хмурым видом прислушивался к беседе Шакала и Глеба. – Берись за дело, Шакал, пока я не вытряхнул тебя из твоей вшивой шкуры!

– Как скажешь, вождь, – покорно отозвался Шакал.

Серомордый нелюдь уставился на Глеба немигающим взглядом и тихо что-то забормotal. С каждой секундой голос его звучал все громче и громче. Язык Нуарана был мягок и мелодичен. Глеб почувствовал, что мышцы его расслабились, а губы сами собой сложились в улыбку. Из сердца ушли страхи и тревоги. Мир преобразился и посветлел, словно его вымыли родниковой водой. Глеба охватила сладкая полудрема.

– Зачем ты пришел к нам, ходок? – услышал он мягкий голос Шакала.

Глеб приоткрыл губы и тихо ответил:

– Меня изгнали люди.

– Тебя послал к нам князь Егра?

Глеб качнул головой:

– Нет.

– Ты служишь князю Егре?

– Нет.

– Кому же ты служишь?

– Никому. Я сам по себе.
 – Ты хочешь уничтожить нелюдей?
 – Нет.
 – Чего же ты хочешь?
 – Я хочу вернуться домой.
 – Зачем ты...
 – Хватит! – рявкнул Бычеголов и нетерпеливо повел рогатой головой. – Все это бесполезно. Твоя мудреная трепотня не помогла уличить его.
 – Возможно, он ни в чем не виноват, – возразил Шакал.
 – Чушь! Я не верю ему! Он – человек, самое лукавое и подлое существо на свете!
 – Если хочешь, позови Диону, – предложил Шакал. – Я не смогу проникнуть в мысли ходока. Но Диона наверняка сможет. Вне пещеры Нуарана нет жреца сильнее, чем она. Хочешь, я сам ее позову?
 – Нет.
 – Но...
 – Я сказал – нет!
 – Прости, Бычеголов. – Шакал немного помолчал, а затем негромко спросил: – Что будем делать с ходоком?
 – Пусть идет. Возможно, он и впрямь говорит правду.
 Шакал кивнул и снова повернулся к Глебу.
 – Первоход! – окликнул он властным голосом. – Я обращаюсь к тебе! Отряхни сон со своих век и вернись к нам.
 В голове у Глеба прояснилось, и он открыл глаза. Оглядел лица нелюдей ошалелым взглядом и спросил:
 – Я что, уснул?
 – Ступай к костру, – глухо сказал ему Бычеголов. – И моли своих богов, чтобы я не уличил тебя в измене.

3

Уже два дня продолжались скитания отряда по Гиблому месту. За это время Глебу-Первоходу довелось увидеть много странного. Диона усмиряла лесных тварей, и они присоединялись к воинству Бычеголова.

Глеба нелюди сторонились. Они глядели на него с ненавистью и опаской и с радостью убили бы его, если бы он не был под защитой Белнона.

По ночам воинство Бычеголова разбивало лагерь. Нелюди зажигали костры, собирали переносные шалаши-шатры. Глеб предпочитал проводить ночь на открытом воздухе, неподалеку от костра. Еду себе он добывал сам, постреливая птиц взятым у Шакала напрокат луком. Есть пернатую дичь он не боялся. По какому-то недоразумению птицы, обитающие в Гиблом месте, были вполне съедобны. Возможно, потому, что многие из них не останавливались в Гиблом месте надолго и, чуть передохнув, летели дальше.

Однажды, пробираясь по ночному лесу, Глеб услышал неподалеку чьи-то тихие голоса. Глеб остановился и прислушался. Разговаривали двое. Женщина и мужчина.

Стараясь ступать как можно тише, Глеб начал подкрадываться поближе. Голоса становились слышнее, хотя все еще звучали приглушенно. Говорившие явно не хотели, чтобы их услышал кто-то посторонний.

Глеб на мгновение удивился чуткости своего слуха. Вероятно, сердце нелюдя, которое он слопал в клетке, все еще «работало».

И вот уже Глеб смог разобрать слова. Разговаривали на языке русов.

– Что ты узнал? – тихо спросил женский голос.

– Это он, – ответил мужской.

– Тот самый?

– Да.
Глеб придвинулся еще ближе и увидел сквозь ветви тонкий силуэт Дионы.
– Значит, предвидение меня не обмануло, – взволнованно проговорила она.
– Да. Но добыть его будет непросто, – ответил ей мужской голос.
Голос показался Глебу знакомым, и он стал слушать дальше.
– Ничего, – сказала Диона. – Главное, что он там. А добыть его я сумею.
– Как?
– Придумаю как. Люди князя Егры о чем-нибудь догадываются?
– Думаю, что нет.
– Хорошо. Будь осторожен. Я не хочу, чтобы ты погиб из-за меня.
– Я должен вернуться назад до рассвета, – сказал мужчина.
– Ты вернешься, – пообещала Диона.
– Гиблое место кишит нечистью, – напомнил мужчина, и голос его прозвучал недоверчиво. – Ты сможешь защитить меня?
– Не бойся. Мое заклятие помогло тебе прийти сюда. Поможет и уйти.
Диона заговорила на странном мелодичном языке, и сердце Глеба забилось учащенно. Он понял, что это язык Нуарана.
Наконец Диона замолчала.
– Волколаков и оборотней можешь больше не бояться, – сказала она, вновь переходя на язык русов.
– А упырей?
– Слабого упыря заклятие остановит, но сильного может и не остановить. Но не бойся. Упыри глупы и нерасторопны. Даже самые сильные из них тугο соображают.
– Моя жизнь в твоих руках, Диона, – смиренно произнес мужчина. – Когда мне прийти снова?
– Я должна все обдумать. А потом я дам тебе знать.
– Как?
– Предоставь это мне. Все, ступай. Болотный дух покажет тебе дорогу.
Диона раскрыла ладонь и дунула на нее. Тусклый огонек соскочил с ее ладони и медленно поплыл по воздуху прочь.
– Ступай за ним, – сказала Диона. – Он приведет тебя домой.
Мужчина кивнул и зашагал за движущимся огоньком.
Глеб быстро спрятался за колючий куст. Диона прошла мимо. Вскоре ее легкие шаги затихли вдалеке. Глеб выпрямился и поспешил за мужчиной, который успел свернуть и скрыться за деревьями. Он был полон решимости разобраться, в чем тут дело, и выяснить, что за игру затеяла Диона.
Однако пройти удалось всего несколько шагов. На пути у Глеба возник Лагин. Вид у стригоя был слегка растерянный, словно у человека, которого застали за чем-то неприличным.
Глеб заговорил первым.
– Что ты здесь делаешь, упырь? – сухо спросил он.
– А ты? – прищурил глаза Лагин.
– Я? Просто прогуливаюсь.
Глаза Лагина мягко замерцали.
– Не самое удачное время для прогулки, – заметил он. – Ночная чащоба полна опасностей, ходок.
– Я не боюсь опасностей.
– Правда? – Стригой усмехнулся. – Узнаю Первохода. Все такой же самонадеянный. А что ты скажешь на это?
Лагин резко вскинул руку и схватил Глеба за горло. Глеб захрипел.
– Жалкий человечешко, – презрительно проговорил Лагин. – Мне достаточно сжать пальцы, чтобы убить тебя.

– Не так быстро, упырь, – прохрипел Глеб. – Посмотри вниз.

Лагин опустил взгляд. Брови вурдалака съехались на переносице, когда он увидел, что лезвие короткого меча уткнулось ему в живот.

– Это меч из белого металла... – побагровев, сказал Глеб. – Его заговорил Вакар... Воткну тебе в брюхо, и одним упырем в Гиблой чащобе станет меньше.

Лагин пристально посмотрел Глебу в глаза и облизнул губы тонким черным кончиком языка.

– Ты лжешь, – сказал он.

– Хочешь проверить?

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза, потом пальцы Лагина разжались.

Стригой посмотрел на меч и скривился.

– Жалкая подделка.

– Возможно, – сказал Глеб и потер пальцами шею. – Но ты этого не знаешь наверняка.

Стригой яростно скрипнул клыками.

– Поостерегись, Первоход, – угрожающе произнес он. – Когда-нибудь ты выйдешь на прогулку без оружия, и я использую свой шанс.

Ученый муж откинул с лица длинную седую прядь, повернулся и зашагал к лагерю.

Глеб проводил его тревожным взглядом. Лагин явно появился здесь не случайно. Интересно, слышал он разговор Дионы с таинственным человеком или нет?

Пораздумав еще немного, Глеб решил вернуться в лагерь. Незнакомца, которого вел через чащобу лесной дух, уже не нагнать. А вот угодить в лапы упыря-шатуна или отбившегося от стаи волколака вполне возможно.

Глеб вложил меч в ножны и, прислушиваясь к каждому шороху, направился к поляне, на которой ярко пылали костры.

4

Идти по ночному лесу – удовольствие сомнительное. Кто из охотников, охоронцев или ратников не знает всех опасностей такого похода? Ямы, корни и сучки, невидимые в темноте. Стволы упавших деревьев, лежащие на пути. Острые обломки скал, на которые можешь наступить ногой. И нет более обидного и нелепого исхода, чем сломать или вывихнуть себе ногу всего в паре верст от межи, отделяющей Гиблое место от остального мира.

Зыбкий огонек, мелькающий впереди, вел к меже, но не давал достаточно света, чтобы разглядеть путь. Но, слава богам, северная ночь коротка. Уже через час начало светать, и путник зашагал увереннее и быстрее.

Несмотря на долгую ходьбу, ноги его не ныли от усталости, и благодарить за это следовало Диону. Она, конечно, нелюдь и ведьма, но когда не находишь союзников среди людей, поневоле начинаешь искать их среди лесной нечисти.

Ах, до чего же легко идти! Ноги двигаются сами собой, словно у вырвавшегося на свободу дикого зверя.

И путник все ускорял шаг, забыв об отдыхе и пище.

Он шел почти час, когда на пути у него возникла одинокая фигура.

Путник остановился и положил пальцы на рукоять меча. Если это упырь, он сразит его ударом меча и двинется дальше. Заклятие Дионы поможет. Главное – не бояться и действовать быстро и решительно.

Путник шагнул вперед. Человек попятился и испуганно проговорил:

– Пожалуйста, не трогай меня! Я безоружен!

Пальцы, сжимающие рукоять меча, чуть расслабились.

– Кто ты? – спросил путник сурово.

Человек отозвался слабым, растерянным голосом:

– Меня зовут Лагин. Я ученый муж, приехал сюда из Болгарского царства. Отправился с проводником в лес и заплутал. Ты поможешь мне выйти из леса, добрый человек?

Путник облегченно вздохнул, но руку с меча не убрал.

– Далеко же ты забрался, ученый муж, – с легкой иронией проговорил он. – Хорошо. Ступай за мной, и я выведу тебя из леса.

Дальше они пошли рядом. Шагая по хрустящему валежнику, путник бросал на заблудившегося ученого быстрые, внимательные взгляды. Выглядел тот жалко. Седые волосы спутались. Одна щека поцарапана, другая – испачкана грязью. Глаза смотрели растерянno и испуганно.

И кто только берет таких недотеп в лес?

– Могу ли я узнать твое имя, путник? – спросил ученый муж сиплым от усталости голосом.

– Можешь. Меня зовут Велигор.

– Велигор, – повторил ученый муж. – Судя по платью, ты богатый человек.

– Ты тоже не похож на голодранца, – заметил на это Велигор.

Еще несколько шагов они прошли в молчании.

– А что за огонек мерцает впереди? – спросил Лагин.

– Он укажет нам дорогу к Хлынь-граду. Дойдем до каменной межи, а там сплавимся по ручью.

– У тебя есть лодка?

– Есть.

– Но выдержит ли она двоих?

Велигор усмехнулся сухими губами.

– Не беспокойся, ученый муж.

Где-то далеко заухала сова. Лагин испуганно вскинул голову.

– Говорят, ваши леса полны чудовищ, – сказал он дрогнувшим голосом.

Велигор хмыкнул.

– Не верь всему, что говорят, ученый муж.

– Значит, чудовища – это просто выдумка?

– Отчего же. Бывают и чудовища. Но нам не след их бояться.

– Почему?

– Потому что на поясе у меня висит меч, а на шее – волшебный амулет. Держись ко мне поближе и не сходи с тропы – и все будет в порядке.

Ученый муж улыбнулся.

– Ты держишь руку на мече с самой нашей встречи, – сказал он. – Не думаешь ли ты, что я могу причинить тебе зло?

– Это меч не против тебя, он против лесной нечисти, – ответил Велигор.

Лагин прищурил добродушные глаза.

– В твоём мече есть что-то особенное? – уточнил он с любопытством ученого.

Велигор приосанился.

– Он сделан из белого железа и заговорен от нечисти тремя заговорами. Рана, нанесенная таким мечом, губительна для упырей и оборотней.

– Вон оно что. – Ученый муж облегченно вздохнул. – Ну, теперь мне стало спокойнее.

Они прошли еще три версты. Велигор не без удовольствия замечал, что спутник его все больше устает, тогда как сам он чувствовал себя вполне сносно и готов был шагать дальше – без усталости и отдыха.

Наконец ученый муж не выдержал и жалобно попросил:

– Давай отдохнем, Велигор.

Просьба Лагина была Велигору не по душе, однако не отозваться на нее было нельзя. Если добровольно взялся кому-то покровительствовать в пути, то не говори потом, что обуза

тяжела.

– Хорошо, – сказал Велигор и остановился. – Располагайся здесь. Но не устраивайся надолго, скоро мы продолжим путь.

Ученый муж с облегчением уселся на траву и вытянул гудящие от усталости ноги.

– Ох-х... – вздохнул он. – Как же тяжело ходить по лесу.

Велигор усмехнулся и тоже сел на траву. Ножны он отстегнул и положил рядом с собой.

– Так зачем ты к нам прибыл, ученый муж?

Лагин улыбнулся:

– Хочу получше узнать Гиблое место. Говорят, здесь много чудесных вещей. Может, мне повезет, и я найду хотя бы одну.

Советник Велигор вздохнул.

– Нехорошее это место, чужеземец. Не для праздных прогулок. Те, кто сюда приходит, гибнут.

– Ты ведь не погиб, – возразил Лагин.

– Я? – Велигор хмыкнул. – Ну, я дело особое. Меня Сила бережет.

– Ты такой сильный? А по виду и не скажешь.

– При чем тут я? Сила эта разлита в воздухе. Она тут везде. Кто сумеет Силой овладеть, того не сломишь и не сгубишь. А над моей головой она – как шатер. Ты отдохнул?

– Да.

Велигор собрался подняться на ноги, но не успел. Ученый муж вдруг схватил его за плечо, а в следующее мгновение Велигор почувствовал, что летит по воздуху. Пролетев сажени две, советник больно стукнулся боком об дерево и рухнул наземь.

Открыв глаза, он увидел, что Лагин стоит перед ним. Ученый муж преобразился. Он стал выше ростом, седые волосы его загустели, пошли волной и упали на плечи. Лицо помолодело и стало красивым и гордым.

– Ну? – презрительно проговорил Лагин. – И где теперь твой заговоренный меч?

«Нечисть!» – догадался Велигор. Он сцепил зубы и пополз к мечу, который остался лежать на траве. Лагин смотрел на него насмешливо.

– Доползешь ли? – с напускной заботливостью осведомился он. – Нога-то небось сломана.

Велигор продолжал ползти. Нога болела невыносимо, левый бок, которым он ударился о дерево, затек и онемел. Но советник все хватался пальцами за траву и все полз дальше.

«Подвел, – мучительно думал он. – Попался. Как мальчишка».

Лагин еще немного полюбовался видом корчащегося от боли противника, потом улыбнулся и сказал:

– Не печалься, Велигор. Я помогу твоей беде. Видел, какой я сильный? Таким же будешь. И нога твоя срастется.

Велигор продолжал ползти. Он прополз уже две сажени, осталось еще две, но силы стремительно покидали советника.

– А ты упорный, – уважительно проговорил Лагин. – Из тебя получится хороший стригой. Ладно, пора дело делать.

Лагин закатал рукав левой руки, затем поднес руку к губам и прокусил себе запястье. Лицо его болезненно скривилось, а по предплечью потекла струйка черной крови.

Правой рукой Лагин ухватил советника за волосы и поднял его голову от земли, а левую сунул запястьем Велигору в рот.

– Нет! – крикнул советник и попытался отплюнуть. Но Лагин снова заткнул ему рот кровоточащим порезом.

– Поздно, – сказал он. – Ты уже мой.

Велигор задергал головой, пытаясь высвободиться, но Лагин держал крепко. Лишь посчитав, что советник наглотался достаточно мертвой крови, вурдалак отпустил его. Велигор тяжело поднялся на ноги.

– Нет... – хрипло проговорил он. – Я не буду... таким, как ты.

Лагин засмеялся.

– Куда ты денешься? Моя кровь уже бурлит в твоих жилах.

Несколько секунд Велигор стоял, с изумлением прислушиваясь к своему телу, затем вдруг бросился к мечу. Лагин хотел преградить советнику дорогу, но тот оказался расторопнее. До-бравшись до меча, советник быстро поднял его, выдернул из ножен и с размаху вогнал клинок себе в живот.

Лагин злобно зарычал, замахнулся ногой и с силой пнул Велигора по ребрам. Тело советника взлетело в воздух, перекувыркнулось, пролетело две сажени и бухнулось на бурелом. Торчащие из бурелома ветки проткнули советника насквозь.

– Глупец! – презрительно и гневно крикнул Лагин. – Ты мог стать неуязвимым и сильным, как бог! А теперь сдох, как паршивая собака, и упыри обглодают твоё тело! Тьфу!

Стригой в сердцах сплюнул себе под ноги, развернулся и быстро зашагал к городу.

5

– Здрав будь, пресветлый княже!

Князь Егра поднял тяжелые веки и взглянул на советника.

– И тебе не болеть, Велигор, – проговорил он своим тихим, скрипучим голосом. – Веки князя чуть прищурились. – Ты сегодня странно выглядишь, советник. Уж не захворал ли?

Велигор поправил рукою волосы, выбившиеся из-под красной парчовой шапки-кумовки, и улыбнулся.

– Всю ночь провел без сна, княже. Все думал, верно ли мы делаем, что ссоримся с лесными тварями.

– И что решил?

– Решил, что верно. Ежели у тебя во дворе муравейник, выжги его огнем, пока термиты не сожрали твой дом.

Князь Егра усмехнулся:

– Вижу, бессонная ночь пошла тебе на пользу, Велигор.

Егра протянул руку к столу, стоявшему у дивана, и взял серебряный кубок с прохладным красным вином. Поднес кубок к губам и сделал несколько больших глотков.

– Пришли послания от князей радимичского и дреговичского, – доложил Велигор. – Они не станут нам мешать. А радимичский даже пришлет на подмогу отряд из тысячи конных дружинников. Через три дня будут здесь.

– Хорошая новость, – сказал князь и поставил кубок на стол. – Что с Гиблым местом?

– Все, как ты велел, княже. Вырубили десять верст вглубь.

– Что серый люд? Ропщет?

– Ропщет. Но дальше этого дело не идет.

Егра потер пальцами безволосую щеку. Потом провел широкой ладонью по лысой гладкой голове и спросил:

– Сколько сгинуло минувшей ночью?

– Три десятка человек, – ответил Велигор.

Князь вздохнул и с неудовольствием проговорил:

– Много.

– Будет больше, коли не вырубим лес, – сказал на это Велигор.

– Тут ты прав. – Егра снова потянулся за кубком, и самоцветные перстни ярко блеснули у него на пальцах. – Созови домовых бояр. Будем держать совет. Хочу через четыре дня двинуть дружину на Голядь.

Велигор кашлянул в тощий кулак и осторожно проговорил:

– Не все бояре тебя поддерживают, княже. А есть такие, которые начнут сеять раздор да разлад. У иных бояр языки длиннее их кафтанов.

– Ничего. Языки и подрезать можно. – Егра мрачно усмехнулся и добавил: – Вместе с

головой. Дружина мне верна, а значит, бояр бояться нечего.

– Верно, – согласился Велигор.

– Ну, раз верно, так ступай.

Князь поднес кубок к толстым губам, а Велигор, поняв, что разговор закончен, пошел к двери.

Выйдя из княжбых покоев, советник повел себя странно. Он прислонился спиной к стене и обмяк лицом.

Затем поднес ко рту руку и выплюнул на ладонь маленькую черную горошину. По лицу его пробежала судорога, Велигор хрипло вдохнул воздух и... вдруг превратился в юную девицу.

Губы девицы приоткрылись, и она шепнула сама себе грубым мужским голосом:

– Рута!

И сама же ответила – но голосом тонким, девичьим:

– Да, мой господин!

– Получилось ли?

– Да. Тяжело, но я справлюсь.

– Ты умная девочка.

Рута улыбнулась:

– Это ты умный. Я токмо рот раскрываю. А ты в него словеса вкладываешь.

– Не истаял ли перелиц?

Рута глянула на горошину.

– Не весь. Стаял на четвертинку.

– Это хорошо. Ты помнишь, что тебе нужно сделать?

– Да, мой господин. Я все помню.

– Не подходи к окнам до сумерек.

– Да.

– И не забудь главного – тебе нельзя умываться. Смоешь травяную мазь, и солнце тебя погубит...

Рута вздохнула:

– Да, мой господин. Я помню. Не волнуйся за меня. Пока ты со мной, я ничего не боюсь и все могу.

– Я верю в тебя, моя милая. Не подведи меня.

– Не подведу.

Рута набрала побольше воздуха, как перед прыжком в воду, и снова сунула перелиц под нижнюю губу.

6

Рута была дочерью теремной девки и «проезжего молодца». С двенадцати лет мать стала посылать ее на торжок – торговать с лотка баранками и сладкой снедью.

Руте на торжке нравилось. Рядом – веселые подружки, мимо прохаживаются молодцы. С иными из них девки игриво заговаривали и говорили такие вещи, от которых Рута краснела.

Вскоре, однако, краснеть она перестала. А иногда и сама вставляла словцо-другое. Весело было на торжке – что и говорить. Да только всему однажды приходит конец.

Так случилось и с жизнью Руты. Сперва у нее заболела мать. Заболела ни с того ни с сего – просто легла на кровать и сказала, что больше не встанет. В горнице осталась огромная корзина с ворохом господского нестираного белья. И Рута испугалась не столько за здоровье матери, сколько за это белье.

– А с бельем-то что? – спросила она тревожно.

– Пропади оно пропадом, – ответила мать, не поднимая головы с дырявой подушки, набитой перьями вперемешку с сухим мхом.

Рута пыталась уговорить мать, убедить ее, что надо встать и заняться бельем, но мать была непреклонна.

– Я больше не встану, – сказала она дочери, отвернувшись к стенке и не отвечая ни на какие вопросы.

Всю последующую ночь Рута терла белье у реки. Вокруг было темно и страшно, но на груди у Руты болтался оберег, подаренный бабкой, – он должен был защитить и от лесного зверя, и от плохого мужика, и от темной нечисти.

Защитил. Вернулась Рута под утро, уставшая до смерти, но с постиранным бельем. Посидела на лавке, погрызла сухарь с соленым огурцом, запила водой, а потом привела в порядок одежду, повесила на плечи деревянный лоток и отправилась на торжок.

Такая жизнь длилась почти две седмицы. Ночами Рута стирала белье, боясь потерять материны заказы, утром кормила мать и шла торговать на торжок. Вечером возвращалась, кормила мать и ложилась передохнуть. После двух-трех часов тревожного сна она снова подымалась и снова шла с корзиной к реке. И так каждый день.

К исходу второй седмицы Рута озлилась. Перевернула на пол корзину с бельем и крикнула матери:

– Пошто меня мучаешь?

– Я тебя не мучаю, – отозвалась с кровати мать.

– А как же белье?

– А ты его брось.

– Как это? – оторопела Рута.

– Брось, и все.

– А еству на что покупать?

– Не надо нам никакой ествы.

Лицо Руты вытянулось от изумления.

– Как не надо? Нешто можно жить без ествы?

– А зачем нам жить? – тихо спросила мать.

Рута подумала и ответила:

– Чтоб не помереть.

Мать усмехнулась грустно и тихим голосом спросила:

– А чего плохого в смерти-то?

Тогда Рута поняла, что мать сдурела.

– Мне один богомолец иноземный рассказал, – продолжила блажить мать. – Сказал, что есть на небе Господь Иисус. И что всем, кто в него верит, после смерти хорошо будет. Я в Иисуса поверила и теперь жду, когда он меня к рукам своим приберет.

Рута фыркнула:

– Дура ты, мамка. Зачем иноземному богу на тебя тратиться, когда у тебя свои есть?

– Иисус жалостлив, – возразила мать слабым, умильным голосом. – Он человеческую слезу издалека видит и сам той слезою умывается. Ни одна слезинка мимо него не пройдет – ни большая, ни малая. Так мне богомол сказывал.

Рута снова озлилась.

– И богомол твой дурак! – сердито выкрикнула она. – Сам-то небось окорока жрет да бражкой запивает!

– Странник он, – безразличным голосом возразила мать. – Питается лишь тем, что бог пошлет. Иной день, кроме росной травинки, ничего во рту не держит.

– Тем более дурак, – еще сердитей проговорила Рута. – Ты тоже так хочешь?

– Я тебе все сказала, – тихо проговорила мать. – Добавить боле нечего.

И она вновь отвернулась к стене.

Рута несколько мгновений тупо смотрела на тощую спину матери, затем повернулась и так же тупо уставилась на опрокинутую корзину с бельем.

«А что, если мать права? – думала Рута. – Что, ежели всех, кто в жизни настрадался, Иисус к себе забирает? Зачем же тогда так мучиться, зачем себя изводить? Опустить руки,

лечь на кровать и подождать, пока Иисус придет...»

Нет!

Рута трянула русоволосой головой. Чепуха это! Коли б так было, на земле давно бы ни единого человечка не осталось. Все бы по кроватям разлеглись да стали бы спокойно смерти дожидаться.

Рута повернулась к матери и сердито сказала:

– Ну и лежи! А я помирать не собираюсь! И тебя, когда помрешь, хоронить не стану! Попрошу соседских мужиков в овраг тебя кинуть!

– Кидай, – равнодушно откликнулась мать. – Мне все едино.

И Рута продолжила тянуть свое ярмо. Правда, решила теперь брать на стирку поменьше белья. Какой от работы прок, коли она убивает?

После разговора с матерью прошло три дня. И вот Рута снова на торжке. Стоит себе с подружками как ни в чем не бывало, семечки лузгает да прохожих зазывает.

И вдруг беседа стихла, и все девки повернули головы в одну сторону. Рута тоже посмотрела. По торжку шли три витязя. Двое пожилые, а один молодой. Все трое – дружинники, но одеты не по-хлынски. И панцири другие, и мечи. Те, что пожилые, оба рослые и крепкие, как дубки. А молодой – тот еще выше. Сам стройный, статный. Белокурые локоны выются, словно у девки, синие глаза блестят, а на щеках – алый румянец.

– Какой красавчик, – с придыханием проговорила одна из девок-лоточниц.

– Да уж, под такого кобелька любая сучка ляжет, – согласилась с ней другая.

– И я бы легла, – заметила третья. – Только бы позвал.

Девки засмеялись. Рута тоже улыбнулась, продолжая разглядывать белокурого парня.

– А кто они? – спросила она подружек.

– Свечи, – ответила самая знающая. – Из варяжских земель.

– Из варяжских?

– Угу. Смотри-ка, пожилые прошли, а этот к нам идет! Ну, девки, готовься! – Она срамным жестом поправила юбку и снова захихикала.

Парень, отстав от своих спутников, шагал к лоточницам. Все ближе и ближе. И вот он остановился перед Рутой. Девки что-то говорили, но Рута их не слушала и не слышала. Она во все глаза таращилась на молодого воина.

А он улыбнулся Руте и сказал:

– Дай мне баранку, красавица!

– Чегось? Ба... баранку?

Девки засмеялись, а Рута, покраснев, сорвала с вязанки самую большую баранку и протянула ее ратнику:

– Бери!

Парень взял баранку и надкусил ее.

– Вкусная, – похвалил он. – А плату за баранку возьмешь или ты их даром прохожим раздаешь?

– Не раздаю. – Рута смутилась. – И плату возьму.

– Сколько?

Рута назвала цену. Парень расплатился, но от Руты и ее лотка не отошел. Стоял, жевал баранку и смотрел на нее своими синими глазами с длинными ресницами.

Подружки зашушукались и захихикали, и Рута внезапно рассердилась. Чего ради ей смущаться да стыдиться? Подумаешь, парень. Мало, что ли, их вокруг кобелится?

Подбодрив себя такими мыслями, Рута осмелела и спросила:

– А ты правда своей?

Парень чуть прищурил глаза и ответил спокойно:

– Правда. Меня зовут Гудред. А тебя как?

– Рутую, – ответила Рута и снова смутилась. – Откуда ты так хорошо знаешь наш язык, Гудред?

Парень улыбнулся.

– Я до десяти лет рос в семье ильменских словен. Потом меня разыскал отец и забрал к себе.

– Вот оно что. А кто твой отец?

– Тоже своей. Воин хольмгардского конунга.

– Вот оно что.

Подружки рядом снова зашептались и захихикали. Рута покраснела и опустила глаза, но Гудред, похоже, не обращал на их ужимки никакого внимания.

– Я тоже служил у хольмгардского конунга, – сказал он. – А теперь пришел в ваше королевство наниматься на службу к конунгу Егре. Хочу, чтобы он взял меня в свой хирд.

– Вот оно что, – снова глупо пробормотала Рута, не смея поднять на парня глаз.

У нее отчего-то перехватило дыхание, а сердце забилось быстро, как пойманная в силки птичка. Рута сделала над собой усилие и взглянула Гудреду в лицо.

– Ты отстанешь от своих спутников, – проговорила она.

Парень беззаботно улыбнулся.

– Сигурд и Харальд пошли в кружало. Я рассказал им, что русы готовят вкусный мед и хмельной сбитень, вот они и решили попробовать.

– Смотри, как бы не перепробовали. Мед – питье опасное. Пока пьешь, голова ясная. А как встанешь, так и глаза пеленой заволочет, и ноги путаться станут.

Гудред улыбнулся, блеснув полоской белоснежных зубов:

– А ты откуда знаешь? Мала ведь, чтобы пробовать.

– Да уж знаю.

Они помолчали. Первым молчание нарушил Гудред.

– Нравишься ты мне, – сказал он. – Очень нравишься.

– Я многим нравлюсь, – ответила Рута.

– А я тебе нравлюсь? Ведь нравлюсь, да?

Рута усмехнулась, но улыбка получилась какой-то стыдливой, растерянной.

– С чего ты взял?

– Вижу. Когда девке кто-то нравится, у нее на лбу значок появляется – навроде махонького колечка.

Рута испуганно схватилась за лоб. Гудред засмеялся. Засмеялась и Рута.

– Поймал! – сказала она весело.

– Значит, вправду нравлюсь! Дай мне твою руку, Рута.

– Зачем?

– Судьбу тебе расскажу. Мой отец был ведун. Я от него немного перенял. Дай.

Рута покосилась на хихикающих подружек и неуверенно протянула парню руку.

От его прикосновения по коже Руты прошли две волны, сначала холодная, а потом жаркая. Гудред глянул на ее ладонь и сказал:

– Ждет тебя впереди большая любовь, Рута. Ежели не испугаешься, обретешь молодого и красивого мужа.

Рута смущенно улыбнулась.

– Молодой да красивый, говоришь? А будет у молодца тугой кошель?

Гудред улыбнулся:

– И в кошеле кой-чего найдется.

– И кто же будет сей молодец? Я его знаю?

– Скоро узнаешь.

Он сжал ее ладонь в своей руке, чуть нагнулся и тихо проговорил:

– Знаешь разбитую молнией осину возле двора Дулея Кривого?

Рута глянула на него удивленно:

– Ну, знаю.

– Приходи туда сегодня, как стемнеет.

– Зачем?

– Зачем? – Гудред усмехнулся. – Пирожки будем печь.
Рута покраснела.
– Рано мне еще, – сказала она и быстро глянула молодцу в лицо – не смеется ли? – Рано с молодцами затемно разгуливать.
Гудред приподнял брови.
– Мамка, что ли, запрещает?
Рута нахмурилась. Помолчала немного, потом призналась:
– Хворает моя мамка. Третью седмицу с постели не встает. Думаю, помрет скоро.
Гудред осторожно и бережно взял Руту за подбородок и приподнял ее лицо.
– Не кручинься, – мягко проговорил он. – Все мамки помирают. Моя вон тоже умерла. Давно. – Гудред горько усмехнулся. – А твоя еще может долго прожить.
Рута высвободила подбородок и вздохнула.
– Лекарские снадобья покупать надо. Но платить за них нечем.
– Нечем платить? Так я тебе дам!
– Дашь? – не поверила ушам Рута.
– Дам. – Гудред прищурил синие глаза. – Коли к разбитой осине придешь, то точно дам. Запомни – сегодня, как стемнеет, у двора Дулея Кривого. Не придешь – в другой раз не приглашу.
Рута поджала губы. Слова Гудреда показались ей дерзкими. Однако глаза его смотрели мягко и ласково, и Рута не смогла долго сердиться.
– Тебе пора, – сказала она. – Догоняй своих спутников.
– Я буду ждать!
Гудред быстро схватил ее руку, прижал на мгновение к своим губам, затем выпустил, повернулся и зашагал прочь с торжка.
Девки-торговки засмеялись ему вслед, но он не обратил на них никакого внимания.
Рута с нетерпением дожидалась вечера. Как только Гудред сказал, что поможет купить для матери лекарство, она сразу для себя решила – пойдет под разбитую осину, а дальше будь что будет.
Как только стемнело, Рута была у постоянного двора Дулея Кривого. Гудред уже поджидал ее в темноте. Завидев Руту, он шагнул ей навстречу и улыбнулся:
– Ты пришла!
Потом взял ее за руки, притянул к себе и поцеловал в губы. Рута застыдилась и хотела отвернуться, но Гудред удержал ее лицо и сказал:
– Ты очень красивая, Рута. Скажи, люб ли я тебе?
Рута взглянула ему в глаза. Страх вдруг покинул ее, и она с улыбкой проговорила:
– Люб. Ты мне люб, Гудред.
Он сжал ее пальцы в своих и сказал:
– Я живу у Дулея. Идем ко мне.
Рута внезапно снова забоялась.
– Обожди... – сказала она.
– Чего ждать-то? – нетерпеливо спросил Гудред.
Рута боязливо повела плечами.
– Я еще никогда не была с мужиком, – сказала она. – Боюсь, что ты меня обидишь.
– Я? – Гудред улыбнулся. – Я скорее расшибу себе лоб камнем, чем обижу тебя! Идем же!
И он потянул ее за руку к постоянному двору. Они прошли несколько шагов, и Рута снова остановилась.
– Постой, Гудред. Я тут неподалеку живу. Идем ко мне.
Он посмотрел на нее с сомнением.
– У тебя же дома мамка.
Рута смущенно улыбнулась. Девке неподобало приглашать парней в дом, но она ничего не могла с собой поделать.

– А мы в амбаре, – дрогнувшим голосом проговорила она. – Там у меня лежанка. Когда с мамкой ссорились, я всегда в амбар убегала.

Гудред согласно кивнул:

– Хорошо. Идем к тебе. Куда идти?

– Прямо по этой тропке.

И Рута первая зашагала к дому.

Уже возле дома Руту опять одолели сомнения. Гудред был ей люб, и его обещание купить матери лекарское снадобье должно было избавить ее от последних сомнений. Но что-то в ней протестовало против этой встречи. Какие-то неприятные предчувствия томили ее неопытную душу.

Перед домом Рута остановилась и сказала:

– Обожди.

– Что еще? – вскинул брови Гудред.

Рута посмотрела на него жалобным взглядом и спросила:

– А что будет потом?

– Когда?

– После... всего. Ты точно дашь мне денег на снадобья?

– Дам. Обещал ведь, значит, дам! Где ваш амбар?

– Вот он, – кивнула Рута подбородком на темную постройку с обвалившейся крышей.

– Так чего же мы встали? Идем скорее!

Гудред порывисто схватил ее за руку и потащил к амбару. На этот раз Рута не нашла в себе сил сопротивляться.

В амбаре Гудред сам увидел лежанку из сена и тряпья. Подвел к ней Руту и помог ей сесть. Сам сел рядом и тут же, без промедлений, принялся целовать ее – в губы, в глаза, в шею. Движения его были пылкими, но мягкими, он весь дорожал от нетерпения.

Рута тоже задрожала – от страха и возбуждения. Гудред положил ее спиной на лежанку и сунул руку под юбку. Руту передернуло.

Она, сама не понимая, что делает, оттолкнула юношу и взволнованно произнесла:

– Нет, я не могу. – Села на лежанке и виновато добавила: – Прости.

Гудред смотрел на Руту ошеломленно.

– Как это не можешь? – хрипло спросил он. – Ты ведь сама меня сюда привела. А теперь гонишь прочь?

Он снова попытался задрать Руте юбку, но она оттолкнула его:

– Нет, сказала!

– Так дела не делаются! – рассердился Гудред, схватил ее за волосы и хотел поцеловать, но Рута вырвалась и гневно крикнула:

– Поди прочь, свей!

Губы парня задрожали.

– Ах ты...

Прежняя мягкость ушла из глаз Гудреда, и теперь на Руту смотрело злое лицо воина-победителя, которому отказались платить дань. Он вдруг размахнулся и ударил Руту по лицу. Она опрокинулась на спину и хотела снова вскочить, но он не дал, схватил ее за плечи и прижал лопатками к лежанке.

– Лучше не противься, – грозно прорычал Гудред. – Хуже будет.

– Пусти... – хрипло выдохнула Рута. – Пусти, прошу...

Навалившись на Руту всем телом, свей задрал ей юбку до живота и спустил с чресел свои штаны. Почувствовав его возбужденное, горячее тело, Рута заплакала.

– Пожа... луйста, – ревели она. – Не обижай...

Гудред уже не слушал. Он рывком раздвинул Руте ноги и грубо вошел в нее. Рута забилась и закричала.

– Тихо... – хрипло проговорил Гудред, не останавливая пакостных движений, и накрыл ей рот широкой ладонью. – Тихо...

Кончив дело, он отвалился от Руты, лег спиной на сено и блаженно перевел дух.
– Ну, вот и все, – сказал он легким, беззаботным голосом. – Видишь, ничего страшного не случилось. А ты боялась.

Рута не отозвалась. «Обиделась», – подумал Гудред. И ему вдруг стало неловко.

– Эй, Рута, – тихо позвал парень. – Я не хотел так грубо. Само получилось.

Рута молчала. Гудред нахмурился.

– Рута, – снова позвал он. – Эй, Рута.

Девка опять не откликнулась.

– Рута! – рассердился Гудред. Он привстал, схватил девку за плечи и встряхнул ее: – Рута!

Широко открытые глаза Руты неподвижно смотрели в потолок. Рот Гудреда открылся от удивления. Вдруг, догадавшись о том, что произошло, он быстро прижал ухо к груди девки и прислушался. Сердце ее не билось.

– О боги! – воскликнул Гудред.

Он снова взглянул в лицо Руты, погладил ладонью по теплой еще щеке и прошептал:

– Я не хотел. Прости меня.

Но Рута не ответила. Она была уже не здесь. Гудред поднялся на ноги и взъерошил волосы руками.

– Что ж теперь делать? – пробормотал он.

За спиной у него скрипнула дверь. Гудред быстро обернулся. В дверях стояла пожилая, иссохшая чуть ли не до костей баба. Застывшими глазами смотрела она на труп Руты.

«Мать!» – понял Гудред. Морщинистые губы бабы разлепились, и она пробормотала:

– Это что же?

– Я...

«Я не нарочно!» – хотел сказать Гудред, но понял, как глупо это прозвучит, и замолчал.

Баба медленно подняла на него взгляд.

– Это ты ее... – Она не договорила и снова перевела взгляд на девушку: – Доченька... Доченька моя...

Вдруг баба обернулась к двери и крикнула в голос:

– Люди!

Гудред вздрогнул.

– Люди добрые! – заголосила мать Руты. – Это что ж такое де...

Молодой воин больше не медлил. Выхватив из ножен меч, он шагнул к бабе и наотмашь рубанул ее клинком по голове. Баба упала на пол и затихла.

Гудред стоял с окровавленным мечом в руках и затравленным взглядом смотрел на тела женщин – молодой и старой.

– Дуры, – хрипло выговорил он. – Заманили... Это все из-за вас!

Но стоять так до бесконечности своей не мог. Пора было что-то предпринять, чтобы обезопасить себя.

Больше всего Гудреду хотелось убежать из амбара, но он понимал, что прежде нужно избавиться от тел. Рута и ее мать жили одиноко, и их не скоро хватятся. Главное – замести следы.

И Гудред, не медля, принялся за дело.

Начал он с тела Руты. Взмахнув девушку на плечо, Гудред вышел из амбара и, благодаря богов за безлунную ночь, быстро зашагал к городской стене.

Мимо ночного дозора удалось пройти незамеченным. Дозорные дремали на лавках и на траве, сжимая в руках бердыши.

Гудред выскользнул за городскую стену и направился к лесу. Тело Руты почти ничего не весило, и идти ему было легко.

Через полчаса он сбросил Руту с плеча и положил ее на землю. Хотел попросить прощения, но не стал. Глупо. Насобирав веток, он наскоро забросал ими тело девки, не замечая, что из кустов за ним наблюдают две пары голодных, горящих безумным блеском

глаз.

Запах железного меча не позволил упырям наброситься сразу. А когда они, наконец, решились, Гудред уже быстро шагал по тропке к городу. Преследовать его упыри не стали. Они удовольствовались более легкой добычей – худеньким телом молодой девки с еще теплой, неостывшей кровью.

Гудред тем временем вернулся в амбар и взвалил на плечо тело матери Руты. Это тело он до леса не донес – умаялся. Дошел до оврага и швырнул на дно, где на труп тут же набросились бродячие псы.

Дело было сделано. Отерев рукавом потное лицо, Гудред, не отдыхая, зашагал к кружалу.

В кружале он уселся за стол к Сигурду и Харальду.

– Ну, как погулял? – спросил его по-своейски Сигурд.

– Хорошо, – ответил Гудред и взял кружку с хмельным сбитнем.

Кружку он опустошил в несколько глотков. Сигурд и Харальд переглянулись.

– Вижу, ночка была жаркая, – сказал Сигурд.

Гудред ничего не ответил. Он подозвал к себе целовальника и заказал большой кувшин браги и баранью лопатку. Пережитое пробудило в нем дикий голод.

7

Мужской облик не позволял Руте расслабиться. Она все время боялась ошибиться и сделать что-нибудь не так.

Девки-лоточницы, торговавшие на торжке, принялись игриво подмигивать ей, польстившись на дорогой кафтан, молодцеватую осанку да худое мужское лицо, морщины которого были незаметны издали.

Рута едва не прыснула от смеха, но сдержалась. Князьему советнику, дворовому боярину Велигору не пристало хихикать и перемигиваться с лоточницами.

Рута придала своему мужскому лицу озабоченное выражение и пошла дальше.

Вот, наконец, и лавка тетки Яронеги. Велигор остановился возле прилавка, взглянул суровым взглядом на толстуху, закутанную в цветастый платок, и спросил:

– Ты Яронега-торговка?

– Я, господин, – отозвалась толстуха. – Чего изволишь?

– Хочу кое-что у тебя купить.

Тетка улыбнулась:

– Покупай – продам. А чего надобно-то?

Рута быстро огляделась, не стоит ли кто рядом, потом нагнулась к прилавку и тихо сказала:

– Зелье мне нужно, Яронега.

– У меня всякого зелья в достатке. Тебе какого надо?

– Такого, после которого засыпают и больше не просыпаются.

На лице Яронеги появился испуг. Она махнула рукой и пробормотала:

– Сварог с тобой, боярин. Нешто я таким страшным зельем торгую?

Велигор прозорливо и жестко прищурился.

– Торгуешь, я знаю, – сказал он. – О прошлую зиму продала девчонке Руте ползолотника крысиного яду.

Глаза Яронеги забежали.

– Так то для крыс, – испуганно проговорила она.

– А я, по-твоему, для кого беру?

Торговка покраснела, потом побледнела. Глядя на метаморфозы, происходившие с ее толстым лицом, Велигор засмеялся.

– Ишь как испугалась! Не бойсь, ведунья, не для крыс. На рысь охотиться пойду. В приманку ей зелья насыплю, чтобы шкуру не попортить.

На круглом лице тетки Яронеги отобразилось облегчение.

– Прости меня, господин. Я сразу не сообразила.

Велигор усмехнулся:

– Бывает. Так найдется зелье-то?

– Любое, какое только пожелаешь, господин.

Толстуха повернулась к полкам и торопливо заперебирала кувшинчики и крынки с настоями и отварами. Наконец нашла нужный кувшинчик и поставила его на деревянный прилавок.

– Вот, боярин, держи. То, что тебе нужно.

Велигор глянул на крохотный кувшинчик и нахмурился:

– Так мало? Рысь-то будет с теленка весом.

– Тут и на двух рысей хватит, – заверила его Яронега. – Разбавь с водой и ороси приманку.

– И как быстро подействует?

– Одной минуты хватит.

Велигор качнул бородой:

– Хорошо. В другой раз буду ходить только к тебе. Расторопная ты баба, Яронега.

Толстуха расцвела.

– А я всегда готова угодить господину моему боярину, – подобострастно проговорила она и, поправив платок, посмотрела на покупателя лукавым взглядом, явно говорившем о том, что в своем желании продавать и угождать Яронега готова зайти очень далеко.

Рута усмехнулась: даже толстуха Яронега пытается ее соблазнить. Вольготно, должно быть, живется сановитым мужикам, ежели со всех сторон их ждет такой радушный прием.

Рута сунула кувшинчик с ядом в карман и повернулась, чтоб идти. Солнечный свет жег кожу даже сквозь травяную мазь, которую смешал для Руты ее повелитель Лагин.

– Эй, господин! – окликнула торговка. – А платить-то кто будет?

– Я к тебе холопа пришлю, – небрежно обронила через плечо Рута. – Обижена не останешься.

Торговка неуверенно нахмурилась:

– Ну, коли так...

Рута уже шагала размашистыми мужскими шагами.

«Все-таки до чего ладно скроены мужики, – думала она. – И ростом на полголовы выше, и руками сильнее. И на пузо после ночного баловства с тревогой смотреть не надо. И ежемесячной беды с ними не случается. Живи да радуйся. Вот только в штанах мешает, так ведь это с непривычки».

Рута усмехнулась, но тут же прогнала улыбку с губ. Лоточницы с торжка вновь принялись строить ей глазки, а некоторые до того обнаглели, что стали подманивать непристойными жестами. Срамота, да и только.

Рута отвернулась, насупила брови и бодро зашагала дальше. Проехавшая мимо телега, запряженная тощей лошадей, подняла пыль. В ноздрах у Руты защекотало, и она чихнула. Перелиц вылетел изо рта и упал в пыль.

Рута выругалась, быстро присела и стала шарить в пыли рукой, стараясь разглядеть или нащупать темную горошинку перелица. Увлечшись этим делом, она не заметила, как из-за угла вышел маленький мальчик. Остановившись, он внимательно посмотрел на Руту и вдруг сказал:

– Дядя, чего это ты?

Рута подняла голову и прищурилась на пострела. Взгляд у мальчишки стал испуганным, словно он увидел призрака.

– Чего это, дя... тетя?! – выдохнул малец, бледнея.

Рута оглянулась по сторонам и сердито крикнула:

– Не смотри на меня!

Губы мальчишки задрожали. Он повернулся и бросился прочь, завопив:

– Ма!..

Рута подпрыгнула к малышу и зажала ему ладонью рот. Он задергался, пытаясь вырваться, тогда Рута обхватила его одной рукой за шею, а другой, сжимающей рот мальчишки, дернула его голову резко вбок. В шее у малыша хрустнуло, и он обмяк.

Рута разжала руки. Мальчишка упал в пыль.

Рута быстро оглядела землю и увидела перелиц. Он лежал в пыли, в двух шагах от носка ее сапога. Рута быстро подняла горошинку, сдула с нее пыль и запихнула под нижнюю губу.

Тело ее дернуло боль, словно в него вонзились крючья и стали раздирать кожу и мясо на куски. Рута застонала и зажмурила глаза. Через несколько мгновений боль ушла.

Рута открыла глаза и ощупала лицо – грубая кожа, борода. Она снова была Велигором.

Облегченно вздохнув, Рута глянула вокруг – нет ли рядом людей. Улица была безлюдна. Ни мужиков, ни баб, только мертвый мальчик на земле.

Взглянув на него, Рута нахмурилась. Жалко малыша. Хотя бы выпила кровь, так ведь зазря сгинул. Ни капелькой крови не полакомилась. Обидно. В другой раз нужно быть осторожнее.

Рута вздохнула, быстро зашла за угол и зашагала дальше.

Возле лавки торговца оружием ее окликнул чей-то знакомый молодой голос:

– Здравствуй, боярин Велигор!

Рута обернулась и оцепенела. Прямо перед ней стоял дружинник Гудред. Он был все так же красив и свеж – волосы белокурые, улыбка блистающая, стан тонкий, плечи широкие, а на щеках девичий румянец.

– Здравствуй, ратник Гудред, – выдавила из себя Рута. – Что ты здесь делаешь?

Гудред улыбнулся:

– Да вот, решил купить ножик. Мой сломался.

Рута вгляделась в лицо молодого воина, надеясь отыскать на нем следы, оставленные душевными терзаниями и бессонными ночами. Но ничего такого она не увидела.

В душе Руты поднялись обида и злость. Она вспомнила, как Гудред насиловал ее, вспомнила, какой ужас она испытала, когда он заткнул ей рот и нос, и когда она поняла, что задыхается.

Вспомнила его похабную улыбку – последнее, что она увидела перед тем, как умереть. Сердце Руты облилось черной горечью, и неожиданно для себя она сказала:

– Зачем покупать, коли можно получить задаром?

– Как это? – не понял юноша.

– У меня дома есть отличный нож. На рукояти – серебряный оклад, сам клинок – из хуралуга с белым железом. Могу подарить, если хочешь.

В глазах юноши загорелся алчный огонек. Хороший нож стоил дорого, и в лавке Гудреду пришлось бы выложить за него едва ли не четверть месячного жалованья.

– Я возьму, – сказал он поспешно. Опомнился и добавил: – Но возьми и ты что-нибудь взамен.

Рута прищурилась.

– А что у тебя есть, ратник?

Гудред растерянно повел плечами.

– Даже не знаю, что тебе предложить...

– Ладно, – небрежно проговорила Рута. – Коли захочешь, так рассчитаешься опосля. А пока пошли за мной, спешу я.

Гудред двинулся с места, но остановился. Что-то в тоне и в лице советника ему не понравилось.

– Ну? – окликнул Велигор. – Идешь или нет? В другой раз предлагать не стану.

Искушение получить в подарок богатый нож пересилило осторожность, и Гудред зашагал за советником. Несколько шагов они шли молча. Рута не смотрела на парня, ей было противно, что он все такой же красивый и свежий. Яркие голубые глаза, румянец на щеках –

сама жизнь! Он пил брагу и ел блины с тешкой, пока Рута грызла кости в зловонных канавах, отгоняя от них бродячих псов.

– Боярин, – тихо окликнул Гудред. – А зачем же ты мне его даришь?

– Чего? – не поняла Рута.

– Да ножик этот. Зачем ты мне его даришь?

– Тебе он нужнее, чем мне, – ответила Рута. – Ты ведь воин. А жалованье у вас нынче небогатое.

– Подарок твой столь щедр, что мне его неловко принимать, – смущенно проговорил Гудред.

– Ничего, примешь. – Рута усмехнулась. – Как знать: может, замахнется на меня враг мечом, а ты его этим ножиком насмерть поразишь. Хочешь получить добро – дай сам.

– Верно говоришь, боярин, – поразился парень мудрости и щедрости советника Велигора.

По пути к дому Велигора Гудред все больше молчал. Видно было, что ему неловко. Он вдруг стал подозрительно коситься на советника и хмурить брови.

Наконец они пришли.

– Богатый у тебя дом, советник Велигор, – сказал Гудред, задрав голову и разглядывая хоромы. – Вот бы и мне такой.

– Входи в дом, – велел советник.

Он распахнул дверь и посторонился, давая парню войти.

Затем провел восторженно озирающегося по сторонам воина в горницу.

– И горница богатая, – восхитился Гудред. – А... – Он вдруг осекся и принюхался. – А чем это у тебя здесь пахнет, Велигор? Прокисло что-то?

– Прокисло, прокисло. Ты проходи в горницу-то.

Только сейчас Гудред обратил внимание на то, что занавеси на окнах плотно задернуты.

– А почему окна завешаны? – спросил он недоуменно.

– Так надо, – ответил Велигор.

Гудред подозрительно озибался по сторонам. Видно было, что ему не по душе в покоях Велигора и что он с удовольствием ушел бы отсюда, но алчность по-прежнему брала свое.

– Где же твой ножик, боярин? – спросил Гудред.

– Ножик? – Велигор улыбнулся странной улыбкой. – А он в шкафу. Вон, видишь, у стены? Пойди и открой. Там дверца вельми тугая, а у меня рука болит.

Гудред нахмурился, но ничего не сказал. К шкафу он шел осторожно и как бы невзначай положил пальцы на рукоять меча. Подошел, остановился, втянул ноздрями воздух и поморщился. Воняло в покоях Велигора, как в грязном нужнике.

– Чего думаешь? – услышал Гудред негромкий голос советника. – Открывай!

Воин взялся рукой за дверцу большого дубового шкафа и потянул ее на себя. Дверца распахнулась. Гудред испуганно попятился назад.

Внутри шкафа, ухваченные железными крючьями за голые бока, висели жена и теща Велигора. Бабы уже начали разлагаться, и от них шел смрад.

Гудред резко повернулся, выхватывая из ножен меч, и в этот миг острый кинжал вонзился ему в бок. Веки Гудреда дрогнули, а глаза выкатились из орбит. Прямо перед ним, глядя Гудреду в лицо спокойными холодными глазами, стояла девка Рута.

Ратник оттолкнул Руту, в ужасе выбежал из горницы и, пошатываясь, побежал по коридору. Вот и дверь. Он схватился за ручку и дернул ее на себя. Однако вместо большого освещенного солнцем двора Гудред увидел перед собой всю ту же горницу со страшным шкафом, в котором висели мертвые бабы.

– Гудред! – позвал его вкрадчивый голос Руты.

Ратник повернулся и снова побежал по коридору. Снова дернул на себя ручку двери и снова в ужасе отшатнулся, увидев перед собой ту же горницу и тот же шкаф, в котором белели бабы тела.

Еще несколько раз Гудред пробежал по коридору, но какую бы дверь он ни открывал – везде видел перед собой темную горницу со страшным шкафом.

Наконец Гудред выдохся. Навалился спиной на стену, глянул на приближающуюся Руту и жалобно попросил:

– Позови лекаря... Позови, прошу...

Рута остановилась и покачала головой:

– Нет. Лекарь уже не поможет. Ты умираешь, Гудред.

Красивое лицо молодого воина страдальчески сморщилось.

– Позови... – умоляющим голосом попросил он. – Пожалуйста, Рута... Кровью изойду...

– Изойдешь, – подтвердила Рута. Она подошла к нему вплотную и холодно проговорила: – Не свезло тебе, ратник. Ты насильничал не ту девку.

С этими словами Рута выдернула из бока Гудреда кинжал, размахнулась и изо всех сил вбила его ратнику в горло, пригвоздив парня к темной, небеленой стене.

8

Темно и холодно было в избушке ведьмы Мамелфы. Здесь всегда царила темнота, даже в самый яркий и жгучий полдень. Маленькое окошко над дверью только выносило из избы ядовитый дым.

В печи вечно стояло колдовское варево, но голубоватый огонь, пылающий в ее черном, прокопченном зеве, не приносил тепла.

Мамелфа склонилась над кадкой с черной водой.

Если бы Громол, Лагин или Глеб увидели ее сейчас, они бы ее не узнали. Лицо ведьмы – морщинистое, темное – было лицом глубокой старухи. Глубоко запавшие глаза пылали лютым огнем. Огромный нос и острый длинный подбородок покрывали жесткие волосы. Седые, редкие пакли свисали по бокам морщинистой головы, как сухая, пыльная трава.

Ведьма медленно выставила вперед пальцы и, вытаращив на кадку с водой пылающие глаза, проговорила глухим, скрипучим и хриплым голосом:

– Заклинаю тебя, гниль-вода, бешеным шакалом, дурман-травой, болиголовом и волчьим корнем...

Вода в кадке забурлила.

– Рутой, кровью и травой тирлич, – продолжила каркать ведьма, – гнилым яйцом и мертвой плотью – заклинаю...

Вода забурлила еще сильнее.

– Покажи мне, гниль-вода! Покажи все! Зара! Авда! Ирта!

Бурление прекратилось, и на колеблющейся поверхности кадки появилось лицо Руты. Лицо это задергалось, исказилось судорогой и вдруг начало преображаться. Прошло несколько мгновений, и на месте Руты появился советник Велигор.

Старуха сжала костлявые кулаки и, потрясая ими в воздухе, с ненавистью проговорила:

– Глупый стригой! Доверить такое дело неразумной девке!

Морщинистое, темное лицо ведьмы исказилось от гнева. Мамелфа протянула руку к полке и взяла горшок с живым сердцем Лагина. Другой рукой она подняла со стола кривой, изъеденный ржавчиной нож. Стоило ведьме крепче обхватить пальцами рукоять ножа, как ржавчина слетела с него, и клинок замерцал чистым, голубоватым светом.

Мамелфа скovitнула крышку горшка и занесла над ним нож. Однако старуха медлила. Вампир мог еще пригодиться. Он был силен, безжалостен и упорен – как раз то, что нужно для дела.

Задумчиво морща сухой лоб, Мамелфа обернулась и глянула на кадку. На поверхности воды она вновь увидела лицо Лагина. Он что-то говорил, и губы его беззвучно шевелились. Мамелфа наострила уши и услышала:

– Бычеголов обещал мне княжий трон. Я иду с вами ради этого.

– Зачем тебе трон? – услышала Мамелфа второй голос.
В черном круге воды появилось лицо нелюдя Ворона.
– Хочу править людской толпой! – просто ответил Лагин. – Я создам свое войнство, и это будет самое сильное войнство в мире!
– Ты говоришь о войнстве упырей? – не поверил своим ушам Ворон.
По лицу Лагина пробежала тень.
– Не называй их упырями, – сухо проговорил он. – Это будут сильные и неуязвимые воины!
Морщинистые губы Мамелфы скривились.
– Глупец, – презрительно выдохнула она. – Ты не заслуживаешь даже смерти.
Помедлив еще мгновение, она убрала нож от горшка и положила его на стол. Нож тут же покрылся ржавчиной.
Мамелфа снова простерла над кадкой длинные костлявые пальцы.
– Болотной водой и гнилым духом... даю тебе силы... Добудь мне мое, стригой! Добудь мне мое! Черичан! Подон! Левурда!
Лицо Лагина в черном круге воды дрогнуло, он хрипло и тяжело задышал, а затем уставился на Ворона налитыми кровью глазами.
– Ты что? – удивленно спросил нелюдь.
– Как будто ледяным ветром пахнуло, – глухо ответил Лагин. – Что-то мне голодно, Ворон... Голодно... Так голодно, что аж знобит.
– Так пойди и поймай себе какую-нибудь птаху.
– Птаху? – Лагин усмехнулся, и во рту его блеснули острые клыки.
Он молниеносно вскинул руку, схватил Ворона за шею и притянул к себе. Ворон захрипел и попытался оторвать холодные пальцы стригоя от своей шеи. Однако хватка у мертвеца была железной.
Лагин открыл рот и занес клыки над шеей нелюдя. Но в это время за спиной у него хрустнул сук. Лагин мигом сомкнул пасть и обернулся.
– Диона! – выдохнул он.
Старуха отпрянула от кадки, но тут же скрипнула зубами и вновь склонилась над черным кругом воды.
– Проклятая девчонка... – с ненавистью пробормотала она.
Диона в черном круге воды резко проговорила:
– Лагин, что ты делаешь?
Ученый муж разжал пальцы и выпустил Ворона.
– Мы немного повздорили, милая. Но все уже в прошлом. Верно, Ворон?
– Верно, – хрипло проговорил нелюдь и закашлялся.
– Ну, не буду вам мешать.
Лагин повернулся, чтобы идти прочь, но Диона преградила ему дорогу. Несколько мгновений нежить и нелюдь смотрели друг другу в глаза, потом Диона угрожающе проговорила:
– Слишком резво шагаешь, упырь. Не обломал бы ног.
– О моих ногах не заботься, а за своими приглядывай, – отчеканил стригой. – Красивые ноги быстрее ломаются.
Лагин обошел Диону и двинулся дальше.
Подождав, пока он отойдет, Диона спросила:
– Ворон, чего он от тебя хотел?
– Ничего. – Ворон поморщился от боли в шее и сплюнул кровь. – Просто проголодался.
Губы Дионы зашевелились, но Мамелфа уже не слышала слов. Лица Дионы и Ворона стали блекнуть, выцветать и вскоре исчезли с поверхности воды.
Ведьма яростно зарычала, а затем повернулась и глянула на ворох черного тряпья, валявшийся в углу. Облизнула морщинистые губы узким языком и тихонько позвала:
– Черныш!

Тотчас куча тряпья превратилась в лежащего на полу большого черного лохматого пса. Пес поднялся с пола и неторопливо приблизился к столу. Колдунья протянула руку, и он лизнул ей ладонь.

Мамелфа засмеялась отвратительным хрюкающим смехом и потрепала пса по холке костлявыми пальцами. Потом резко оборвала смех и злобно проговорила:

– Найди Диону. А как найдешь – сделай то, что должен.

Пес кивнул большой головой, повернулся и затрусил к двери. Добежав, он ткнулся носом в темные доски, и дверь со скрипом распахнулась. Пес выбежал из дома и растворился в темноте.

Глава пятая

1

Воинство Бычеголова отдыхало. За последние дни, благодаря дару Дионы, оно сильно разрослось. К нелюдям присоединилась большая стая оборотней.

По сигналу Бычеголова готов был выступить нойон Бекет со своими узкоглазыми, не знающими страха и усталости всадниками.

С другой стороны леса обещал прийти на помощь Бычеголову предводитель лесных вогулов Эрак, а с ним, помимо двух сотен вогулов, еще сотня мокшей и эрзей.

Гиблая чащоба пришла в движение. Нечисть, нелюди и лесные жители сбивались в одну огромную стаю, чтобы наказать людей, напасть на них, вырезать мужчин и детей и угнать в Кишень их самых красивых и самых здоровых женщин.

Были в Гиблом месте дремучие леса, в которые не совались даже упыри с волколаками. В этих лесах обитали древние духи дрояны. Иногда они выходили из заповедных дебрей, чтобы поохотиться, и губили всех, кто попадался им на пути, – людей, нелюдей, упырей, оборотней, волколаков – всех.

«Вот если бы заставить дроянов выступить вместе с нелюдями против людей!» – думал вождь Бычеголов. Победа была бы обеспечена. Но никто не решится пойти в Гиблые дебри, чтобы заключить союз с дроянами. Да и как их найти, если они невидимы?

Нет, договориться с дроянами не удастся. А жаль.

Бычеголов вздохнул и громко окликнул:

– Шакал!

Занавесь откинулась, и в шатер вошел Шакал:

– Да, вождь?

– Найди Ворона и скажи ему, что я его зову. Сам останься у костра.

– Хорошо.

Шакал повернулся и выскользнул из шатра.

Спустя минуту в шатер вошел долговязый, мрачный Ворон. Вошел в шатер и пытливо взглянул на Бычеголова.

– Зачем звал, вождь?

– Проходи ближе. Садись к огню.

Ворон прошел и сел на камень рядом со светильником. Светильник светил тускло, и в его призрачном свете лицо Бычеголова выглядело еще более угрюмым и непреклонным, чем обычно.

Ворон обратил внимание на то, что шишки на лысой голове вождя слегка подросли и чуть побагровели, словно внутри их и впрямь вызревали настоящие бычьи рога.

Бычеголов кивнул массивным подбородком на жбанчик с зеленоватой пахучей жидкостью.

– Выпьешь жевана?

– Нет, – ответил Ворон. – Не люблю, когда мысли путаются.

– А я выпью.

Бычеголов взял деревянную кружку, зачерпнул из жбанчика и стал пить. Ворон молча смотрел, как дергается его огромный кадык. Поставив кружку на камень, Бычеголов отер плоский рот широченной ладонью и снова взглянул на Ворона.

– Хочу тебе поручить одно дело, Ворон. Выполнишь?

Ворон склонил черную голову в вежливом поклоне.

– Все, что могу, вождь. Что за дело?

– Глеб-Первоход, – угрюмо проговорил Бычеголов. – Я не верю ему.

– Я тоже, вождь. Но ходок под защитой Белнона. Даже самый сильный из нас не рискнет гневить Белнона.

Бычеголов дернул лицом и пророкотал с глухой яростью:

– Белнон даже не жрец.

– Он сильнее любого из наших жрецов. Кроме тех, которые охраняют святилище Нуарана.

– Об этом я и говорю. Белнон силен лишь потому, что в племени остались одни слабые. Так он считает. И ты так считаешь.

– Вождь, я...

– Ладно. Я не доверяю ходоку. И мне не нравится старик Белнон. С годами он сильно поглупел. Если мы будем слушать его и дальше, от нашего племени не останется и следа.

Во взгляде Ворона все еще проглядывало сомнение.

– Но Белнон уверен в своих силах, – сказал он.

Бычеголов раздул широкие ноздри и фыркнул.

– Азран тоже был уверен, – презрительно проговорил он. – До тех пор, пока я не оторвал ему башку.

Ворон усмехнулся.

– Чего ты хочешь от меня, вождь?

Бычеголов приблизил к худому, клювастому лицу Ворона свое широкое, испещренное шрамами лицо и отчетливо проговорил:

– Я хочу, чтобы ты убил ходока.

– Но Белнон...

– Я сам займусь Белноном, – повысил голос Бычеголов.

Ворон взглянул в его налитые гневом и яростью глаза и не посмел возражать. Слишком свежо еще было воспоминание о том, как Бычеголов расправился с Азраном. «Как знать, – думал Ворон. – Может быть, Бычеголов и впрямь расправится с Белноном. Старик не так силен, как раньше. Даже его дочь Диона сильнее... Диона!»

Ворон прочистил горло и неуверенно заговорил:

– Бычеголов, а как быть с Дионей? Она любит отца и не допустит его смерти.

Вождь хмыкнул.

– Она не пойдет мне наперекор.

Ворон взглянул на вождя с сомнением.

– А если пойдет?

Взгляд Бычеголова стал еще холоднее и безжалостнее. Он пригнул голову и с хрустом сжал огромные кулаки.

– Тогда ей придется отправиться вдогонку за Белноном.

Ворон смиренно поклонился.

– Я понял тебя, вождь. Все будет сделано, как ты велел.

Бычеголов прищурил глубоко посаженные глаза.

– Будьте осторожнее с ходоком, – глухо пророкотал он. – Застаньте его врасплох. Когда убьете, вырежьте сердце и принесите его мне.

– Я сделаю все, как ты сказал, вождь.

Ворон встал с камня и зашагал к выходу.

Глеб осторожно отвел ветку в сторону и взглянул на выходящую из воды обнаженную девушку. Фигура ее была совершенна. Тонкая талия, высокая небольшая грудь, изящные ноги и руки. Диона откинула со лба мокрую темную челку и наклонилась, чтобы поднять полотняную рубашку. Вдруг она замерла, а затем быстро глянула туда, где стоял Глеб.

– Кто здесь? – негромко окликнула она.

Глеб вышел из-за дерева.

– Это я.

Девушка поспешно прикрыла наготу рубахой и сердито проговорила:

– Отвернись!

Глеб отвернулся.

– Диона, – сказал он, не поворачиваясь, – я хочу с тобой поговорить.

– Говори, коли хочешь!

Глеб хотел повернуться, но она пресекла эту попытку.

– Нет! Не поворачивайся!

Глеб усмехнулся:

– Я уже видел тебя голой.

– Хочешь, чтобы я прогнала тебя прочь? – гневно спросила Диона.

– Прости, – смиренно отозвался Глеб. – Слушай, я еще раз хотел извиниться перед тобой. Я... Черт, да что я оправдываюсь! Я не мог допустить, чтобы ты умерла. Не мог, понимаешь? Я знал, что ты рассердишься, знал, что будешь проклинать меня. Но... Ты ведь сейчас в порядке, правда? Ты здорова. А если бы ты осталась с нами, ты бы...

– Оглянись, Глеб! – перебила его Диона.

Глеб повернулся. Диона уже оделась. На ней была легкая меховая куртка и узкие брюки из коричневой замши, заправленные в сапожки на мягкой подошве без каблучков. Голенища сапожек расшиты цветными нитями. На широком кожаном поясе Дионы висел в берестяных ножнах промысловый нож с выточенной из лосиного рога рукояткой.

Диона пригладила ладонями мокрые волосы и сказала:

– Я многому научилась с тех пор, как мы расстались, Первоход.

– Я знаю. Ты умеешь читать мысли, умеешь заставлять людей и зверей делать то, что тебе нужно. Что еще ты умеешь?

– Многое.

Глеб шагнул к девушке, но, словно наткнувшись на невидимое препятствие, остановился.

– Диона, – снова заговорил он, – я все эти месяцы думал о тебе.

– Правда? – Она прищурила зеленые глаза. – Я тебе не верю.

– Прочти мои мысли!

Диона усмехнулась и покачала головой:

– Твои мысли скрыты от меня, Первоход. Сильный колдун наложил на тебя защитное заклятие. Я не в силах его разрушить.

Она помолчала, разглядывая Глеба, и вдруг сказала:

– Ты мог вернуться за мной. Я ждала. Ждала много месяцев. Но ты не вернулся.

– Я был...

Глеб осекся, не зная, что сказать.

– Где? – тихо и холодно спросила Диона. – Где же ты был?

Глеб облизнул пересохшие губы.

– Еще не поздно все изменить, – с надеждой в голосе произнес он.

Диона покачала головой:

– Нет, Глеб, уже поздно. Ты был мне люб. Раньше. А теперь я ненавижу тебя. Этого не видно, но это так. Пожалуйста, больше не подходи ко мне, если не хочешь, чтобы я тебя погубила.

Глеб нахмурился и шагнул к Дионе.

– Я не...

– Стой! – Диона вскинула руки.

Глеб почувствовал, что его ноги отрываются от земли. Вдруг страшная неведомая сила стремительно понесла его прочь от Дионы. Глеб пролетел по воздуху пять саженей и шлепнулся в холодную воду реки.

Диона засмеялась.

– Черт! – в сердцах проговорил Глеб, стоя по пояс в воде и морщась от ледяной влаги, просочившейся сквозь одежду.

– В следующий раз будет хуже, – предупредила Диона, усмехаясь. – Будь здоров, ходок!

Она повернулась и зашагала по вьющейся тропке.

– Диона! – окликнул девушку Глеб. – Диона, подожди!

Но она не обернулась.

Немного постояв, Глеб вздохнул и, увязая ичигами в илистом дне, побрел к берегу. Однако не успел он пройти и нескольких шагов, как прибрежные кусты шелохнулись и из кустов что-то вылетело.

Глеб успел отклониться в сторону, и здоровенный камень, просвистев у него над головой, бухнулся в воду. Из-за кустов вышли две темные, рослые фигуры. В руках у одного из верзил ходок увидел длинную жердину.

Выхватив из ножен меч, Глеб пошел на врагов. Однако вода сковывала его движения, и когда второй камень, выпущенный из пращи, полетел в Глеба, он не успел уклониться. Камень ударил Первохода в грудь и отшвырнул его в воду.

Окунувшись в холодную воду с головой, Глеб снова поднялся на ноги, но в это время звонко щелкнула тетива лука, и костяной наконечник стрелы вонзился Глебу в грудь. Он снова упал. В грудь ему уперся конец толстой жердины и придавил его ко дну.

«Диона!» – хотел крикнуть Глеб, но поперхнулся водой. А в следующее мгновение вода вошла ему в легкие, пронзив грудь острой, невыносимой болью.

«Конец!» – с ужасом подумал Глеб, и сознание его померкло.

3

Глеб открыл глаза. Первое, что он почувствовал, это запах подгнивших речных трав и водорослей. Когда глаза привыкли к полумраку, он разглядел, что лежит на полу большой каменной пещеры. В расщелины стен, подобно факелам, были воткнуты большие гнилушки, светившиеся голубоватым призрачным светом.

Глеб повернул голову направо и увидел, что рядом кто-то сидит.

Существо походило на молодую женщину, но черты лица казались чуть грубее, а кожа имела странный синеватый оттенок. Спутанные волосы существа были больше похожи на зеленовато-бурые водоросли, чем на волосы человека.

– Русавка! – хрипло выговорил Глеб.

Существо склонило голову набок и уставилось на Глеба чуть выпуклыми темно-синими глазами.

Синеватую кожу русавки покрывали редкие серебристые чешуйки. Опустив взгляд чуть ниже, Глеб увидел нагую грудь с небольшими темно-синими сосками.

С груди речной девы Глеб перевел взгляд на свою грудь. Слева, рядом с ключицей, он заметил свежий шрам, обмазанный какой-то тинистой грязью. Видимо, сюда попала стрела.

Однако боли Глеб не чувствовал. По-видимому, стрела вошла под углом, и рана оказалась неглубокой, а грязь, которой обмазала рану русавка, обладала обезболивающим свойством.

– Значит, ты меня спасла? – проговорил Глеб хриплым голосом. – Отлично. Спасибо тебе большое. А теперь мне пора идти.

Глеб хотел встать, но с удивлением обнаружил, что не может пошевелиться. Тело его было опутано речными травами, и держали они крепче любых веревок.

И еще один неприятный сюрприз ждал Глеба – он с испугом и смущением обнаружил, что лежит на ворохе мокрой травы абсолютно голым.

Речная дева склонила свое синеватое лицо над лицом Глеба и вытянула губы, словно хотела поцеловать Глеба, но он отвернулся и с отвращением проговорил:

– Прости, красавица. Я люблю рыбу, но только в жареном виде.

Речная дева нахмурилась и что-то быстро и сердито проговорила. Глеб поежился.

– Неудачная шутка, извини, – смиренно произнес он. – Ты просто не в моем вкусе.

Русавка снова склонилась над Глебом. На этот раз Глеб не успел отвернуться, и ее холодные губы коснулись губ Глеба. Орлов зажмурил глаза и задержал дыхание. Ощущение было такое, будто он целуется с куском рыбного филе, который только что достали из холодильника.

Почувствовав холодный и скользкий язык русавки у себя во рту, Глеб мотнул головой и отплюнулся.

– Ну все. Хватит! – яростно выкрикнул он.

Речная дева чуть отпрянула, склонила голову набок и вдруг прошептала:

– Ну все. Хватит.

Глеб удивленно вскинул брови:

– Ты понимаешь русский язык?

– Понимаешь. Русский язык.

– Вот оно что... – Глеб уныло усмехнулся. – Ты просто повторяешь за мной.

Русавка тоже усмехнулась.

– Неудачная шутка, – проворковала она. – Я люблю рыбу.

– Я тоже, – выдохнул Глеб. – При других условиях я пригласил бы тебя в японский ресторан, но сейчас...

Русавка опустила руки на грудь Глеба. Ее холодные пальцы принялись грубо ощупывать его тело.

– Эй! Что ты делаешь? – испуганно спросил Глеб.

Пальцы русавки ощупали его живот и скользнули ниже. Глеб вздрогнул.

– Что ты задумала? – севшим от испуга голосом спросил он.

Русавка принялась с интересом изучать физиологическое строение Глеба. Он побледнел и напрягся.

– Милая... – Глеб облизнул подрагивающие губы. – У нас с тобой ничего не получится. Поверь мне на слово.

Русавка продолжала шарить руками, и Глеб сцепил зубы. Холодные пальцы речной девы бесцеремонно и тщательно ощупывали его плоть. Никогда еще Глеб не чувствовал себя таким беззащитным.

– Хотя бы водки налила, – с горечью проговорил он. – Хотя я все равно столько не выпью.

Русавка закончила осмотр и быстро взгромоздилась на Глеба. Ходок задрожал от холода, испуга и стыда. Скосив глаза вниз, он увидел два стройных бедра и щиколотки, которые заканчивались странными вытянутыми ступнями, похожими на резиновые ласты.

– О боже! – выдохнул Глеб с досадой и отчаянием. – Слушай, ну зачем я тебе нужен, а? У тебя же наверняка есть приятели. Такие же красивые, как ты. И потом, я для тебя слишком горячий. У тебя будут ожоги!

Русавка заерзала на Глебе, и он тихо застонал. Сделать ничего было нельзя. Он связан по рукам и ногам – не то что сопротивляться, шевельнуться невозможно!

Глеб глубоко вздохнул, закрыл глаза и приготовился к насилию. Но вдруг раздался звонкий шлепок, потом вскрик, и русавка соскользнула с Глеба. Рядом кто-то громко завизжал.

Глеб испуганно открыл глаза.

Две русавки катались по каменному полу пещеры. Тело одной из них было покрыто налипшей тиной. Видимо, она только что выбралась из воды и сразу бросилась в драку.

Речные девы дрались яростно, не на жизнь, а на смерть – кусали одна другую острыми зубами, таскали за волосы, били мускулистыми хвостами.

Вот русавка с налипшей на бока тиной извернулась и ударила противницу затылком об каменный пол. Потом еще раз. И еще.

– Так ее! – крикнул Глеб. – Долбани еще раз, чтобы не встала!

Русавка оглянулась на Глеба и вскочила на ноги. Нагнулась и подняла что-то с пола. Глеб услышал лязг железа о камень и увидел, что в руке речная дева сжимает рукоять ржавого ножа.

– Эй, милая, мы ведь с тобой на одной стороне? – испуганно спросил Глеб.

Речная дева направилась к нему. Передвигалась она медленно, приволакивая ноги. Ступни ее были не слишком-то приспособлены к ходьбе.

Русавка, не спуская с Глеба голодных глаз, приоткрыла рот. По мере приближения к Глебу рот речной девы открывался все шире и шире и наконец превратился в огромную дыру, утыканную осклизлыми и острыми, словно куски мокрого стекла, зубами. Зубы эти загигалились внутрь – вероятно, для того, чтобы легче удерживать извивающуюся, скользкую рыбу.

Речная дева быстро наклонилась над Глебом, явно собираясь откусить ему голову.

– Нет! – выдохнул Глеб и зажмурил глаза.

В лицо ему пахнуло холодным гниlostным дыханием, потом что-то больно толкнуло Глеба в грудь, рядом громко лязгнули зубы. А потом снова слышались шлепки и громкое пыхтение. Глеб открыл глаза и увидел, что русавки сцепились снова.

Он перевел взгляд на свое тело, и сердце его радостно забилося: он заметил, что несколько зеленоватых веревок, сплетенных из водорослей и опутавших тело Глеба, надкушены.

Глеб напрягся, и перекушенная трава, стягивающая его тело, лопнула. Морщась от боли в затекших руках и ногах, Глеб поднялся.

Речные девы переплелись мокрыми холодными телами, как змеи, и яростно глядели одна другой в глаза. Глеб поднял с земли ржавый косарь и побрел по пещере, выискивая свою одежду.

Под ногой у него квакнула какая-то маленькая тварь, вроде уродливой безголовой лягушки. Одна из речных дев повернула голову на шум и с визгом бросилась на Глеба. Первоход ударил русавку косарем по голове, и она повалилась на каменный пол пещеры.

Вторая русавка потрянула головой, приходя в себя, и быстро скользнула к Глебу, однако удар голомению клинка в лоб выбил из нее дух. Неподалеку Глеб увидел свою одежду, сваленную в кучу. Он прошел туда и быстро оделся. Одежда была мокрая и склизкая, но лучше такая, чем никакой.

Минуту спустя Глеб пробирался по узкому каменному проходу. Вонь здесь стояла такая, что Глебу пришлось зажать нос пальцами и набрать в грудь побольше воздуха, чтобы побороть рвотный рефлекс.

Тут и там валялись человеческие тела. Все голые. Некоторые обглоданы до костей. Глеб отметил, что все тела – мужские, и поежился. Все было очевидно. Русавки утаскивают мужиков в подземную пещеру, насилюют их, а потом пожирают. Как паучихи своих самцов.

Глеба всего передернуло. Жуть.

Возле одного из тел Глеб увидел ножны с торчащей из них наборной серебряной рукоятью меча. Глеб, стараясь не смотреть на мертвеца, снял у него с пояса ножны и вытянул клинок. Хороший клинок. Из закаленного хуралуга, с примесью белого металла. Ухоженный, отполированный, лоснящийся от масла. Вакар ковал, не иначе.

Глеб прикрепил ножны к своему поясному ремню и двинулся дальше. Каменный коридор привел его в очередную пещеру, посредине которой он увидел черный омут.

У омута сидели еще две русавки и с чавканьем пожирали рыбу. Они были так же

стройны и грудасты, как две прежние, и похожи на них, как родные сестры.

– Эй! – тихо окликнул Глеб.

Русавки повернули головы. Первую Глеб вырубил коротким ударом в челюсть, второй вмазал по голове рукоятью тяжелого косаря. Из разбитой головы речной девы потекла зеленовато-бурая, похожая на грязь, кровь.

По-видимому, этот омут был единственным выходом из пещеры. Глеб сунул нож на пояс, перекрестился и, больше не медля и не раздумывая, сиганул в омут.

Вода была мутная и темная, но кое-что Глеб различал. Плыть пришлось долго, но в конце концов серая плита над головой закончилась и Глеб понял, что выплыл на чистую воду. Он вынырнул из воды и увидел берег реки, окутанный предрассветными туманными сумерками.

Выбравшись из воды, Первоход рухнул на берег и стал жадно, с хрипом хватать воздух ртом.

«И кто только придумал, что русавки красавицы? Сюда бы этих болванов. И кто, интересно, назвал из русавками? Скорее уж синюхи. Или зеленухи. Черт бы их побрал!»

Отдышавшись, Глеб сел на берегу и огляделся. Речные девы не могли оттащить его далеко. С тех пор, как он упал в воду, прошло от силы часа полтора. Значит, стойбище Бычеголова где-то неподалеку.

И вдруг сердце Глеба сжалось от тоски. Диона! За все это время он ни разу не вспомнил о ней! А ведь покончив с ним, злоумышленники, отправившие его на дно реки, вполне могли взяться за Диону.

Глеб вскочил на ноги и втянул воздух ноздрями. Обоняние у него снова обострилось, а глаза смотрели вокруг по-звериному зорко.

Сердце нелюдя, съеденное Глебом, все еще действовало. Принюхавшись, Глеб уловил едва различимый запах костра и навскидку определил расстояние. Верст пять, не больше. Отлично. Он поправил на поясе меч, повернулся и быстро зашагал на запад.

Запах дыма становился все сильнее, и, пройдя три версты, Глеб вдруг заметил за деревьями небольшой бревенчатый сруб с крохотным подворьем, а за срубом – еще один. Глеб увидел черный дымок, тянущийся из трубы, втянул ноздрями запах огня, горячего железа и масла и с волнением выдохнул:

– Кузница!

4

Оказавшись перед крепкой дубовой дверью, Глеб хотел постучать, но громкий, грубоватый голос из-за двери отозвался раньше:

– Войди, Первоход! Давно тебя дожидаясь!

Глеб удивленно хмыкнул и, держа в руке обнаженный меч, толкнул дверь.

В горнице было темно и мрачно. За столом, с деревянной кружкой в руке, сидел человек. Перешагнув через порог, Глеб быстро огляделся, затем глянул на человека и спросил:

– Как ты узнал, что это я?

Человек усмехнулся:

– Я ведь вещун. Или ты забыл? Ты так и будешь стоять в дверях или пройдешь к столу?

Глеб еще немного помедлил, затем прикрыл дверь, прошел в горницу и уселся за стол. Меч он не вложил в ножны, а положил себе на колени.

Кузнец Вакар страшно изменился за те полгода, что Глеб его не видел. Он постарел и осунулся. Не было больше в глазах удали и азарта. Борода не курчавилась, а обвисала нечесаными, свалывшимися клочьями. Давно не мытые и не стриженные волосы свисали ниже плеч. Высокий колпак был надвинут на облезшие брови. За пазухой сермяжного кафтана, подпоясанного лыком, торчали дырявые, прожженные углями рукавицы. На ногах – грязные онучи и стоптанные лапти.

Под закопченным потолком клубился и уходил в волоковое окошечко над дверью теплый дым: избу, в отличие от кузницы, Вакар топил по-черному.

– Ну, здравствуй, Первоход, – проговорил он сиплым голосом и кашлянул в черный, испачканный сажей, прокопченный кулак.

– Здравствуй, Вакар. – Глеб обвел взглядом стены избы. – Значит, вот где ты теперь обитаешь.

Вакар хотел что-то сказать, но закашлялся и прикрыл рот рукой. Когда он отнял руку от лица, Глеб заметил на его ладони кровь. Маленький сгусток крови запутался и в рыжеватой бороде.

– Вижу, ты захворал?

Кузнец покачал головой:

– Нет. Это не тулово. Это душа во мне болит. Болит и кровью исходит.

– Тебе надо к лекарю, – сказал Глеб.

Вакар вновь качнул головой:

– Нет. Лекарь тут не поможет. – Он вытер окровавленные губы рукавом сермяжного кафтана и глянул на Глеба странным взглядом. – Ты слышал, что случилось с Ольстрой? – спросил Вакар, понизив голос.

Глеб отвел взгляд и ответил:

– Да.

– Что про это думаешь?

– Думаю, что Ольстра зря оставила ребенка.

Лицо Вакара потемнело.

– Она пыталась, Глеб, – тихо сказал он. – Честно пыталась.

– Пыталась?

Вакар кивнул:

– Да. Топила уroda в колодце, но он всплыл. Ударила косарем... Сильно... Но на уродце все зажило. Больше она не смогла. – Вакар снова закашлялся.

Глеб отвернулся, чтобы не видеть, как бедняга исходит кровью.

– Вижу, у тебя мой меч, – снова заговорил кузнец. – Я ковал его для княжьего ратника Ивора. Что с ним?

– Его убили русавки, – ответил Глеб.

Вакар посмурнел еще больше.

– Жаль. Хороший был ратник, храбрый, честный... Мир становится хуже, Глеб. Нежить обнаглела и не хочет сидеть в чащобе. Нелюди прут на села и города... Да и люди ничем не лучше. Великое зло почуяло запах крови и зашевелилось. Грядет большая беда, Первоход.

– По-моему, ты преувеличиваешь, – заметил Глеб, нахмурившись.

Вакар прищурил запавшие глаза и усмехнулся.

– Ты забыл, что я вещун. Я многое вижу, Глеб. И в том, что я вижу, нет ничего хорошего. Не будет больше Хлынского княжества. Не останется от него камня на камне. Земля впитает кровь и перестанет плодоносить. Тлетворный ветер принесет с полей брани немощи и хвори... А потом...

Вакар снова закашлялся.

– Потом... – Он вытер рукавом кровь с губ и бороды. – ...Русские князья перебьют друг друга. А тех, кто выживет, кончат нелюди. Нелюдь начнет верховодить на наших землях, Глеб. По селам пройдет великий мор. А после мора придут на наши земли хазары, печенег и половцы. Что сами не переварят, то бросят абассидским халифам. Как мозговую кость. А после двинет вся хазарская и аравийская рать на запад и вытопчет франкские и гофские земли.

– Слишком уж мрачную перспективу ты обрисовал, кузнец, – сказал на это Глеб. – Я, конечно, не вещун, но кое-что предсказывать умею. Русские земли останутся и объединятся. Начало им будет положено новгородцами.

Вакар глянул на Глеба из-под клочковатых бровей:

– Кем?

– Словенами с Ильменского озера, – пояснил Глеб. – Придут ильменские князья в Киев, выгонят хазар и станут там править. А после начнут присоединять к Киеву другие русские княжества – одно за другим. Так образуется держава под названием Русь. А спустя несколько веков она станет огромной и получит название Россия.

Вакар вздохнул:

– Что ж... Может, так и будет. А может, и нет. Ты ведь знаешь, предначертанное легко изменить. – Он вздохнул и задумчиво посмотрел на окровавленный рукав. – Если не остановить нечисть, развяжется великое побоище. Нелюди затеяли страшное дело. Их посланники везде – и у кривичей, и у радимичей, и даже у полян.

Глеб дернул щекой и небрежно проговорил:

– Брось. У Бычеголова не хватит на это мозгов.

– Бычеголов? – Вакар усмехнулся. – Кто тебе сказал, что Бычеголов главный?

– А разве нет?

Кузнец покачал головой:

– Нет. Бычеголов всего лишь таран. Он нужен Нуаранским жрецам, чтобы развязать войну. До Бычеголова вождем был Азран. Но Азран не хотел воевать, поэтому Нуаранские жрецы позволили Бычеголову убить его.

Глеб нахмурил лоб.

– Подожди... Правильно ли я понял? Значит, жрецы из святилища Нуарана разослали по славянским землям своих посланников, которые должны посеять между русскими князьями вражду?

Вакар мрачно усмехнулся:

– У них это неплохо получается, правда?

– Но их посланники – такие же нелюди, как сами жрецы. Их легко вычислить, – возразил Глеб.

Кузнец прерывисто вздохнул.

– У нелюдей много уловок, Глеб. Сотни лет нелюди собирали в Гиблом месте чудные вещи. Платили за них своей кровью и кровью своих отцов и детей. И теперь они воспользуются ими. С помощью амулетов из Гиблого места можно принять любой облик и одолеть любого врага.

– Кажется, я понимаю... У меня была одна такая вещица. Называлась перелиц.

Вакар снова закашлялся. На этот раз он кашлял долго и мучительно и не остановился, пока не забрызгал кровью весь стол. Потом поднял взгляд на Глеба и хрипло проговорил:

– Они везде, Глеб. То, что мне открылось за полгода жизни среди нелюдей, ужасает и убивает меня.

– Ужасает? – Глеб сдвинул брови. – Но ты выковал им оружие!

– Да, – прохрипел кузнец.

– Но почему?

– Они... заставили меня. Что я мог сделать, Глеб? – Вакар поморщился и виноватым голосом произнес: – Но все это в прошлом. Я больше не работаю на них. Я ослаб... И нелюди оставили меня в покое.

Глеб задумался. Вакар посмотрел на него долгим затравленным взглядом, после чего печально вздохнул:

– Ничего нельзя исправить, Глеб. Я вложил в это оружие свою душу. Велес и Чернобог помогут нелюдям. Мечи, заговоренные их именами, непобедимы.

Глеб встал из-за стола.

– Куда ты направляешься? – спросил Вакар.

– Я должен вернуться в стан Бычеголова и узнать, что с Дионой. В последний раз, когда я ее видел, поблизости был нелюдь по кличке Ворон. И мне кажется, что он собирался расправиться с ней.

Лицо Вакара оцепенело. И вдруг он схватил Глеба за руку и быстро проговорил:

– Возьми все мои ольстры и убей Ворона! Убей его! Это он изнасиловал мою дочь!

Глеб слегка опешил от такого напора.

– Ты заговариваешься, старик, – сказал он. – Ольстра была всего одна, и князь Егра отнял ее у меня.

Вакар улыбнулся, и Глеб увидел, что зубы его, прежде белые и крепкие, стали шаткими и гнилыми.

– Пять лет назад ты дал мне свое ружье, чтобы я сделал еще одно, – заговорил он взволнованным голосом. – Я сказал тебе, что у меня ничего не вышло. Но я обманул тебя.

– Обманул?

– Да. Я думал, ты заберешь у меня мои ольстры, поэтому надежно спрятал их.

Несколько мгновений Глеб стоял молча, с ошеломленным взглядом и вытянувшимся лицом.

– Значит... у тебя есть ольстры? Но где же они теперь? И сколько их?

По морщинистым губам Вакара скользнула улыбка.

– Целый год я потратил на то, чтобы воссоздать твой гремющий посох. И ты думаешь, я сделал всего один? – Старик приосанился и на мгновение снова стал похож на прежнего Вакара, кузнеца-вещуна, кующего лучшее оружие в русских землях. – Их десять, Глеб, – гордо сообщил он. – И они лучше той ольстры, что осталась у тебя.

– Лучше?

Вакар прищурил морщинистые веки.

– Я не просто кузнец, Глеб. Я вещун. Когда я заговариваю оружие против нечисти и иноземных врагов, моими устами говорит сам Перун.

– Значит, ты заговорил свои ольстры?

– Десятью заговорами. И окропил десятию священными настоями.

Глеб смотрел на кузнеца недоверчиво.

– И за эти пять лет ты ни разу ими не пользовался?

Вакар покачал головой:

– Нет.

– И даже никому не продал?

– Прогнал? – Вакар усмехнулся. – Кому? Кто посмеет взять в руки столь страшное оружие? Трусливые купцы? Или тупые ратники Егры?.. – Он вновь качнул головой. – Нет, Глеб, я не продал их. Мои ольстры совершенны. В твоей ольстре умещается пять патронов, а в моих – десять. У твоей ольстры обрезан ствол, и поэтому пули не летят далеко. А стволы моих ольстр я удлинил на два вершка. Пули летят далеко и попадают точно в цель. И еще – мои магазины не надо заряжать. Достаточно снять один и поставить на его место другой.

Глеб смотрел на кузнеца недоверчиво.

– Ты меня удивляешь, – сказал он. – Уверен ли ты, что твои ольстры вообще стреляют?

– Я опробовал их. Все до единой.

Глеб нахмурился.

– Где же ты их спрятал, Вакар?

Кузнец хрипло вздохнул и сплюнул на пол сгусток крови. Затем поднял на Глеба усталые глаза и сказал:

– Они у меня в кузнице. Помнишь подпол под верстаком?

– Помню.

– Они там. Нелюди не догадались обшарить пол. – Вакар зашелся гортанным, каркающим кашлем. Откашлявшись, он посмотрел на Глеба и хрипло проговорил: – Душа вытекает из меня, Первоход. Когда выйдет вся, я больше не буду человеком.

Он поднял руку и стянул с головы колпак. К горлу Глеба подкатила тошнота. Череп старика под колпаком облез и стал мягким и прозрачным, как желе. Под ним ясно просматривался мозг.

– Я превращаюсь в нелюдя, Глеб, – хрипло прошептал Вакар. – Они сотворили это со мной.

– Как это случилось? – угрюмо спросил Глеб.
– Они водили меня в свое Святилище.
– В Нуаран?
Вакар кивнул:
– Да. Там со мной что-то сделали... Сонный гриб усыпил меня, и я ничего не помню...
Когда я проснулся, я уже стал таким.
Глеб поправил на поясе меч и сказал:
– Мне нужно идти, кузнец. Впереди много дел, но когда я закончу с ними, я вернусь за тобой.
– Ты ничем не сможешь мне помочь, – сокрушенно проговорил Вакар. – Скоро я стану одним из них. И тогда я, пожалуй, сам вцеплюсь тебе зубами в глотку.
– Я вернусь, – повторил Глеб. – Держись до последнего. А когда поймешь, что все... Ты знаешь, что делать.
Глеб повернулся и вышел из избы.

5

Земля под ногами была мягкая, болотистая, и Глеб тревожно и чутко прислушивался к каждому колебанию почвы. Наконец болото кончилось, и Глеб снова ступил на зеленую лесную траву.

Погруженный в размышления о Вакаре и его предсказаниях, Глеб не заметил, как наступил ногой в ловушку. Что-то громко щелкнуло, и ногу Глеба сжали железные челюсти капкана.

Глеб сжал зубы, чтобы не вскрикнуть от боли и не привлечь к себе внимания тех, кто поставил капкан. Но эти предосторожности были уже бесполезны. Из-за деревьев вышли трое нелюдей. Это были дозорные Бычеголова – рослые, мускулистые, с уродливыми лицами, вооруженные мечами и палицами.

– Гляди-ка, кто попался, – насмешливо произнес один. – Это же Первоход. А я-то думал, его ни в какую ловушку не поймаешь.

– И на старуху бывает проруха, – подвякнул другой.

А третий окликнул:

– Эй, ходок! Не жмет тебе наш сапожок?

Нелюди засмеялись.

– Идиоты, – хрипло и зло выдохнул Глеб. – Я же теперь на вашей стороне.

– Ворон сказал, что ты пытался убить его, – возразил один из нелюдей.

– Почему же тогда не убил? – едко поинтересовался Глеб.

– Он выбил у тебя из рук меч и швырнул тебя в воду.

– Ворон? Меня? – Глеб усмехнулся. – Кишка тонка у вашего Ворона. Только и может, что каркать. – Он вытер потный лоб и, едва сдерживаясь от стога, рывкнул на нелюдей: – Ну?! Вы так и будете лупать глазами, олухи?!

Нелюди переглянулись и послушно направились к Глебу.

В стане Бычеголова все было по-прежнему. Нелюди уже проснулись и сидели у костров с кусками вяленого мяса и проваренными съедобными кореньями в руках.

Дозорные подвели Глеба к шатру Бычеголова. Наступая на раненую ногу, Глеб поморщивался от боли, но он уже знал, что рана несерьезная. Капкан, в который он попался, был «мягкий». На тот случай, если в него попадется кто-то из своих, а «своих» у Бычеголова теперь было пол-леса.

Глеба втолкнули в шатер, и он увидел Бычеголова, лежащего на ворохе травы, а рядом с ним – Ворона и Шакала. Завидев Глеба, Ворон изумленно поднял брови и процедил сквозь зубы:

– Тебя не так просто убить, ходок. Измар, Ласка, бросьте его в яму! Я займусь им

позже!

Нелюди взяли Глеба за плечи, но он оттолкнул их и хмуро спросил:

– Что с Бычеголовом?

– Упал на саморослые колья, – ответил Шакал. – Теперь кончается.

Ворон метнул на него недовольный взгляд, и Шакал стушевался.

– Так позовите ваших жрецов, – сказал Глеб. – Пусть кликнут на помощь думранов или дроянов!

– Звали, – удрученно вздохнув, ответил Шакал. – Белнон сказал, что уже ничего нельзя сделать.

Глеб шагнул к Бычеголову. Нелюди схватили его за руки, но Ворон качнул головой, и они снова отпустили его. Глеб взглянул на голую, поросшую редкими рыжеватыми волосами грудь Бычеголова, сдвинул брови и пробормотал:

– Странно. Снаружи никаких повреждений нет.

– Кожа уже выросла, – пояснил за спиной у Глеба Шакал. – А то, что под кожей, никак не срастается.

Глеб обратил внимание на то, что живот Бычеголова вздут и напряжен, словно у беременной, которой скоро рожать.

– У вашего вождя – сильное внутреннее кровотечение, – сказал он. – Если не вскрыть живот, он умрет. Советую вспороть ему брюхо.

– Ты сможешь его исцелить? – спросил Шакал.

– Нет, но...

– Он сможет, – мрачно проговорил Ворон за спиной у Глеба.

Глеб сжал кулаки, но сразу три острия мечей ткнулись ему в спину.

– Не балуй, ходок, – мрачно проговорил Ворон. – Что тебе нужно, чтобы исцелить Бычеголова?

– Я не хирург, – угрюмо ответил Глеб. – Я не умею делать хирургические операции, а вашему вождю нужна операция.

Ворон достал кинжал, поднес его лезвие к горлу Глеба и повторил свой вопрос:

– Что тебе нужно, чтобы исцелить Бычеголова?

Глеб покосился на кривой, остро отточенный клинок и сглотнул слюну.

Он вспомнил, как присутствовал на операции знаменитого хирурга Сазонова. Ему тогда поручили написать большой репортаж о работе клиники. Сазонов не только дал пространное интервью, но и пригласил Глеба на операцию.

Глеб притащил с собой в «операционную» видеокамеру и тщательно все заснял. Операция произвела на Глеба неизгладимое впечатление. Он не раз потом показывал запись друзьям, хвастаясь своим хладнокровием.

– Спрашиваю в последний раз, – услышал он глуховатый голос Ворона. – Что тебе нужно, чтобы исцелить вождя?

Глеб напряг память и проговорил:

– Мне нужен скальпель... Игла с нитью... И еще – что-нибудь вроде прищепы. И чистые тряпки.

– Шакал, – тихо окликнул Ворон. – Принеси иглу, тряпки и прищепу.

– И нож, – сказал Глеб. – Небольшой, но очень острый нож.

Ворон взглянул на Шакала:

– Шакал, ты слышал?

– Да.

– Неси.

Шакал выскочил из шатра. Вскоре он вернулся и вывалил на землю нож, иглу с уже вдетой суровой нитью и плоскую железную прищепку.

– Это все? – спросил у Глеба Ворон.

– Вроде да.

«А почему бы и нет? – подумал Глеб. – Организм нелюдей раз в десять крепче, чем у

человека. Раны у них быстро затягиваются. Иммуитет – будто у белого медведя. Жаль, что нет антисептика. Но, возможно, он нелюдям и не нужен. Можно попробовать».

Глеб взял нож. Увидев в его руках оружие, дозорные вновь вынули из ножен мечи. Глеб думал, что Ворон прикажет им вложить клинки обратно, но носатый нелюдь промолчал.

Дело принимало серьезный оборот.

Глеб вздохнул и снова напруг память.

«У пациента сильное внутрибрюшное кровотечение, – услышал он голос хирурга Сазонова. – Нужно срочно открывать живот. Но даже если все пройдет успешно, он может не выжить. Судя по всему, у пациента контужены легкие и сердце».

Глеб облизнул губы и уставился на волосатый живот Бычеголова.

«В момент вскрытия брюшной полости эффект тампонады исчезает. Кровотечение усиливается в несколько раз. Нужно остановить его в считанные секунды. Иначе откажет сердце».

Глеб крепче сжал рукоять ножа, поднес лезвие к коже «пациента», мысленно перекрестился и нажал на рукоять. Нож был острым, как бритва. Кожа и мышцы брюшины разошлись, и наружу выплеснулась застоявшаяся кровь – багрово-черная, блестящая. Ее было так много, что Глеб опешил.

– Вычерпывайте! – крикнул он. – Быстрее!

Ворон и Шакал, напуганные криком Глеба, присели рядом и принялись пригоршнями вычерпывать из распоротого брюха Бычеголова кровь и кровавые черные сгустки.

Вскоре работа была закончена, и Глеб заглянул внутрь. Печень Бычеголова порвана, из разбитой селезенки пульсирующей струей вытекала кровь.

– У него повреждены печень и селезенка! – сказал Глеб. – Шакал, дай тряпку!

Шакал вложил в растопыренную пятерню Глеба тряпку. Глеб сунул руку в брюхо Бычеголова и прижал селезенку тряпкой.

– Дайте прищепу! – скомандовал он.

Шакал поспешно подал ему железную прищепу. Глеб убрал тряпку, сунул внутрь прищепу и защебил пучок сосудов, торчащий из селезенки.

«Этот угол живота стал суше, – прозвучал у него в ушах спокойный голос хирурга Сазонова. – Селезенка отсечена. Кладите под зажим лигатуру!»

– Лигатура, – пробормотал Глеб рассеянно. – Где ж мне ее взять?

Но никакая лигатура не понадобилась. Сосуды Бычеголова срослись прямо на глазах. Могучий организм нелюдя брал свое. Глеб перевел взгляд на печень. В багрово-черной печени вождя все еще зияла дыра.

– Иглу с нитью! – скомандовал Глеб.

Шакал поспешно подал ему толстую железную иглку с продетой в ушко грубой нитью.

«Ох уж эта печень! – вновь услышал Глеб голос хирурга Сазонова. – Так легко рвется и так трудно зашивается. А удалить ее, как селезенку, нельзя».

Глеб воткнул иглу в печень Бычеголова. Первый стежок не получился. Нить рассекла ткань печени и вновь оказалась в пальцах Глеба.

– Черт! – выругался Глеб. – И впрямь, хрен зашьешь!

«Если зашить печень не удастся, нужно выкроить лоскут из сальника».

Глеб осмотрел брюшную полость Бычеголова и увидел комок жира, похожий на бороду, приделанную к стенке огромного желудка. Это и был сальник.

Глеб отрезал ножом кусок сальника и вложил этот кусок в изрыгающую кровь трещину в печени. Затем снова взял иглу и сделал стежок. На этот раз нить не порвала печень. Глеб осторожно затянул петлю. Потом сделал еще один стежок. И еще один.

– Ну вот, – облегченно проговорил Глеб, вытирая рукою потный лоб. – Что там у нас дальше?

Он снова осмотрел внутренности нелюдя.

– Так, аорта цела... Мочевой пузырь на месте... Вроде все. Теперь зашиваем.

Глеб сложил вместе рассеченные ткани и грубо наметал их нитью.

– Готово? – спросил Ворон.

Глеб оглядел шов.

– Почистище Франкенштейна, – усмехнулся он. – Операция закончена, коллеги. Где тут у вас можно умыться?

Первоход поднялся на ноги, а расторопный Шакал уже поднес к его рукам кувшин с водой. Тщательно смывая с ладоней кровь, Глеб сказал:

– Еще одна такая операция, парни, и я стану практикующим хирургом. – Он покосился на дозорных и весело окликнул: – Эй, ребята, может, кому-нибудь нужно вырвать зуб или вырезать аппендицит? Не стесняйтесь – подходите!

Нелюди остались мрачны и угрюмы. Глеб вздохнул.

– Забыл, что у вас нет чувства юмора. Шакал, дай рушник.

Нелюдь сунул в руки Глебу сухую тряпку.

И тут Бычеголов открыл глаза. Приподняв шишковатую голову, он с изумлением оглядел лица присутствующих, задержался взглядом на Глебе, затем хрипло спросил:

– Что со мной?

– Ты упал на колья, – объяснил Ворон. – Они порвали тебе все внутренности.

– Но я цел?

– Первоход забрался тебе в живот и зашил все дыры, – с улыбкой проговорил Шакал. – Он спас тебя, вождь.

Бычеголов перевел взгляд на Ворона.

– Это правда?

Ворон молча кивнул. Бычеголов помолчал, потом взглянул исподлобья на Глеба и спросил:

– Что в таких случаях делают люди?

– Благодарят врачей и суют им в карманы деньги, – ответил Глеб.

Бычеголов усмехнулся и негромко приказал:

– Шакал, принеси «червивое яблоко». Я хочу отблагодарить Первохода.

Шакал кивнул и быстро прошел к деревянному сундуку, стоявшему в углу шатра.

– Червивыми яблоками со мной еще никто не расплачивался, – задумчиво проговорил Глеб. – Но, в принципе, все правильно. Какой хирург, такое и яблоко.

Шакал достал что-то из сундука и, почтительно улыбаясь, поднес Глебу. Глеб увидел, что на ладони у него лежит желтоватый камень, напоминающий по форме яблоко, с дыркой в боку.

– Это золотой самородок, – сказал Бычеголов. Вождь уже не лежал, а сидел на земле, прижав к зашитому животу растопыренную ладонь. – Я знаю, что люди любят золото. Возьми его.

– Ты даришь мне это золото? – не поверил своим ушам Глеб.

– Я плачу тебе за работу. Ты починил меня.

Глеб взял самородок и взвесил его на ладони.

– Тяжеленький, – уважительно проговорил он. – Похоже, это и впрямь золото.

Глеб сунул самородок в карман, взглянул на Бычеголова и спросил:

– Что дальше, вождь? Снова подошлешь ко мне убийц?

Бычеголов угрюмо усмехнулся и проговорил:

– Тебя больше никто не тронет.

Глеб повернулся к Ворону:

– Эй, носатый, слышал?

– Слышал, – нехотя отозвался Ворон. Он перевел взгляд на Бычеголова и вдруг произнес: – Вождь, по нашим законам, я могу вызвать ходока на бой.

Бычеголов взглянул на собрата удивленно:

– Зачем тебе это?

– Я все еще не верю ему. Он спас тебя, но сделал это под страхом смерти.
Глеб усмехнулся:
– Дурак ты, Ворон. На поясе у одного из твоих уродов – мой заговоренный меч. Если бы я захотел, я бы с легкостью выхватил его из ножен и вогнал тебе в задницу. И еще: позволь тебе напомнить, что я сам вернулся в ваш стан. И это после того, как ты и твои дружки забили меня камнями и бросили в реку.
Ворон хотел что-то сказать, но вождь перебил его:
– Он прав, Ворон.
– Прав?
Бычеголов кивнул:
– Да. Эй, ходок, оставь нас! Нам нужно поговорить.
– С радостью, – сказал Глеб. – Пусть только Измар отдаст мне мой меч.
Дозорный взглянул на вождя – тот кивнул. Измар снял с мускулистого плеча пояс с ножнами и швырнул Глебу. Глеб поймал пояс и, взяв его под мышку, вышел из шатра.
Лицо Ворона исказилось от гнева.
– Я не верю своим ушам, – проговорил он дрожащим от ярости голосом, глядя на Бычеголова сверкающими глазами. – Ты не разрешишь мне сразиться с ним?
Вождь покачал головой:
– Нет. Теперь он такой же мой собрат, как ты. Впереди у нас большая война, и я не позволю своим воинам перебить друг друга.
Несколько секунд Ворон стоял, сжимая темными пальцами рукоять меча, потом повернулся и пошел к выходу.
– Постой! – негромко окликнул его Бычеголов.
Ворон остановился.
– Я слушаю тебя, вождь.
– С ходока не спускай глаз.
– Но ведь ты...
– Я не доверяю людям. – Бычеголов взглянул на почти затянувшийся шрам, пересекающий его живот и грудь. – Сердца их полны коварства.
– Если бы ты позволил мне вызвать ходока на поединок...
– Нет. Он убьет тебя.
По лицу Ворона пробежала тень.
– Ты считаешь, что я плохой воин?
– Первоход убил множество наших братьев. Олофа, Мдивана, Рампу, Волка... Не хватит пальцев на двух руках, чтобы перечислить всех. Некоторые из них были более искусными воинами, чем ты.
Ворон щелкнул костяными выростами на губах.
– Сердце мое обливается горечью, вождь, – гневно проговорил он. – Неужели мы простим ходоку все, что он сделал, и не отомстим ему за наших братьев?
– Он принесет нам больше пользы живой, чем мертвый, – ответил Бычеголов глухим, жестким, не терпящим возражений голосом. – Просто следи за ним. Если уличишь его в предательстве, убей.
– Хорошо, – нехотя согласился Ворон. – Теперь я могу идти?
– Иди.
Ворон повернулся и вышел из шатра.

6

Глеб достал берестяную коробку с бутовыми самокрутками, вставил одну в рот и чиркнул зажигалкой. Затем затянулся и помахал рукой перед лицом, отгоняя дым.
– Глеб! – тихо позвал женский голос.
Он обернулся. Диона сидела на камне. Она была все так же хороша. Загорелое лицо,

черные волосы, огромные зеленые глаза. Хоть сейчас на обложку журнала.

Глеб вдруг разозлился. Не на нее, а на себя – за то, что никак не может выбросить Диону из головы. Он хотел сказать какую-нибудь грубость, но Диона заговорила первой:

– Шакал сказал, что ты спас Бычеголова. Это правда?

– Правда, – угрюмо ответил Глеб.

– Зачем?

Глеб затянулся сигаретой, выдохнул облако дыма и посмотрел сквозь него на Диону.

– А ты сама как думаешь?

Диона пожала плечами:

– Я не знаю. Скажи ты.

Глеб снисходительно улыбнулся:

– Я теперь один из вас. А значит, Бычеголов и мой вождь тоже. Устраивает тебя такое объяснение?

Диона молчала.

– Молчанье – знак согласия, – изрек Глеб и снова затянулся самокруткой.

Диона посмотрела, как он пускает дым, и сказала:

– Не знаю, что у тебя на уме, Первоход. Но не думай, что ты хитрее Ворона и сильнее Бычеголова. Тебе не удастся обвести их вокруг пальца.

– А ты? – сухо спросил Глеб. – Как насчет тебя, Диона? На чьей ты стороне?

Зрачки Дионы сузились.

– Я на стороне моих братьев, Глеб, – ответила она.

– А кто твои братья? – с холодной усмешкой поинтересовался Глеб. – Неужели Ворон и Шакал?

Лицо Дионы порозовело.

– Я не хочу с тобой это обсуждать! – резко проговорила она. – Я...

Глеб отбросил сигарету, шагнул к Дионе и обнял ее за плечи.

– Мы все еще можем быть вместе, – сказал он, глядя девушке в глаза. – Вспомни, что ты мне говорила. Судьба не высечена на камне, она начертана на песке. Поднимется ветер, пошлет на берег волну – и начертанное будет смыто. Мы можем быть вместе, Диона.

Несколько мгновений они молча смотрели друг другу в глаза, потом Диона оттолкнула Глеба и гневно проговорила:

– Еще раз так сделаешь – и я...

Не закончив фразу, она юркой змейкой соскользнула с камня, повернулась и зашагала прочь.

– Ты никогда не будешь с ним счастлива! – крикнул Глеб.

– Да, – тихо пробормотала Диона, не оглядываясь. – Но я не буду счастлива и с тобой.

– Диона! – окликнул Глеб. – Диона!

Девушка не обернулась. Глеб проводил ее взглядом и взъерошил рукою волосы.

– Кретин! – с досадой проговорил он.

Кусты за спиной у Глеба шевельнулись. Он быстро оглянулся и увидел отпрянувшую от веток тень.

– Эй, ты кто? – окликнул Глеб.

Тень зашепила прочь. Глаза Глеба заволокло пеленой ярости. Он выхватил меч, в два прыжка настиг убегающего нелюдя и рубанул его мечом по голове.

Нелюдь вскрикнул и упал лицом в траву. Глеб схватил его за плечо и перевернул. Мертвые, остекленевшие глаза Шакала уставились в небо.

А к Глебу уже подбегали Ворон и трое дозорных.

– Что ты сделал?! – гневно воскликнул Ворон, останавливаясь возле Шакала.

Глеб облизнул пересохшие губы.

– Он притаился за кустом и подслушивал. А когда я его окликнул, бросился наутек. Я принял его за предателя.

– Он охранял тебя!

– Правда? – Глеб прищурил недобрые глаза. – От кого?
Несколько секунд Ворон молчал, с ненавистью глядя на Глеба. Затем поджал покрытые костяными наростами губы и сказал:
– Я это запомню.
– Валяй, – пожал плечами Глеб. Он отер меч о траву и вложил его в ножны. – Еще вопросы будут?
Ворон молчал.
– Так я и думал, – усмехнулся Глеб. – Приятного аппетита, парни.
Он отвернулся и зашагал прочь от мертвого тела и стоявших рядом с ним, готовых лопнуть от ярости нелюдей.

7

Дойдя до реки, Диона села на камень и стала смотреть на темную, тускло мерцающую воду. На душе у нее было беспокойно и тяжело.

Отец после освобождения из полона сильно сдал. Диона чувствовала, как стремительно утекает из него Сила. Еще несколько недель, и он превратится в обычного серого нелюдя. И что тогда?..

Диона вздохнула. Слава богам-думранам, Бычеголов и Ворон еще ни о чем не догадываются. Рано или поздно поймут, и тогда...

Дионе не хотелось думать о том, что будет тогда.

Она подняла камушек и швырнула его в воду. Потом подняла еще один и вгляделась в его расколотый бок, покрытый блестящими крупинками слюды.

И еще Глеб... Зачем он здесь? Отважный борец с темными злыднями сам стал частью лютого воинства? Если он и впрямь выступит на стороне воинства Бычеголова, то воинство это может стать несокрушимым. Впрочем, Первоход пока еще не знает, что обладает Силой. И, возможно, никогда не узнает.

Диона швырнула камень в воду и посмотрела на разлетевшиеся брызги.

Люди ленивы и нелюбопытны. Они полагаются лишь на сильные руки и быстрые ноги и редко прислушиваются к тому неистовому вареву темных и светлых Сил, что бурлит у них внутри.

А что, если темная Сила уже взяла свое? Что, если эта Сила и привела Глеба в стан Бычеголова?

Диона тряхнула головой. Нет. В это невозможно поверить. Но тогда зачем он здесь?

Сбоку шелохнулись ветки ивы и прошуршал рогоз. Обернувшись, Диона увидела, как из прибрежных зарослей вышел черный лохматый пес. Выбравшись на чистое место, пес остановился и неуверенно вильнул хвостом. Вид у него был потешный и жалкий.

Диона удивленно вскинула брови:

– Откуда ты тут взялся, дружок?

Пес еще на шаг приблизился, опасливо глядя на Диону, и снова вильнул хвостом.

– Должно быть, заблудился в лесу, – решила Диона. – Ну? И где же твой хозяин?.. Чего молчишь?

Пес трогательно и тонко заскулил и сделал еще один опасливый шаг.

– Эге, да ты меня боишься. – Диона улыбнулась. – Не бойся. Это я тебя должна бояться. Ведь ты же зверь, а я чело...

«Человек», – хотела сказать Диона, но осеклась. Брови ее сошлись на переносице.

– Ты прав, – с затаенной горечью проговорила она. – Я не человек. Я гораздо страшнее человека. И я могу причинить тебе боль. Но я не стану. Подойди ко мне. Ну же, дружок, смелее!

И пес двинулся к Дионе. Остановившись возле девушки, он пригнул голову и позволил ей погладить себя по большой лохматой голове. Диона поморщила нос.

– Великие боги, какой ты грязный! И как странно от тебя пахнет. – Диона

принюхалась. – Похоже на серу. Во что это ты вляпался? И сколько же ты скитался по лесам, что нахватал столько колючек?

Пес снова заскулил и лизнул Диону в руку. Она засмеялась.

– А ты смелый парень! Обычно я не позволяю мужчинам целовать себя. Но тебе, так и быть, разрешу.

Пес завилял хвостом и снова лизнул Диону в руку – на этот раз гораздо увереннее, чем прежде.

– Диона! – послышался из-за кустов голос Белнона. – Диона, дочь моя, ты здесь?

Диона убрала руку от морды пса и поспешно откликнулась:

– Да, отец!

Кусты раздвинулись, и на песчаную отмель, прихрамывая, вышел нелюдь с белой кожей и белыми волосами. Увидев пса, он нахмурился и спросил:

– Кто это с тобой?

– Пес. Разве сам не видишь?

Белнон уставился на лохматого пса. Тот тоже посмотрел на старика и приветливо вильнул хвостом.

– Откуда он взялся? – спросил Белнон.

– Приблудился, – ответила Диона и потрепала пса по холке. – Наверное, охотничий. Отбилась от хозяина и заплутал в лесу. Бедненький.

Диона ласково погладила пса по большой ушастой голове. Старик отвел взгляд от собаки, посмотрел на дочь своими розоватыми глазами альбиноса и сказал:

– Диона, ходок убил Шакала.

Лицо девушки оцепенело.

– Что? – не поверила она своим ушам. – Как так – убил? За что?

– Зарубил мечом. За то, что тот подслушал ваш разговор. – Белнон изучающе взгляделся в лицо дочери и вдруг спросил: – О чем вы говорили с ходоком, Диона?

– Ни о чем, – ответила она. – Это была обычная болтовня.

Белнон не сводил с лица дочери пристального взгляда.

– Ты прячешь от меня свои мысли, – грустно произнес он. – Диона, я не хочу, чтобы ты и этот ходок...

– Ты ведь сам привел его в наш стан, – перебила отца Диона. – Он помог вам бежать из полона. Разве не так?

Белнон сдвинул белые как снег брови и глухо проговорил:

– Свиток человеческого сердца темен, Диона. Некоторые письма невозможно прочесть. Даже такими зоркими глазами, как твои. Я не хочу, чтобы ты общалась с ходоком. Ты можешь мне это обещать?

На губах Дионы появилась вялая улыбка.

– Хорошо, отец, – сказала она. – Я больше не буду с ним разговаривать. Обещаю.

Белнон облегченно вздохнул и перевел взгляд на лохматого пса.

– Что ты собираешься делать с этой собакой?

Диона пожала плечами:

– Не знаю. Перво-наперво нужно его накормить. Должно быть, он очень голоден.

– У тебя слишком доброе сердце, – недовольно проговорил Белнон. И добавил после паузы: – Для нелюдя.

Старик повернулся и заковылял прочь от реки. Диона проводила его взглядом и снова погладила собаку по голове.

– Глеб убил беззащитного Шакала, – пробормотала она с горечью в голосе. – Ты можешь в это поверить?

Пес не ответил, лишь пригнул голову и блаженно прикрыл глаза. Диона вздохнула.

– Ладно, не буду об этом думать. У меня впереди много работы, песик. И знаешь... мне кажется, что я умру.

Пес глянул на Диону снизу вверх и тихонько заскулил, словно уловил ее настроение.

Диона улыбнулась и потрепала псу ухо.

– Ладно, не бери в голову. Ты, наверное, голоден? Идем, я накормлю тебя мясом!

Она соскользнула с камня и пошла к стойбищу. Пес остался стоять на месте. Диона оглянулась:

– Ну? Что же ты? Идем!

Пес не сдвинулся с места. Диона нахмурилась, подняла руку и направила ее ладонью на пса. Несколько мгновений она будто к чему-то прислушивалась, потом вздохнула и опустила руку.

– Вот оно что, – сказала Диона. – Ты все еще боишься. Ладно.

Она подошла к псу, присела рядом с ним и взглянула ему в глаза.

– Ты не должен меня бояться, слышишь? В нашем стане много таких, кто с удовольствием сожрал бы тебя. Но я не дам тебя в обиду. Отныне ты будешь моим псом. Моим, понял?

Пес вильнул мохнатым хвостом, потянулся к Дионе мордой, и она поняла, что сейчас он лизнет ее в лицо. Диона улыбнулась и подставила нос.

Глава шестая

1

Грозен и внушительен был Хлын-град в этот день. На подворье княжьих палат и вокруг толпились дружинники – кто на конях, а кто спешившись.

Все в кольчугах, с медными шелочками на головах. На ногах – сапоги с высокими голенищами. На плечах – суконные плащи с посеребренными пряжками, за спинами – круглые щиты. На поясах – мечи и кинжалы.

Но красивее и величественнее всех – воевода Ратибор. Плащ на нем пурпурного цвета, пояс украшен золотыми сверкающими бляхами. Сам Ратибор чернобород, широкоплеч и крепок, как дуб. Такого не собьешь, даже если наедешь конем.

Кони под дружинниками сильные, сытые. Сбруя отменная. На конях войлок, на войлоке потники, на потниках – черкасские седла с подпругами.

В телегах – топоры, копы и ножи для простолюдинов. Завтра все это добро разойдется по мозолистым рукам крестьян.

А возле крыльца княжеского дома слуги и приближенные к князю дружинники возбужденно обсуждают предстоящий поход. Говорят они громко, не заботясь о том, что князь может ненароком услышать их пылкие речи. В речах этих больше уверенности в грядущей победе, чем сомнения в правильности и своевременности похода.

Все это – последние приготовления перед походом. На заре решили выступить. Всадники, посланные на подмогу радимичским князем, остановились на постоялом дворе Дулея Кривого и в окрестных избах. Князь прислал в каждую избу по большой корзине с едой и по хорошей пуханке свежего сена для коней.

Советник Велигор, всюду следующий за Егрой, как тень, уговаривал князя подождать еще денек, чтобы радимичи смогли как следует отдохнуть, но князь не согласился. Опасался, что разгуляются пришлые ратники и набедокурат в Хлыни.

Отослав Велигора передать несколько поручений воеводе, князь Егра, тяжело постукивая золоченым посохом, прошел на женскую часть палат, разогнав по пути сенных девок, и остановился перед дверью Натальиных покоев. Поднял посох и постучал наваршием в дверь.

– Наталья! – позвал он.

Никто не отзывался.

Князь снова постучал. Выждал несколько мгновений и окликнул:

– Наталья, я пришел проститься! Мы выступаем завтра на рассвете. Отомкни мне дверь. Прошу тебя.

– Входи! – отозвалась из-за двери княгиня. – У меня не заперто.

Егра распахнул дверь и вошел к Наталье. Она стояла у окна и смотрела во двор.

– Доброе утро, княгиня, – поприветствовал жену Егра.

– Доброе утро, князь, – ответила она, не оборачиваясь.

Егра оглядел комнату, будто искал в ней тайный подвох, снова перевел взгляд на русский затылок жены и спросил:

– Хорошо ли почивала?

– Благодарю. Почивала.

Егра тяжело опустился на табурет и прислонил к стене золоченый посох.

– Устал я, Наталья, – сказал он. – Жизнь проходит среди забот, предательств и невзгод. Устал так, что и словами не передать.

– Устал, так отдохни, – холодно откликнулась княгиня. – Зачем воюешь?

Егра нахмурил брови и сурово проговорил:

– Не допущу, чтоб сосед лукавый процветанью княжества нашего мешал.

Наталья ничего на это не ответила. Егра помолчал, поглядывая на жену из-под сдвинутых черных бровей. Потом снова вздохнул.

– Утомился я. Правда, утомился. А тут еще ты... Ну что мы все время ссоримся, а? Ты ведь жена мне. А я твой муж. Коли одному плохо, другой поддержать должен. А ты зверем на меня смотришь. Виданное ли дело.

Наталья посмотрела на мужа через плечо не то с жалостью, не то с тоской.

– Не люб ты мне, Егра, – тихо проронила она.

– А раньше говорила, что люб, – угрюмо отозвался Егра.

Княгиня усмехнулась:

– Думала, что люб. Пообвыклась и поверила. Но потом...

Не закончив речи, Наталья замолчала. Молчала долго, но затем все же нашла в себе силы для признания и сказала:

– Я Первохода люблю.

– Что-о? – Темные глаза Егры сверкнули. – Первохода?

Он хотел подняться, но передумал и снова грузно опустился на скамейку.

– Нет его боле! – резко выпалил он. – Нет, разумеешь?

Княгиня закусил губу.

– Не верю я тебе.

– Не веришь? Я показал тебе труп! – рявкнул, побагровев, князь. – Убили твоего Первохода! Самоха убил, ясно!

Наталья нахмурилась и медленно покачала головой.

– Все одно не верю. Лжешь ты. А не ты, так твой Самоха. – Наталья надменно усмехнулась. – Чтоб такой мелкий шкодник, как Самоха, да убил Глеба-Первохода? – Она вновь качнула головой. – Ни в жизнь не поверю.

– А я говорю тебе – убил!

Наталья отвернулась к окну.

Егра облизнул губы и хотел что-то сказать, но вдруг задумался. Долго сидел в задумчивости. Потом взял посох и тяжело поднялся с табурета.

– Дура ты, Наталья, – с грустью проговорил он. – Даже если Первоход жив, не будет тебе с ним счастья. Он кто? Ходок! Конченный человек. А я, коли боги не отвернутся, стану владыкой полумира. И ты со мной. Править будешь, Наталья! Полумиром править!

– Не хочу. Не хочу ни править, ни владычествовать. – Наталья прижала руки к груди и с болью в голосе проговорила: – Я любить хочу, Егра. Любить и быть любимой.

По усталому лицу князя пробежала тень.

– Что ж мне сделать, чтобы ты меня полюбила? – спросил он. – Первохода из земли

выкопать?

Княгиня не ответила.

– Ох, коли б это помогло... – вздохнул Егра. – Выкопал бы... Сам... Голыми руками.

Он помолчал, затем сказал:

– Ладно. Вернусь из похода – поговорим. А пока прощай.

Егра повернулся и, постукивая посохом, грузно зашагал к двери. Но у самой двери остановился и глянул на княгиню через плечо.

– А ежели он тебя не любит? – спросил он. – Что тогда?

Княгиня посмотрела на князя, и он увидел, что все ее лицо осветилось. Она прижала руки к груди и выдохнула, не веря своему счастью:

– Значит, все-таки жив!

– Тыфу ты, – рассердился Егра. – Да не жив он! Сдох, как пес! В овраг его кинули и дрянью забросали! Так забросали, что не выкопаешь!

– Жив, – прошелестела одними губами Наталья. – Сердцем чую – жив.

Егра еще немного постоял у двери, с глухим, озлобленным отчаянием глядя на жену, потом повернулся и вышел из Натальиных покоев.

2

Полчаса спустя сидел Егра в своем любимом расписном кресле из резного дуба, крытом мягкими подушками и пушистым персидским ковром, и беседовал с атаманом Самохой.

– Смотри, – говорил он атаману, – теперь на тебе моя спина. Коли недоглядишь, враги мне в спину нож воткнут.

– Буду смотреть, княже, – заверил его атаман Самоха, рассевшийся на лавке.

– Коли живым из похода вернусь, награжу, – пообещал Егра. – Злата дам столько, сколько унести сможешь. И серебра – два раза по столько же. – Князь поднял голову и негромко позвал: – Велигор! Велигор!

Советник Велигор вошел в палаты и поспешно откликнулся:

– Да, пресветлый князь!

– Вели принесть вина и закусок! Трапезничать хочу и гостя своего попотчевать!

Самоха облизнулся, предвкушая вкусное княжье брашно, но из вежливости проговорил:

– Княже, стоит ли теперь, в неурочный час?

Лицо Егры помрачнело.

– Здесь часом распоряжаюсь я и сам решаю, урочный он или нет! – холодно и зло отчеканил князь.

Самоха поспешно склонил голову и смиренно проговорил:

– Прости, княже. Не подумавши ляпнул. Ты – хозяин всему, и даже самому времени.

Велигор повернулся и зашагал из палат. Вскоре советник вернулся, неся на руках тяжелый серебряный поднос с вином, кубками и яствами. Велигор поставил огромный поднос на парчовую скатерть.

– Что ж сам? – удивился князь. – Мог бы холопам приказать.

Велигор улыбнулся:

– Угодить тебе хочу, княже. Не скоро, я чай, увидимся.

Князь проницательно прищурил глаза.

– Не советник у меня, а красна девка, – насмешливо проговорил он.

Тощий Велигор нахмурился и отчего-то побледнел. Князь расценил это по-своему.

– Ладно, не обижайся, – примирительно произнес он. – И впрямь ведь надолго расстанемся. Не на день и не на два. Расставляй свои блюда.

Ловко расставил советник кубки для вина, блюда с жареной свининой, белым хлебом, яйцами перепелов, овсяной цежой и запеченными в бересте щуками – пузатыми, икраными.

Атаман Самоха смотрел на эти прелести жадными, голодными глазами. В своем стане он привык питаться обильно, но просто, и весь его рацион состоял лишь из мяса, сушеных яблок да сухарей.

– Наполни кубок, Велигор, – попросил князь. – Выпьем.

Советник взял кувшин и наполнил серебряный, украшенный самоцветами кубок доверху. Самоха протянул руку к кубку, но Велигор нечаянно задел кубок локтем, и тот упал на пол.

– Ну вот! – сердито воскликнул князь. – Пошто вином полы моешь?

– Отдадим часть пития богам – во благо князя Егры и его дружины, – спокойно ответил на это Велигор.

Егра посмотрел на своего советника удивленно. Плескать вино на пол было у князя не принято. Атаман Самоха похлопал глазами и неуверенно пробормотал:

– Так ведь не капище тут.

– Где князь, там и боги, – назидательно проговорил Велигор. – А ты впредь поперек князя не лезь. Первый кубок завсегда княжий.

– Полно тебе, – примирительно и устало произнес Егра. – Не до очередности мне сейчас.

Велигор взял кувшин и вновь наполнил серебряный кубок. Протянул его князю.

– Выпей, князь!

Егра, сидевший мрачно и молчаливо, взял кубок и поднес его к губам. Пил он долго и сосредоточенно. А когда поставил кубок на скатерть, тот был уже пуст.

– Налей теперь Самохе, – сказал Егра. – Он – моя спина и мой тыл. Коли захочет гиблая нечисть мне пинка дать, он свой зад подставит. Подставишь, Самоха?

– Подставлю, княже! – с воодушевлением ответил атаман. – И говорить нечего!

– Ну, смотри, – небрежно проронил князь.

Велигор наполнил вином второй кубок, и Самоха выпил. Князь взял третий кубок и поставил перед Велигором.

– Ну а теперь выпей и ты.

Советник послушно наполнил кубок и поднес его к сухим губам. Егра откинулся на спинку кресла, прислушался к возбужденным голосам дружинников, доносившимся со двора, и задумчиво проговорил:

– Прав ли я в тяжелой борьбе своей?

– Прав, княже, – твердо ответил атаман Самоха. – Точно прав. Побей Голядь и примкнувших к ним дикарей. Великое дело для княжества сделаешь.

Князь хотел что-то сказать, но вдруг побледнел и стал заваливаться на бок. Пурпурная накидка, скрепленная фибулой, зашуршала у него на плечах.

– Чего это? – не понял Самоха. – Князь, что с тобой?

Лысая голова Егры стукнулась о подлокотник кресла. Самоха вскочил на ноги и завопил:

– Все сюда! С князем беда!

Мгновение спустя послышался топот многих ног. Шум в коридоре нарастал, быстро приближался к двери, и вот уже палата заполнилась толпой вооруженных охоронцев.

Начальник охоронцев Ратмир подбежал к завалившемуся на подлокотник князю и нагнулся над ним.

– Пресветлый князь! – выдохнул он.

Егра открыл глаза и хрипло проговорил:

– Не кричи... В груди... давит.

В этот момент Самоха глянул на советника Велигора и удивленно открыл рот. Атаману вдруг почудилось, что вместо морщинистой рожи Велигора он увидел милое и гладкое девичье лицо.

– Я за лекарем! – выпалил советник Велигор, повернулся и понесся прочь.

Атаман тряхнул головой – после полного кубка вина и не такое померещится.

– Камень! – в ужасе крикнул вдруг главный охоронец. – Ореол Власти! Он исчез!

Самоха уставился на широкую грудь князя и обомлел. Сплетенная из золотых, платиновых и хуралуговых нитей цепка была обрезана, а черный камень, оправленный в золото, исчез.

Ратмир повернулся к Самохе и грубо схватил его за плечи, но тот отчаянно заорал:

– Велигор! Это он срезал!

Охоронец повернулся к своим людям и зычно гаркнул:

– Велигора сюда! Живо!

Четверо вооруженных ратников повернулись и, топоча тяжелыми сапогами, бросились за Велигором.

3

Заскочив в большой чулан, Рута выплюнула на пол косточку, оставшуюся от истаявшего перелица.

Тело ее свело судорогой, но Рута привыкла к боли, а потому лишь стиснула покрепче зубы.

Вернув себе девичий облик, она быстро сбросила тяжелую одежду советника и потянулась за рубахой. Но тут двери с грохотом распахнулись, и в чулан вбежали ратники.

Рута повернулась к ним и улыбнулась. При виде голой девки ратники оцепенели.

– Что ж встали, ратнички? – спросила Рута высоким, звонким голосом. – Хотели меня брать – берите!

Один из охоронцев сглотнул слюну и хрипло проговорил:

– А где ж Велигор?

– Одежда его тута, – сказал другой, указывая на расшитый золотом кафтан советника, лежащий на скамье.

– Девка с ним заодно! – понял вдруг третий охоронец и выхватил из ножен меч.

Самый рослый охоронец растопырил огромные руки и, ухмыльнувшись, протянул:

– А ну, иди сюда, милая!

Он медленно двинулся на Руту, преграждая ей путь к двери. Рута усмехнулась, и в тусклых лучах сумеречного солнца, пробивающихся в слюдяное оконце, мягко блеснули два белых крепких клыка. Она откинула рукой густые светлые волосы, бесстыже выставя себя напоказ, и спросила веселым голосом:

– Одеться-то хоть дадите? Или хотите со мною позабавиться?

– Опося оденешься, – грубо прорычал охоронец, держащий меч, и дал знак своим товарищам.

Мечи с лязгом выползли из ножен. Путь к двери был отрезан.

И тут Рута, по-звериному зарывав, бросилась на охоронцев. Первого она полоснула по горлу когтями. Из горла охоронца плеснула кровь, он захрипел и рухнул на пол.

Остальные охоронцы не растерялись и замахали мечами, но Рута оказалась проворней. С быстротою урагана передвигалась она по чулану. Вот еще один охоронец, вскрикнув, повалился на пол. Другой попытался ударить ее мечом, но отлетел к стене.

Еще один бросился на Руту с мечом, но она вдруг исчезла и мигом возникла у него за спиной. Ратник успел оглянуться, но Рута тут же схватила его за шею и сомкнула клыки на горле парня.

Расправившись с охоронцами, Рута огляделась. Она стояла посреди чулана с растрепанными, спутавшимися волосами. Губы и голая грудь ее были испачканы кровью охоронцев.

Рута скользнула к одежде и быстро натянула рубаху, сарафан и короткий беличий полушубок, который подарил ей Лагин. Затем сунула босые ноги в сапожки, подвязала волосы широкой лентой, а сверху прикрыла их красным платочком.

Черный камень Ореол она положила в корзинку, а сверху накрыла корзинку тряпицей. Выходя из палат, Рута столкнулась с тремя плечистыми, вооруженными до зубов ратниками.

– Ой! – крикнула она и заслонила лицо краешком платка.

– Ты кто? – резко спросил ее один из ратников.

– Я-то? Я, дяденька, сенная девка.

– Как зовут?

– Ружена.

– Куды идешь, Ружена?

– Я...

– Да оставь ты ее, Загор! – рявкнул второй охоронец. – Мало, что ли, дел?

Загор пристально взгляделся в лицо Руты. Затем морщины на его лице разгладились, и он сказал:

– Ступай, но будь осторожнее. Коли увидишь советника Велигора, кричи во все горло. Поняла ли?

– Поняла, дяденька.

– Ну, иди.

Рута попятилась к стене, и охоронцы затопали дальше.

На улице ее слегка ожгло солнце, но оно уже закатывалось за деревья, и боль была терпима.

За стену Рута вышла без приключений. Лишь в одном месте, недалеко от скотного двора, на нее выскочили два здоровенных сторожевых пса, но Рута зашипела на них по-змеиному, и псы, поджав хвосты и заскулив от ужаса, уползли под крыльцо.

На сердце у Руты было легко и весело. Она справилась. Ореол Власти лежит у нее в корзинке, и Рута скорее расстанется с жизнью, чем отдаст его кому-нибудь. Она представила себе улыбочное лицо Лагина и улыбнулась сама – господин будет доволен!

4

Суета и неразбериха в покоях царила страшная. Охоронцы то и дело входили и выходили, хлопая дверьми, лекари отзывали друг друга в угол и там монотонно шушукались – бу-бу-бу. Холопы бестолково метались по покоям, многие из них плакали, кое-кто даже в голос.

Когда в покои вошла княгиня Наталья, поначалу на нее даже никто не обратил внимания. Но вот она оттолкнула от себя холопа, который преграждал дорогу, и сурово крикнула:

– Где он?

Тотчас суета прекратилась, все уставились на княгиню.

– Ох, матушка княгиня... – первым выдохнул лакей Липок. – Беда-то какая!

И тут снова все загалдели. Наталья поморщилась и крикнула:

– Тише вы, окаянные!

Дождавшись тишины, она прошла к кровати мужа, остановилась в шаге, глянула на притихших лекарей и сухо спросила:

– Что с ним?

Лекари переглянулись. Заговорил самый старший из них.

– Пресветлая княгиня, – старчески забормотал он, – случилось великое горе. Советник Велигор опоил князя ядовитым зельем и похитил камень Ореол.

Черные брови Натальи сошлись на переносице.

– Велигора схватили? – спросила она.

Вперед выступил начальник охоронцев Ратмир.

– Пресветлая княгиня, Велигора мы не поймали, – хмуро сказал он.

По лицу Натальи пробежала тень.

– Почему? – угрюмо спросила она.

– Он убил четырех охоронцев и сбежал. Мои люди обыскали все, но не нашли его следа.

Несколько секунд Наталья размышляла, затем тряхнула головой и грозно приказала:

– Всем прочь! Остаться только лекарям!

Верзила Ратмир, возвышающийся над Натальей на две головы, сдвинул брови и строго проговорил:

– Мы не можем оставить князя, княгиня. Мы должны его охранять.

– Вы его уже охоронили, – ледяным голосом отчеканила Наталья. – А теперь прочь отсюда! Прочь, или я велю растянуть тебя на дыбе!

Ратмир еще несколько мгновений постоял, переминаясь на месте, затем громко приказал:

– Делайте, как велит княгиня!

И первым зашагал к двери.

Когда охоронцы и лакеи вышли из покоев, Наталья присела на скамью, взяла большую руку князя Егры и поднесла ее к своей щеке.

– Что же ты? – тихо проговорила она, прижав руку Егры к своей щеке. – Учил меня осторожности, а сам...

Наталья замолчала. На ее длинных ресницах заблестели слезы.

Старый лекарь кашлянул в кулак и заговорил:

– Пресветлая княгиня, мы...

– Вы исцелите его? – вскинула ломкую бровь Наталья.

Лекарь рассеянно глянул на своих собратьев. Те быстро отвели глаза. Он вновь посмотрел на княгиню и сказал:

– Мы сделали все, что положено делать в таких случаях. Но лучше князю не стало. Теперь мы уповаем лишь на помощь богов. На капищах уже разожгли жертвенные костры.

Княгиня вгляделась в обострившееся и овосковевшее лицо мужа. Затем властно приказала:

– Лекари, вон отсюда!

Лекари поспешно поднялись с лавки и, не произнеся ни слова, гуськом вышли из покоев.

Долго Наталья сидела молча, держа князя Егру за руку и разглядывая его лицо. Пять лет они были мужем и женой, делили радость и печаль. За пять лет Наталья так и не смогла родить князю наследника, и это было ее незатухающей болью.

И вот Егра лежит при смерти, а Наталья только сейчас поняла, как дорог ей муж.

Она помнила еще ту далекую пору, когда он был статен и красив. Он и теперь был красив, несмотря на грузность и лысину. Тот же чеканный, горделивый профиль, что и несколько лет назад. Те же черные, вразлет, брови. Так же гордо и надменно сомкнуты его губы. Человек, который никогда и никому не проигрывал. И вот теперь он проиграл. Или... еще нет?

Внезапно в душе княгини вскипела ярость. Почему этот красивый, мудрый и гордый мужчина должен умереть? Только потому, что какой-то негодяй решил завладеть Ореолом?

Лекари сказали, что уповать теперь можно лишь на богов.

Полноте, так ли это на самом деле? А что, если боги решили понаблюдать, что будет делать княгиня Наталья – и в зависимости от этого вынести свой приговор – наградить или погубить.

Наталья поднялась с лавки и громко позвала:

– Лекари и Ратмир – ко мне!

Дверь отворилась, и в покои вошли три тихих, настороженных лекаря и долговязый угрюмый Ратмир.

– Слушаю тебя, пресветлая княгиня, – пробасил он, хмурия брови.

Наталья указала охоронцу на лекарей:

– Ратмир, видишь этих людей?
– Да, княгиня. Это целители.
– Ты прав. Они целители и исцелят моего мужа. А если нет, то я сама их «исцелю». Приставь к ним своих людей и гляди, чтобы не сбежали. За каждого отвечаешь головой.
– Княгиня, да как же это! – запричитал пожилой лекарь.
– Сжался, матушка! – хором возопили другие.
Наталя на них даже не взглянула.
– Ратмир, ты все слышал? – холодно спросила она.
– Все, княгиня, – отозвался начальник охоронцев.
– Что до Велигора – то советника поймать и бросить в темницу! – еще суше и холоднее проговорила Наталя. – Коли через три дни не поймаешь, отправишься на дыбу сам. Это все.
Княгиня повернулась и вышла из покоев. Несколько мгновений все стояли молча, пораженные переменой, произошедшей в княгине. Потом Ратмир сверкнул глазами на лекарей и грозно проговорил:
– Чего рты разинули, целители? Исцеляйте!
Он хотел выйти, но старый лекарь схватил его за рукав и сказал:
– Расскажи обо всем жрецам, охоронец.
– Умоляем, расскажи, – проблеял второй лекарь.
– Пусть посодействуют, – шмыгнув носом, попросил третий.
Ратмир хмыкнул и угрюмо произнес:
– Слышали ведь – сам хожу под топором ката. Исцелите – одарит, не исцелите – не сидеть нашим головам на плечах. Лечите и молитесь, братья. На все воля богов!
И он вышел из покоев, оставив лекарей наедине с умирающим князем.

5

Рута, прижав к груди корзинку с черным камнем, опрометью неслась по сумеречному лесу.
И вдруг из-за дерева вышел оборотень. Он был обращен лишь наполовину – вышел на двух ногах и руки имел растопыренные, человечески, однако на сутулых, поросших серой шерстью плечах его красовалась волчья голова.
Рута остановилась и испуганно прижала к себе корзинку.
Оборотень раскрыл утыканную зубами пасть и сипло пролаял:
– Куда... путь держишь... девица?
– Шла к родичам в Топлево, да заблудилась, – пробормотала Рута. Потом набралась смелости и спросила дрогнувшим голосом: – Дяденька, а ты волк или человек?
Оборотень засмеялся хриплым, лающим смехом.
– А я, девица, ни то и ни другое.
Оборотень «отлип» от дерева и шагнул к Руте. Она, прижимая к груди корзинку, отступила.
– Кто же ты такой, дяденька? – подрагивающим голосом спросила Рута.
– А я, девица, оборотень, – просипело чудовище. – Слыхала про таких?
Губы девки дрогнули.
– Ты теперь меня съешь? – сдавленно спросила она.
Оборотень вновь засмеялся леденящим душу смехом и вдруг опустился на четвереньки.
Тело твари задрожало, выгнулось дугой и стало обрастать шерстью. Прошло несколько мгновений, и перед Рутой стоял уже не полуволок, а огромный косматый оборотень. Глаза чудовища полыхнули красным огнем, оно зарычало и припало к земле для прыжка.
Рута переложила корзинку в левую руку и напряглась. Мгновение – и зверь взмыл в воздух. Лицо Руты обдало горячим гнилостным дыханием, а красные глаза оборотня полыхнули в локте от ее лица.
Однако она ждала прыжка и успела к нему подготовиться. Ловко увернувшись, Рута

схватила волка за косматый загривок и вскочила ему на спину.

– Заклинаю тебя мертвой кровью и ядовитыми клыками! – крикнула она. – Неси меня, лесная тварь, к моему повелителю!

Оборотень рыкнул и серой стрелой понесся через лес. Валежник хрустел под огромными лапами, ветки деревьев хлестали Руту по лицу, и холодный ветер обдувал свежие ссадины, но она ничего не чувствовала и думала лишь о том, чтобы не упасть, не слететь сухим листом с горбатой волчьей спины.

Пальцы девушки судорожно вцепились в густую шерсть чудовища. Подчиняясь заговору, оборотень неся через лес, не зная усталости и сомнений. Бег его был так скор, что проносящиеся мимо деревья сливались в черную стену. Рута потеряла счет времени.

Долго ли, коротко ли бежал оборотень через Гиблую чащобу, но пришлось ему время остановиться.

Посреди лужайки, освещенной зыбким светом луны, стоял высокий человек с длинными седыми волосами. Он поднял правую руку, и оборотень сперва умерил бег, а затем и вовсе остановился, едва не ткнувшись человеку носом в колени.

Несколько мгновений оборотень стоял, широко расставив ноги и хрипло дыша. Затем, отплевываясь, просипел:

– Тьфу ты, позорище... Девчонка оседлала...

– Поди прочь, пока я сам тебя не оседлал! – грозно проговорил Лагин.

Оборотень пугливо пригнул голову, повернулся, прыгнул в кусты и был таков.

Лагин обернулся к Руте и протянул руки ей навстречу. Она бросилась к Лагину, и он с улыбкой заключил ее в объятия.

– Ловко ты его! – весело сказал стригой.

– Пусть благодарит, что не убила, – с холодной усмешкой отозвалась Рута.

Лагин поцеловал девку в макушку и отодвинул ее от себя. Взглянул ей в глаза и нетерпеливо спросил:

– Ну? Принесла?

– Да!

Рута протянула Лагину корзинку. Вурдалак взял корзинку и на секунду задержал свои пальцы на пальцах Руты. Щеки девушки порозовели, и она преданно и влюбленно взглянула на своего повелителя.

Лагин откинул тряпицу и запустил пальцы в корзинку. Достал камень, поднес его к глазам. Понюхал, помял немного в пальцах, снова посмотрел и вдруг рывком:

– Это не он!

– Как же не он, когда он, – пролепетала, бледнея, Рута. – Я его с шеи князя срезала.

– Говорю тебе – это не Ореол, не камень Власти! Ты что же это – обманывать меня вздумала?

Лагин хотел схватить Руту за горло, но она увернулась и, отскочив к дереву, зашипела, как дикая кошка. Глаза Лагина распахнулись от изумления.

– Пасть на меня раскрываешь? На меня, своего хозяина? Ах ты...

Он молниеносно вскинул руку, схватил Руту за горло и поднял ее над землей. Рута вцепилась пальцами в его холодную руку, пытаясь оторвать ее от себя.

– Не обманывала я тебя... – прохрипела она. – Этот камень был у князя... Пощади...

Но Лагин уже не мог остановиться. Ярость захлестнула его. Глядя в затухающие глаза девки, он все крепче и крепче сжимал ее шею. Наконец в шее Руты хрустнуло, и вурдалак разжал пальцы.

Девка рухнула на землю.

Лагин отер руку о штаны и взглянул на мертвое девичье тело. Жаль было Руту. Ох, как жаль. Расторопная была девка. А уж какая смелая!..

Лагин вздохнул и с досадой сплюнул на землю. Теперь придется искать нового помощника.

Оборотень Гридя Беззубый усмехнулся и полной грудью вдохнул прохладный ночной воздух. Это только человеком он был Беззубый. А когда обращался в зверя, то зубы у Гриди вырастали отменные.

Отменные... А что толку, если даже девчонка может помыкать им, как хочет, нашептав незатейливый заговор? Гридя рыкнул и мотнул головой. Стыд-то какой... Он готов был завывать от обиды, и сдерживало его от воя только одно: он вознамерился отомстить.

Гридя поднял морду по ветру и осторожно понюхал воздух. Ага, вот и перемены. Страшный упырь ушел и унес с собой свой жуткий запах. Теперь девчонка осталась одна.

Гридя пригнул голову и побежал на запах. Ветер был ему помощником, и упыри наверняка ни о чем не догадаются.

Мысли с трудом шевелились в волчьей башке Гриди. Главные два чувства, которые руководили его поступками, были голод и тоска. Голод он давно научился терпеть, а вот тоску в сердце заглушить никак не удавалось.

Два месяца назад был дядька Гридя странствующим плотником. Бродил со своим деревянным кузовком по селам и городам. Одному сделает дверь, другому поправит покосившуюся вереву, третьему починит телегу. Везде находилась работа для Гриди, жил он и ни о чем не тужил. Богачом не был, но и зубы на полку от голода класть не приходилось. Да и не было у него зубов-то – с тех пор, как вступился у кружала за дочку целовальника и вышел на бой сразу против трех пьяных возниц.

Возницы тогда здорово намяли ему бока. Поломали два пальца на левой руке и выбили почти все зубы. Пальцы вскоре поправились, а вот зубы новые не выросли.

Но не сильно-то переживал из-за них плотник Гридя. Коли давали сухарь – размачивал его, перед тем как съесть, в воде; коли перепал кусок мяса – мелко-мелко строгал его ножиком.

А люди, видя такую его увечность, жалели Гридю и давали ему сверх платы то репку, то пучок укропа. В общем, жил себе Гридя Беззубый и не тужил, пока не стрясась с ним эта беда.

У людей, которым он чинил амбар, была дочка – безобидная тощая дурочка Либушка. Однажды ночью кто-то поймал Либушку на гумне и насильничал ее так, как насильничают только овец да коз.

Утром Либушка обо всем рассказала родителям и показала им порванное в кровь заднее место.

Обвинили сельчане во всем пришлого Гридю. Дескать, это он забрался ночью на гумно, чтобы поживиться зерном, застал там дурочку и, не удержавшись, насильничал ее неповадным образом.

Гридя пробовал объяснить, но не слушали его мужики и стали бить. Плотник терпел. Думал, отведут мужики душу и отпустят. Но когда двое бьющих его вымотались, на подмогу им прибежали еще пятеро, а за ними – их жены с вилами да топорами.

Женщин Гридя боялся больше всего. Мужик побьет-побьет да и успокоится. А коли за дело возьмутся бабы, то не угомонятся, покуда не забьют человека насмерть.

Вскочил тогда Гридя Беззубый на ноги и припустил, хромя, к лесу. Бабы с криками бросились за ним. Страх придал плотнику силы, и он долго бежал без усталости. А когда за спиной остались три версты, рухнул под куст ракитника и затих.

Бабы досюда не добежали. Слава богам, бегали они не так шибко, как мужики.

Гридя облегченно перевел дух и вдруг увидел, что в кустах он не один. В полусажени от него лежал на земле щуплый белобрысый паренек. Лежал на спине, уставившись глазами в небо, с жеваной травинкой во рту.

– Ты чего? – спросил его Гридя.

Парень покосился и ответил серьезно:

– Ничего. Лежу.

– А зачем лежишь?

– На небо люблюсь. Больно оно мне нравится.

Гридя посмотрел сквозь кусты на лес. Вокруг было пусто и тихо. Гридя облегченно вздохнул – стало быть, теперь уж не достанут. Он снова повернулся к парню и признался:

– А я, слышь, от баб сбежал.

Парень глянул на избитую физиономию Гриди и спросил:

– Это они тебя так разукрасили?

Гридя усмехнулся.

– Куда там – мужики! Коли бабы, так не убег бы. Затыкали бы вилами насмерть. А потом бы еще по земле за волосы тягали. Знаешь ведь, какие они.

– Да уж знаю, – сказал на это парень, отвернулся и снова уставился в небо. – Меня самого бабы сгубили.

– Как это? – не понял Гридя.

– Да вот так. Поймали ночью в хлеву и сгубили.

– В хлеву? – Гридя нахмурился. – Так ты вор, что ли?

– Был вор, – отозвался парень.

– А теперь?

– А теперь оборотень.

Гридя посмотрел на парня недоверчиво.

– Языком-то не чеши. Какой же ты оборотень?

– Оборотень, – просто сказал парень. – Клянусь Велесом и Чернобогом. Гляди, какой зуб.

Парень поднял пальцами верхнюю губу и показал Гриде острый, будто у пса, зуб, крепко приделанный к лиловой десне. Гридя сглотнул слюну и хрипло поинтересовался:

– И как ты теперь – оборотнем-то?

– Чего «как»? – не понял парень.

– Не страшно?

Парень покачал головой:

– Не. Это я человеком боялся. А как только обернулся, так бояться перестал. Теперь живу без страха.

– Ишь ты, – завистливо протянул Гридя. – А я, слышь, всего боюсь. Мужиков – что побьют. Баб – что осмеют да обидят. Даже детей малых бояться стал. Жестокие они, дети-то. А ты, значит, ничего теперь не боишься?

– Ничего, – подтвердил парень.

– Надо же. – Плотник покачал головой. – Вот бы и мне так.

Парень повернул голову, посмотрел на Гридю красноватыми, как после бессонной ночи, глазами и предложил:

– Так давай.

Гридя зябко передернул плечами.

– Да боязно как-то.

– А чего бояться-то? В село тебе теперь ходу нет. А слухи про тебя и до соседних сел долететь могут. Не простят ведь бабы. Поколят вилами и в овраг бросят.

Гридя снова забеспокоился.

– Так ведь не я девку насильничал! – взволнованно воскликнул он. – За что меня колоть?

Парень усмехнулся.

– Тебя и спрашивать не станут, – сказал он. – Людям правда не нужна. Они кривдой живут. Вот поколят тебя и сразу успокоятся.

Гридя задумался. Парень говорил правду: к людям плотнику теперь ходу нет. Даже если он уйдет далеко. Не узнают сегодня – узнают завтра. А узнают – вмиг кончат.

– Слышь-ка, парень, – негромко окликнул Гридя. – А не больно это?

– Что? Превращаться?

Гридя кивнул:

– Да.

Парень покачал головой:

– Нет, не больно.

– Тогда давай, – сказал Гридя и протянул руку.

– Чего? – не понял парень.

– Обращай.

– А, ты про это. Что ж... как скажешь.

Он взял руку плотника, поднес ее к лицу и вдруг резко вцепился в нее зубами. Гридя закричал и отдернул руку. На запястье его темнел багровый рубец, и из него капала на траву кровь.

Гридя болезненно поморщился и спросил:

– И чего дальше?

– Теперь жди, – сказал парень, вытирая рукавом губы.

– Чего ждать-то?

– Пока помрешь.

– Помру?

– Угу. Чтобы заново родиться, нужно сперва помереть.

– А-а. – Гриня закрыл глаза и приготовился ждать.

Час спустя он уже бежал со своим новым знакомым по ночному лесу. Парня звали Боброк, и, несмотря на юный возраст, он был сильным и умелым охотником.

Несколько недель они бегали по лесам вдвоем. Вдвоем загоняли дичь, вдвоем рвали ее зубами на части. Вдвоем делали вылазки в села и воровали собак, детей и баб.

С бабами Гридя расправлялся с особенным удовольствием, мстя им за свое обращение в зверя. Кусал их, жрал их плоть и думал мстительно: «Хотели меня убить? Ну вот – теперь я мертвый. Хорошо ли вам от этого стало?»

Однажды, когда Гридя и Боброк сидели у ручья и отдыхали после удачной охоты, Боброк вдруг сказал:

– Слышь, Гридя!

– Чего? – отозвался тот.

– Девку-то я снасильничал.

– Чего? – не понял Гридя. – Какую девку?

Боброк отвернулся, сунул в зубы травинку и стал смотреть на луну. Долго смотрел он на луну, а Гридя долго смотрел на Боброка. Потом сказал:

– Значит, это ты ее. А зачем?

– По злобе душевной, – ответил Боброк. – Отчего такая дурочка живет и всеми любима, а я – изгой и мразь?

Гридя недоверчиво нахмурился.

– Так ты завидовал ей, что ли?

– Может, и завидовал, – ответил парень.

Гридя угрюмо поджал губы и посмотрел на Боброка.

– Слышь, Боброк, я тебя теперь не отпущу, – заявил он.

– Чего?

– Убью я тебя теперь, – пояснил Гридя.

– А-а, – протянул парень с ухмылкой. – Ну, давай.

Несколько мгновений оба сидели, а потом разом, как по команде, вскочили на ноги и стали обращаться в оборотней, спеша опередить один другого.

Едва покрывшись шерстью, чудовища зарычали и бросились друг на друга.

Схватка была жестокой, в стороны летела выдранная шерсть, капала на траву кровь из ссадин и ран. Долго бились оборотни – наконец утомились.

– Может... хватит? – пролаял Боброк, хрипло дыша. – Истечешь ведь... кровью.

– Пускай истеку... – пролаял в ответ Гридя. – Все одно... тебя сгублю.

И он снова бросился на своего бывшего приятеля.

Долго длилась драка. Почти до самого рассвета. А когда разжал Гридя зубы и упал обессиленный на траву, на труп Боброка не было целого места. Да и сам Гридя был изранен до полусмерти.

Лежал бывший плотник на траве, смотрел на небо и думал про себя – коли успеют раны затянуться до рассвета, то выживет оборотень Гридя. А не успеют – так сдохнет и сгниет за час, как гнили мертвые оборотни.

Хоть бы не успели...

Но боги Велес и Чернобог не захотели прибрать Гридю к рукам. Видать, было ему другое предназначение. За полчаса до рассвета раны оборотня затянулись, и с травы он поднялся почти таким же сильным, каким был три часа назад, до своей битвы с Боброком.

Встал, пошатался немного, пока лапы не обрели твердость, потом повернулся и, не глядя на мертвого товарища, побежал в глубь Гиблой чащобы.

7

Добежав до черного куста бузины, за которым открывалась прогалина, куда он домчал девку, Гридя остановился. Он снова понюхал воздух. Затем медленно двинулся вперед, бесшумно ступая лапами по волглой земле.

Вот и она. Лежит на траве, недвижима. Голова свесилась набок, а изо рта торчит выпавший язык. Кончилась упыриха. Должно быть, тот страшный упырь убил ее. Сломал шею, вышиб мозги или еще как-нибудь. Упыри – народ живучий, но сгубить можно и их.

Оборотень, торжествующе зарывав, подошел к девчонке. Жаль, конечно, что он сам не оторвал ей башку, но уж поглумиться над телом ему никто не помешает.

Гридя успел лишь раскрыть пасть, как вдруг руки девки взметнулись вверх и крепко схватили оборотня за обвислые уши. Гридя дернулся с перепугу, но девка не выпустила его ушей, она вскинула голову и впилась зубами ему в горло.

Оборотень взвыл и попробовал вырваться. От неожиданности он совсем забыл про клыки. В голове ухнуло колоколом – бежать! И он снова рванулся. Но зубы маленькой упырихи разорвали ему глотку, а ее рот, подобно огромной алой пиявке, стал пить из него кровь – большими судорожными глотками.

Когда Рута выпустила Гридю, он уже не был тем огромным, сильным зверем, каким она увидела его впервые. Тощий, иссохшийся, дрожащий, рухнул оборотень на землю и заскреб по валежнику бессильными лапами.

Рута сорвала пучок травы и тщательно вытерла перепачканный кровью рот. Гнев сделал ее сильной, а жалости она не знала с тех пор, как обратилась в упыря.

На труп оборотня она не смотрела. Мысли Руты были лишь об одном: господин предал ее! А ведь она все сделала, как он велел. Она рисковала собственной шкурой ради того, чтобы он получил то, что хотел. И где благодарность? Он просто использовал ее, а потом придушил, как шавку.

Рута прикусила клыками губу, и струйка черной крови стекла ей на шею.

Повелитель?.. Нет, больше он ей не повелитель. Неблагодарная гадина – вот он кто!

Ну, ничего. Мужик легко может обидеть девку, но она теперь не просто девка.

Вурдалачиха поднялась в полный рост, сама не заметив, что стала выше на два вершка, подняла к луне странно вытянувшееся лицо и завывала зловещим, тоскливым воем голодного оборотня:

– У-у-у-у...

8

Четыре дня прошло с того момента, как хлынская дружина ушла на север. Соглядатаи

Бычеголова донесли – князь Егра все еще лежит без сознания, окруженный лекарями и ведунами.

Дружина, во главе с воеводой Ратибором, отправилась в поход без своего князя. Поначалу Ратибор и другие воины сомневались, но княгиня Наталья сумела убедить их, что поход необходим и что отмена его будет воспринята врагами как слабость, а друзьям даст повод для сомнений.

Тысяцкими, наряду со своими – русами, Ратибор назначил двух пришлых варягов-свеев – Сигурда и Харальда.

Вскоре пришли первые вести о походе, и вести эти были неутешительны для хлынцев. Поговаривали, что дружина Ратибора увязла в болотах и попала «в клещи». Отряд всадников, присланный на подмогу Егре радимичским князем, был полностью разбит совместными силами Голяди, болгар и примкнувших к ним северян.

Воевода Ратибор со своим войском выбрался из болот, но тут же попал в окружение. Дальше – хуже. Полоцкий князь Товтивил, узнав, что Егра помер, отменил свое соглашение о нейтралитете и двинул дружину на помощь Голяди.

Эта весть порадовала Бычеголова. Он решил более не ждать и выдвигаться на Хлынь. Города и села русов находились под защитой малочисленных отрядов княжских охоронцев. Они были отлично вооружены, но, благодаря кузнецу Вакару, нелюди были вооружены ничуть не хуже.

Стан за последние дни разросся. Там и тут мелькали черные тени волколаков и оборотней. Чудовища делали вид, что не замечают друг друга. Поодаль ото всех сидела, тупо таращась на костры, орда упырей. Диона нагнала на них столбняк, и до ее позволения они не могли пошевелиться.

Несколько часов кряду двадцать нелюдей ходили между упырями с ведерками, наполненными травяной мазью, и замазывали гнилые рожи, шеи и руки живых мертвецов, чтобы они не обуглились на солнце.

Оборотни и волколаки лакали травяной настой, сделанный ученым мужем Лагиным, прямо из тазов. Настой должен был обезопасить их от солнца до следующих сумерек.

Вечером, накануне выступления, Глеб Орлов сидел на бревне, у пылающего костерка, и смотрел на угли. У ног его стоял кувшин с водкой.

– Один... – тихо проговорил он. – Опять один.

Рядом хрустнула ветка. Глеб вскинул голову и увидел крадущегося мимо маленького нелюдя.

– Эй! – грозно окликнул он. – А ну – поди сюда!

Коротышка остановился и испуганно глянул на Глеба.

– Поди сюда! – повторил тот. – Да не бойся, я тебя не съем! – Глеб усмехнулся и добавил: – Уж скорее ты меня.

Нелюдь опасливо подошел. Глеб хлопнул по бревну рядом с собой:

– Садись! Отдохнем, смоем кровь с клыков.

Нелюдь послушно сел.

– Как тебя зовут? – спросил Глеб.

Нелюдь произнес какой-то маловразумительный звук.

– Гуингмр? – переспросил Глеб, морща лоб.

Нелюдь отрицательно качнул головой и повторил свое имя. Глеб снова наморщил лоб.

– Ни черта не понял. Ладно, буду звать тебя Анчуткой. Не возражаешь?

– Нет, – ответил нелюдь.

– Вот и прекрасно.

Глеб налил водки в оловянный стаканчик и залпом выпил. Занюхал пучком сухой травы и швырнул траву в костер. Пламя с тихим перещелком взвилось ввысь, озарив лица Глеба и смущенного нелюдя.

– Ты, наверное, тоже людей не любишь, – сказал Глеб. – Не любишь ведь?

– Не люблю, – признался коротышка.

– А почему?

Нелюдь сдвинул брови и ответил:

– Они злые.

– Но ведь не все же?

– Все.

Глеб хмыкнул и поворошил палкой костер.

– Ты-то откуда знаешь? Ты небось людей только на картинках видел. Хотя... какие у вас тут, к черту, картинки.

Глеб бросил палку, поднял с земли кувшин и снова наполнил оловянный стаканчик. Подумал и протянул стаканчик нелюдю.

– Выпей со мной, мутант. Одному пить тягостно.

Нелюдь послушно взял стаканчик. Глеб решил пить прямо из кувшина.

– За победу коммунизма на всей земле! – провозгласил он и отхлебнул водки.

Потом закусил сухарем и куском вяленого мяса. Другой кусок дал Анчутке.

– Жуй, чудовище.

Нелюдь взял мясо, откусил кусочек и принялся меланхолично жевать. Пожевал-пожевал, а потом вдруг спросил:

– А кто он?

– Кто? – не понял Глеб.

– Комунизма, за которого мы пили.

– Коммунизм? – Орлов улыбнулся. – Ну, это, брат, такая штука... Даже не знаю, как тебе объяснить.

– Чудовище? – подсказал Анчутка.

Глеб качнул головой:

– Да нет.

– Человек?

– Нет. Скорее... просто выдумка. О том, что когда-нибудь все люди на земле станут равны и никто никого не будет обижать.

Анчутка подумал и сказал:

– Это плохо.

– Почему? – удивился Глеб.

– Коли люди перестанут промеж собою драться, они начнут бить нелюдей.

– Почему это?

– Потому что кого-нибудь всегда бьют, – со вздохом ответил Анчутка.

Глеб посмотрел на него удивленно:

– А ведь ты прав. Сильные всегда обижают слабых. Так уж устроен мир. Давай еще по пятьдесят капель?

– Давай, – кивнул Анчутка и поставил стаканчик.

Глеб накапал ему водки.

– Пей, Анчутка. Пей, пропащая душа.

Глеб чокнулся с Анчуткиным стаканчиком своим кувшином, запрокинул голову, хлебнул водки и закашлялся. Водка стекла ему по подбородку за ворот рубахи.

– Твою мать!.. – выругался Глеб.

Анчутка испуганно вскочил с бревна и хотел дать стрекача, но Глеб поймал его за шиворот и снова усадил на бревно.

– Не бойся, – произнес он миролюбиво. – Я сегодня добрый. Полгода назад я бы тебя шлепнул, не раздумывая. Открутил бы тебе башку и продал Баве Прибытку.

Анчутка поежился и с тоской посмотрел в сторону стойбища.

– Но сейчас я добрый, – повторил Глеб. – А знаешь, что меня сделало таким добрым?

– Нет, – пробормотал нелюдь.

Глеб поднял указательный палец и назидательно проговорил:

– Любовь. Любовь вообще страшная сила, брат. Вот скажи мне, Анчутка, ты когда-нибудь любил?

Нелюдь испуганно округлил глаза.

– Вижу по глазам, что да, – заключил Глеб. Он усмехнулся и толкнул нелюдя плечом. – Наверное, она была какой-нибудь десятипудовой слонихой с тремя рядами грудей? Мелкие парни любят больших девок. Надеюсь, она не разбила тебе сердце?.. Нет? Ну и хорошо.

Глеб снова приложился к кувшину. Поморщился, вытер рот тыльной стороной ладони и сказал:

– Знаешь, дома... в моем времени... Там есть одна девчонка. Зовут Катя Королькова. Ты не подумай, у нас с ней ничего не было. И тут у вас тоже есть одна. Она очень похожа на Катьку. Не только лицом, но всем... Вот я и думаю: может, когда я смотрю на Диону, я вижу Катьку Королькову? Или, наоборот, когда я вспоминаю Катьку, то представляю на ее месте Диону? Понимаешь, о чем я?

Нелюдь покачал головой и сипло пробормотал:

– Нет.

– Да... – вздохнул Глеб. – Это сложно. Я и сам разобраться не могу. Знаешь, о любви вообще нельзя говорить прозой. Только стихами. Вот, послушай...

И медленно пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна...

Ну, как тебе? Красиво, правда?

– Правда, – кивнул коротышка.

Глеб обнял его и потрепал за мохнатое плечо.

– Я знал, что тебе понравится. Слушай, давай будем друзьями? У меня тут, в вашем гадюшнике, совсем нет друзей. Не то чтобы я в них нуждался, но все же... Так как? Будешь моим другом?

Анчутка опасливо повел плечами и спросил:

– А что мне за это будет?

– Что будет? – Глеб хмыкнул. – Выиграешь путевку в Америку! А что, там сейчас хорошо. Могикане снимают скальпы с ирокезов. Ирокезы снимают скальпы с апачей. Жизнь кипит.

Глеб отхлебнул из кувшина, поморщился и заел водку куском вяленого, подернутого плесенью мяса.

– Какая гадость эта ваша заливная рыба... – с омерзением проговорил он. – Эх, сейчас бы копченой колбаски. «Брауншвейгской». Или, на худой конец, «Московской». Да что там копченой – простая варенка бы подошла. Эй, Анчутка, ты «Докторскую» колбасу ешь?

– Ем, – кивнул, пьяно улыбаясь, нелюдь.

– А маринованные огурчики любишь?

– Люблю, – снова кивнул Анчутка, ословело поблескивая глазами.

– А селедочку с лучком? Потребляешь?

Анчутка кивнул:

– Потребляю.

Глеб усмехнулся и хлопнул нелюдя по плечу.

– Наш человек! Когда буду возвращаться домой, возьму тебя с собой. Познакомлю с друзьями... Яшка Фендель тебе понравится. Он тоже философ, как и ты.

Глеб икнул и поморщился.

– Слушай, а давай споем? Есть такая песня... Погоди, как же там.

People are strange...

When you're a stranger
Faces look ugly
when you're alone...

Глеб оборвал песню и покачал головой:

– Нет, эта песня для тебя сложновата. Давай что-нибудь наше, русское...

Он положил локоть на колено, а щеку на ладонь и грустно запел:

Ой, то не вечер, то не вечер...
Мне малым-мало спалось.
Мне малым-мало спалось.
Ой, да во сне привиделось...

Анчутка разомкнул губы и стал негромко подвывать. Глеб спел еще один куплет. По его теплой щеке, согретой жаром углей, скатилась слеза.

9

Ворон стоял у шатра Бычеголова и прислушивался к диким звукам, доносившимся с окраины поля, где устроился ходок Глеб-Первоход. В отблесках далекого костра были видны две фигурки, высокая и маленькая, марширующие вокруг шатра и горланиющие песни на два голоса. Ветер донес до чуткого слуха Ворона обрывок какой-то абракадабры:

Вот – новый поворот!
И мотор ревет!
Что он нам несет?
Пропасть или взлет?
Омут или брод?..

К Ворону подошел нелюдь Измар. Остановился, прислушался и удивленно спросил:

– Чего это они?

– Песню поют, – мрачно ответил Ворон.

Измар нахмурился.

– С каких это пор наш Кирлымкумайрген стал петь песни на языке русов?

– Рус его водкой напоил, – сказал Ворон.

– Водкой? В Гиблой чашобе? Где ж он ее достал?

– Рус всегда водку достанет. – Ворон отвернулся и угрюмо распорядился: – Смени дозорных и ложись спать.

– Сделаю, – кивнул Измар.

Ворон дождался, пока он уйдет, вновь посмотрел на марширующие вокруг костра фигурки, сплюнул на землю, повернулся и зашагал к шатру Бычеголова.

Бычеголов сидел на камне и вошил тетиву лука. Завидев Ворона, прищурил глаза и спросил:

– Чего не спишь?

– Не спится, – ответил Ворон. – Так, значит, завтра выступаем?

– Да.

– Наконец-то.

Бычеголов перевернул лук и посмотрел на собрата насмешливым взглядом.

– Не терпится сунуть башку в огонь?

– Пусть и в огонь, – хмуро отозвался Ворон. – Главное, запихать в этот огонь побольше русов.

Бычеголов хмыкнул и снова занялся своим луком. Ворон заметил, что огромные

шишки на черепе вождя прорвались, обнажив острия костяных рогов.

Ворон несколько секунд молча следил за работой Бычеголова, потом заговорил снова:

– Ты правда намерен отдать княжий трон упырю?

– Ты про Лагина? – Вождь качнул головой: – Нет. Упырь не будет княжить.

– Лагин упрям и самолюбив. Трудно будет отговорить его.

– Я не буду его отговаривать. Я просто его убью.

Ворон взглянул на вождя недоверчиво.

– Он силен.

Бычеголов пожал могучими плечами.

– Я тоже. Да и ты мне поможешь. Вдвоем как-нибудь со-владаем.

– Этот упырь не простой упырь, – возразил Ворон. – Он умеет летать.

– Значит, придется оборвать ему крылья, – небрежно проговорил Бычеголов.

Ворон хотел идти, но передумал. Снова посмотрел, как вождь воцаряется на своем огромном троне, и спросил:

– Что говорит Белнон об исходе битвы?

– Ничего, – ответил Бычеголов. – Говорит, что будущее окутано черным туманом и сквозь этот туман трудно что-нибудь разглядеть.

Ворон помедлил пару секунд, собираясь с духом, и негромко поинтересовался:

– А Диона? Ты спрашивал ее?

Бычеголов сверкнул на Ворона недобрыми глазами.

– Нет.

– Но...

– Иди, ложись спать. Завтра будет трудный день.

Ворон еще несколько мгновений постоял, ожидая, не скажет ли вождь чего-нибудь еще, потом повернулся и откинул нетвердой рукой полог шатра. На душе у него было тревожно.

10

Диона погладила пса, свернувшегося у ее ног клубком.

– Сиди смирно, Черныш.

Она сама не знала, почему назвала собаку именно так. Кличка Черныш всплыла у нее в голове сама собой.

– Сиди тут, карауль, – сказала Диона. – А я пойду прогуляюсь.

Диона вышла из своего маленького шатра-шалаша, сплетенного из веток, и посмотрела на темное ночное небо. Звезды и луну скрыли мороки.

Тяжелы были думы Дионы.

Советник Велигор, с которым она рассталась несколько ночей назад, не вернулся и не прислал никаких вестей. Диона думала, что бедняга сгинул в лесу. Но вскоре пришло ужасное известие. Соглядатаи Бычеголова донесли, что советник Велигор опоил князя Егрю ядовитым зельем и сбежал из княжских палат. Охоронцы преследовали и настигли Велигора, но он их всех убил и скрылся в неизвестном направлении.

Диона никогда бы не поверила, что Велигор способен на такое. Впрочем, Велигора и самого могли опоить. Ядовитых зелий существует множество.

Теперь нужен был новый посланник. А где его взять? В последнее время Диона стала замечать, что Сила покидает ее. Она уже не могла внушать свои мысли всем, но лишь некоторым. И теперь ей понадобился такой посланник, душу которого легко можно сломить.

Прогуливаясь по ночному стану, Диона сама не заметила, как дошла до шалашика Глеба-Первохода. Сам Глеб спал у потухшего костра. А рядом с ним, свернувшись калачиком и прижавшись к Глебу сутулой спиной, лежал нелюдь-коротышка с мохнатым телом и лысоватой головой.

От спящих за версту разило водочным перегаром. Диона знала, что нелюди не пьют

хмельных напитков, и удивилась, увидев, что коротышка пьян.

«Этот Первоход любого уговорит», – подумала Диона.

Она снова, еще пристальнее, посмотрела на мохнатого нелюдя. Вот кто ей нужен!

– Кирлымкумайрген, проснись, – тихо прошептала Диона.

Нелюдь тут же открыл глаза и посмотрел на девушку.

– Подойди ко мне, Кирлымкумайрген, – приказала она.

Коротышка разомкнул губы и хрипло пробормотал:

– Меня зовут Анчутка.

– Тебя зовут Кирлымкумайрген, нелюдь.

Коротышка поднялся с травы, потер заспанную физиономию и сказал:

– Я не недюдь. Я домовенок. Домовенок Кузя. Глеб так сказал.

Диона усмехнулась.

– Здорово же ходок прополоскал тебе мозги, нелюдь. Ты нелюдь, и зовут тебя Кир... – Диона махнула рукой: – Ладно, пусть будешь Анчутка. Смотри на мою руку, Анчутка!

Диона выставила перед собой руку, ладонью вперед. Коротышка уставился на темный глаз, открывшийся посреди ладони.

– Ты слышишь только мой голос, – властно проговорила Диона. – Ты видишь только меня. Повтори.

– Вижу только тебя. Слышу только тебя, – покорно повторил нелюдь.

– Молодец. А теперь слушай, что я тебе скажу...

И Диона заговорила тихим, монотонным голосом. Коротышка слушал внимательно, время от времени кивая головой. Наконец Диона закончила и спросила:

– Все ли ты понял, Анчутка?

– Все, – ответил коротышка.

Он поднялся на ноги, повернулся и зашагал к лесу, но Диона остановила его:

– Подожди. Заговорю от лесной нечисти.

Она раскрыла губы и подняла руку для заговора, но остановилась в растерянности. Как же его заговаривать, коли он сам – нечисть?

Несколько мгновений Диона размышляла и вдруг улыбнулась: заговаривать его нужно не от нечисти, а от людей.

Диона оглядела Анчутку с ног до головы. Бурая шерсть, босые ступни, похожие на раздвоенные копытца. Диона вытянула руку и быстро что-то зашептала.

– ...от людской злобы... оставайся неузнанным... – уловил, наострив уши, Анчутка.

Мохнатая шерсть коротышки пришла в движение, волоски ее переплелись и превратились в волокна ткани. Не прошло и десяти секунд, а на Анчутке уже – вместо бурой шерсти – красовался маленький кафтанчик, под ним – коричневые штаны, а на ногах – яловые сапожки. Теперь он был похож на маленького мужичка с заспанным лицом, клочковатой бороденкой и встрепанными, реденькими волосами.

Дело было сделано, и Диона опустила руку.

– Теперь ступай! – приказала она.

Анчутка кивнул, повернулся и скрылся в зарослях.

11

Идти по ночному лесу было Анчутке несложно. Воздух, конечно, был по-ночному холодный, но уж как ни крути, а это лучше, чем дневная жара.

Несколько верст прошел Анчутка, не зная беды, а потом вдруг остановился и растерянно уставился вперед. Перед ним мерцало большое озеро. Плавать Анчутка не умел, а обходить озеро стороной долго и рискованно.

Коротышка поднял к небу лицо и спросил:

– Госпожа моя, что мне делать?

– Плотно, – услышал он тихий голос, похожий на шорох травы, пригибаемой налетевшим

ветром. – Сделай плот...

Анчутка улыбнулся. В самом деле, как это ему самому не пришло в голову?

Нелюдь быстро набрал веток для плота. Вскоре две связки хвороста, перевязанные ивовыми прутьями, были готовы. Анчутка спустил их на воду и вошел в озеро сам. Скользя по илистому дну, он толкнул плотик вперед сквозь стену камыша.

Под ногами Анчутки расплзались стебли и корневища болотных трав, вокруг булькали, выныривая на поверхность, пузырьки болотного газа.

Грязная жижа, поднятая ногами Анчутки со дна, расплывалась в воде темными пятнами, и желтые лилии мерно покачивали своими чашами-головками от поднятых его движениями волн.

Камыш кончился, и плотик Анчутки выплыл на простор чистой воды. Толкая вперед связки хвороста, Анчутка, бултыхая под водой ногами, плыл за ним.

Плыть было холодно и страшно. Коротышка думал только об одном: если плотик расплзется, ему конец.

– Не бойся... – прошептал ветер. – Ты выплывешь...

Противоположный берег становился все ближе. И вот наконец перед страдальчески выпученными глазенками Анчутки возникла стенка камыша. Ноги нащупали илистый грунт, и коротышка, окутанный зелеными травами и стеблями, выбрался на берег.

Под несмолкаемый писк комаров, жалящих мокрые щеки Анчутки, он взошел на холмик, торопясь согреться быстрой ходьбой.

За спиной у него что-то булькнуло. Анчутка мигом присел на корточки и оглянулся.

Две русавки выбрались из воды и стали озиаться вокруг. Они явно почуяли его, но не понимали, где он прячется. И, конечно, их сбивал с толку его запах. Вроде человеческий, а вроде и нет.

Анчутка на карачках заполз за ближайший куст и затих. Сердце его учащенно забилося. Если угодишь в мокрые, цепкие руки русавки, обратно уже не вырвешься.

Наконец русавки перестали нюхать воздух и нырнули в воду.

Анчутка облегченно вздохнул и отер рукою мокрый от пота лоб. Он вдруг с ужасом подумал о том, что было бы, унюхай его русавки, когда он был в воде. Схватили бы за ногу и утащили на дно.

– Всесильные думраны, не дайте пропасть Кирлымкумайргену во цвете лет! – взмолился Анчутка.

– Ступай дальше, дурак... – прошелестела трава.

Боги были с ним! Анчутка обрадовался, повернулся и бодро затопал копытами-сапогами по мокрой траве.

Долго ли, коротко ли шел Анчутка, но в конце концов вышел он из Гиблого леса за каменную межу. Мороки на небе разошлись, и хоть неполной была луна, но на лужайке стало почти светло.

Анчутка зашел в кусты, чтобы справить нужду. Справил и уже хотел повернуться, чтобы идти дальше, как вдруг громкий голос грозно окликнул его:

– А ну стой!

Анчутка решил было с перепугу дать деру, но вспомнил, что он теперь человек, и передумал.

– Повернись и выдь на свет! – скомандовал голос.

Анчутка повернулся от куста и увидел перед собой трех всадников в бронях. Двое были мужами зрелыми, на крепких, спокойных конях, с палицами на запястьях. Третий – совсем молодой ратник, высокий и стройный, с каштановыми локонами, выбивающимися из-под шелома и румянцем вполщеки. И лошадь под ним была длинноногая, поджарая, нетерпеливая.

– Кто таков?

– Человек, – ответил Анчутка и ошеломленно облизнул губы. Он и знать не знал, что может говорить по-русски. А вот, оказывается, говорит. – Зовусь Анчут... Просто Анчут.

– Чего делаешь в лесу, Анчут?

Лицо коротышки стало растерянным. Чего отвечать – он не знал. Но тут Дионин голос зашептал ему в уши:

– Я – торговый человек, сбился с пути...

– Я торговый человек, – послушно повторил Анчутка, обрадовавшись помощи. – Сбился с пути.

– На нас напали разбойники Самохи. Людей перебили, а товар забрали.

– На нас напал Самоха с разбойниками. Товар перебил, а нас забрал, – повторил Анчутка.

– Опять этот Самоха, – сердито проговорил молодой всадник.

– Тише, Гладыш, не горячись.

Парень замолчал. Ратник снова повернулся к Анчутке:

– Вранье твое мы послушали, мужичок. А теперь говори правду.

– Я... – Анчутка осекся, не зная, что говорить дальше. И взмолился про себя: «Всесильные думраны, что же мне делать?» И снова голос Дионы пришел ему на помощь:

– Скажи, что тебя поймали нелюди. И что они велели тебе передать княгине Наталье послание.

Коротышка сглотнул слюну и сипло проговорил:

– От нелюдей я сбежал, братья. Вернее, отпустили они меня. Сперва поймали, а потом отпустили. Велели передать княгине послание.

– Что за послание?

– Не могу тебе сказать, – пробормотал Анчутка, бледнея от ужаса. Так нагло и дерзко разговаривать с вооруженными ратниками ему еще не приходилось. Он и представить не мог, что способен на такое.

Чернявый ратник усмехнулся, повернул голову к молодому охоронцу и негромко приказал:

– Гладыш, выбей из него душу.

Молодой всадник кивнул и достал из-за голенища сапога плетъ.

– Стойте! – яростно крикнул коротышка высоким, почти женским голосом. Лицо его охолодело, глаза взглянули жестко. – Хороший ратник не только палицей, но и мозгами шевелить умеет. Нешто не видите, слепцы, что не простой я человек?

– Что же ты за человек? – удивленно спросил чернявый.

– Я – человек покойного князя Егры. Он меня нарочно в Кишень послал – вывести да разузнать. Ежели княгиня проведаст, что вы меня покалечили, вам несдобровать.

– Гм... – Чернявый задумчиво поскреб пальцами бороду. – Что ж ты выведал?

– Что выведал, то тебе, простому десятнику, не скажу. Князь велел докладывать только ему. А коли его теперь нет, так хозяйка над вами – княгиня Наталья. Ей все и расскажу.

– Ладно. Посмотрим, что ты за фрухт. – Чернявый повернулся к молодому: – Гладыш, возьми его к себе в седло и скачи с ним в Хлынь. И будь осторожен в пути.

Гладыш кивнул, подхватил Анчутку за шиворот и рывком закинул его в седло.

12

Легко и быстро шел по лесу стригой Тимофей Лагин. Легко и свободно дышалось ему мертвым воздухом Гиблого места, порождением которого был он сам. Но на сердце у стригоя была тревога.

Диона что-то замышляла. Лагин пытался вывести, пытался выследить, пытался даже прочесть ее мысли – да чего он только не пытался, но все было напрасно.

Сильна была Диона. Гораздо сильнее, чем он поначалу думал. И все же Диона – всего лишь неразумная девка. Чтобы выйти из сечи победителем, одной лишь Силы мало. Нужно знать, как правильно расставить фигуры на доске, кому, когда и что шепнуть на ухо, кого призвать в союзники, а кому подставить ножку.

В прошлом Лагин много раз играл в шахматы с восточными купцами и считался неплохим игроком. Жизнь, конечно, не шахматы, но очень похожа.

Муторно было Лагину и еще от одной тревоги. Вурдалаку все время казалось, будто за ним кто-то следит. Будто чье-то злобное, недремлющее око провожает его повсюду, куда бы он ни пошел. Много раз Лагин внезапно останавливался или мгновенно перелетал с одного места на другое, надеясь увидеть наблюдателя или хотя бы вычислить его присутствие. Однако все было бесполезно.

Лагин понимал, что скорее всего все его мысли о наблюдателе – полная чушь, но избавиться от подобных мыслей не мог.

Найти стан атамана Самохи не составило труда. Да Самоха и не таился. Вокруг стана он навтыкал кучу дозорных рогаток, разбросал амулеты, убивающие и отпугивающие лесную нечисть, и, конечно же, был уверен, что этого достаточно, чтобы спать спокойно.

Глупый человечек. Такой же глупый и самонадеянный, как прочие людишки.

Лагин с легкостью миновал все ловушки, обложил незримой стеной Силы все кудесные амулеты и вошел в стан. Здесь он не церемонился. Выставленных Самохой четырех дозорных убил на месте. А одному даже походя вырвал сердце.

Шагая к шатру Самохи, Лагин полакомился частью горячего сердца, стараясь не испачкать рукава камзола, остальное швырнул перепуганным сторожевым псам.

У входа в шатер дорогу Лагину внезапно преградил молодой парень. Этого Лагин не убил. Просто коснулся рукою его лба, и парень, погрузившись в глубокий сон, рухнул на землю.

Лагин на секунду присел рядом с ним, провел пальцем по лбу разбойника и шепнул:

– Насылаю на тебя кошмары.

Лицо парня исказилось мукой, он хрипло задышал и застонал во сне.

Лагин выпрямился, улыбнулся и шагнул в шатер.

Атаман Самоха сидел за столом и ел. В одной руке он держал кубок с вином, а в другой – кабаний окорок. Губы атамана были испачканы жиром.

На столе перед ним стоял кувшин с вином, тарелка с окороками и другая – с сушеными виноградными ягодами.

Атаман откусил кусок окорока и хотел запить его вином, но тут воздух перед столом загустел, и из воздуха этого соткался сам собою человек.

Человек был мужеского полу, высок, красив и одет в богатый, черной ткани камзол. Несмотря на молодое лицо, волосы у него были длинные и седые, словно у старца.

Несколько секунд атаман сидел с раскрытым ртом, изумленно уставившись на человека, стоявшего посреди горницы, затем шумно выдохнул воздух и хрипло проронил:

– Ты кто?

Человек отряхнул запылившийся рукав камзола и весело взглянул на Самоху.

– Меня зовут Тимофей Лагин, – сказал он. – Я – ученый муж из моравских земель.

Самоха захлопнул, наконец, рот и процедил сквозь зубы:

– Вот как. – Атаман скосил глаза на меч, лежавший на лавке примерно в сажени от стола, перевел взгляд на незваного гостя и спросил: – И что ты делаешь в моих палатах, ученый муж?

– Зашел к тебе в гости, – просто ответил Лагин.

Гость взял скамью, придвинул ее поближе к столу и уселся на нее верхом. Затем посмотрел на сочащийся жиром окорок и весело сказал:

– Вижу, у тебя крепкий желудок, атаман. Но не злоупотребляй жирной пищей. Даже самая вкусная ества может пойти не в прок, если не знать меры.

Самоха два или три раза сморгнул, словно все еще не мог справиться с изумлением, а потом вдруг сдвинул брови и грозно воскликнул:

– Кто тебя сюда пропустил?!

Лагин взглянул на атамана холодными голубыми глазами.

– Видишь ли, – заговорил он голосом сухим и насмешливым, – обычно я не спрашиваю

разрешения. А тех, кто пытается мне помешать, убираю с дороги. Ты позволишь?

Гость взял со стола кувшин и отпил немного вина. Подержал вино во рту, оценивая вкус, потом вдруг сморщился и выплюнул его на пол.

– Редкостная гадость, – сказал он.

Лицо атамана побагровело.

– Я купил его у рамейского купца, – угрюмо проговорил он. – Это отличное вино, и привез он его из самой Сирии.

– Рамеец тебя обманул, – небрежно возразил Лагин. – Но речь не о вине. Я пришел сюда по делу.

– По какому делу? – мрачно спросил атаман и снова скосил глаза на меч, оценивая расстояние.

– Хочу предложить тебе сделку, – сказал Лагин.

– Сделку?

Гость кивнул:

– Угу.

– Но я не купец.

– Я тоже. Но сделка у нас с тобой будет такая, что и не снилась купцам. Я знаю, что ты неровно дышишь к Наталье. Но она княгиня, а ты – простой разбойник. – Лагин взял из чаши сушеную виноградинку и забросил ее в рот. – Твой покровитель, князь Егра, скончался, – продолжил он, пожевывая виноградину. – А княгиня Наталья терпеть тебя не может. Теперь тебе нужен новый покровитель.

Самоха сжал пудовые кулаки.

– Все сказал? Мое войско...

– Твое войско сильно воевать только в лесных чащобах, – небрежно оборвал его Лагин. – И то лишь по ночам. В открытой сече княжьи охоронцы тебя легко одолеют, и ты это знаешь.

Самоха швырнул в тарелку окорок, который все еще держал в руке, вытер руку о штаны и гневно спросил:

– Чего тебе от меня надо?

Лагин посмотрел на атамана спокойным взглядом и сказал:

– Предлагаю соединить наши силы. Твою и мою.

– Силы? – Самоха презрительно фыркнул. – И где же твои силы? Покамест я вижу только тебя одного.

– Я к тебе пришел один, – согласился Лагин. – Но в Хлынь войду не один. Со мной будут нелюди, оборотни, волколаки и упыри со всего Гиблого места.

Самоха слегка побледнел.

– Этого не может быть, – твердо возразил он.

– Может, – возразил ему Лагин. – И будет. У тебя два пути, атаман: либо с нами, либо против нас. Коли пойдешь против – сгнешь со свету вместе с княжскими охоронцами. А коли с нами – отдам тебе княгиню Наталью и все золотишко, которое найдешь в казне.

Самоха набычился. Несколько мгновений он молчал, обдумывая удивительные слова странного гостя. Потом недоверчиво глянул на него и осведомился:

– А тебе что за резон со мной уговариваться?

Лагин бросил в рот еще одну виноградинку и, пожевывая ее, спокойно ответил:

– Я хочу княжить в Хлыни.

Лицо Самохи вытянулось от удивления.

– Ишь ты! – выдохнул он. – Высоко карабкаешься. Упасть не боишься?

– Не бойся, не упаду, – холодно проговорил Лагин и так глянул на атамана, что тому стало не по себе. – Я стану княжить, а ты будешь мне служить, как служил Егре. Все будет по-прежнему, Самоха. И даже еще лучше, потому что ты станешь несказанно богат.

Самоха вновь задумался.

– Гм... – Он почесал пальцем толстый нос. – Ежели я выгребу всю казну, то что

останется тебе?

Лагин усмехнулся:

– А уж это мое дело, атаман. И я сам решу, как с ним разобраться. Кстати, у меня есть еще одно условие.

– Какое? – насторожился Самоха.

– Войско нечисти ведет нелюдь Бычеголов. Когда все сделаем, я собираюсь прикончить его. – Лагин остановил на Самохе холодный, безжалостный взгляд и добавил: – Я хочу, чтобы ты не вмешивался.

Атаман хмыкнул:

– Это ваши разборки. С чего бы мне вмешиваться?

– Он может посулить тебе куш за помощь. И жадность может подвести тебя.

– Как? – не расслышал Самоха.

– У тебя может появиться желание запустить руку сразу в две кормушки, – пояснил Лагин. – На этот случай предупреждаю: попробуешь мне помешать – пожалеешь.

Лагин поднялся со скамьи.

– Мне пора, атаман. Завтра утром мы двинемся на Хлынь. Жди нас на подступах к городу.

Гость повернулся и вдруг – растаял в воздухе. Атаман Самоха вздрогнул и посмотрел на пустое место тяжелым взглядом.

«Отчего не помочь нечисти? – думал он, хмуря брови. – Можно и помочь. Прибыль от этого уговора очевидная. И руку в казну запущу, и княгиню своей наложницей сделаю. А что до прочего, так нечисть долго в Хлыни не удержится. Победокурит маленько да и отвалит обратно к себе в Кишень».

Самоха взял с тарелки сушеную виноградинку и швырнул ее себе в рот.

Что до самого Лагина, то с этим упырем разобраться будет несложно. Атаман потянулся за виноградинкой, но вспомнил, что Лагин делал так же, и вместо виноградинки взялся за кубок с вином.

Глава седьмая

1

Грозное и устрашающее зрелище представляло собой воинство Бычеголова. Еще не успело взойти солнце, а он уже двинул свою дружину на Хлынь.

Расстановку сил в своем войске продумал сам Бычеголов. Впереди он заставил бежать армаду волколаков и оборотней, надев на каждого ошейник, усыпанный гвоздями. Налакавшиеся вампирского зелья звери не боялись солнца, но все же поглядывали на желтое светило с опаской и старались держаться в тени деревьев.

За волколаками и оборотнями шли воины Бычеголова. Сотни уродов, облаченных в брони и с мечами, выкованными кузнецом Вакаром. Нелюди смотрели вперед с торжествующей угрюмостью и готовы были убить любого, кто встанет у них на пути.

Сотни лет прятались они в развалинах призрачного города, но теперь поднялись, чтобы отомстить.

Чуть в стороне брела по лесу орда упырей. Их отвратительные морды были густо обмазаны мазью Лагина и не дымились на солнце. Да и солнца, слава думранам, было мало. Небо затянули серые мороки, обещая скорый дождь.

Безумные упыри были всего лишь куклами-марионетками, подвластными своему кукловоду – Дионе. Обычно живые мертвецы не делали разницы между людьми и нелюдьми. Если бы «нити» оборвались, упыри набросились бы на нелюдей, поэтому Бычеголов принудил Диону сесть в колесницу, запряженную тремя огромными волколаками, и окружил

колесницу плотным кольцом охраны.

Сидя в колеснице со сверкающими, будто изумруды, глазами и распущенными темными волосами, Диона была похожа на богиню войны свирепых сеев – Валкирию.

Вместе с Дионой в колеснице сидел ее пес Черныш, с которым Диона теперь не разлучалась ни на минуту.

Бряцанье оружия веселило сердце Бычеголова. Одно лишь огорчало его – нойон Бекет обманул нелюдей и не привел своих газаров на подмогу.

Ну, ничего. Придет день – доберемся и до Бекета.

Сам Бычеголов за прошедшую ночь тоже изменился. Кожа на его голове разошлась, и из черепа выползли наружу два больших острых рога. На остриях рогов еще темнела запекшаяся кровь.

Мышцы вождя взбухли, а глаза глубоко запали под толстые надбровные дуги, придав ему еще больше сходства с огромным разъяренным быком.

Бычеголов шел по лесу в окружении ближайших помощников, главным из которых был Ворон. Панцирь Ворона отливал серебром, меч колотился о его крепкое, мускулистое бедро, а из-за спины торчало огромным крылом навершие большого, костяного лука.

Немногословно и быстро продвигалось страшное воинство по лесу, и дикие лесные звери при его приближении разбегались в стороны.

Завидев вдалеке напуганного бурого медведя, Бычеголов пожалел о том, что не велел Дионе поставить в боевой строй лесных зверей – медведей, волков, росомх, рысей. Великое было бы подспорье в битве.

Но что сделано, то сделано, переиначивать поздно.

Дойдя до каменной межи, отделяющей Гиблое место от мира людей, свирепое воинство Бычеголова разметало в щепки стену из наваленного бурелома и двинулось дальше.

Через две версты Бычеголов остановил дружину.

Впереди виднелась еще одна стена бурелома. Это был стан атамана Самохи. Но не вид нагроможденных друг на друга стволов и веток остановил Бычеголова. У стены он увидел большой отряд всадников. Один из всадников отделился от отряда и неспешно двинулся навстречу нелюдям.

Лагин подошел к Бычеголову и сказал:

– Это атаман Самоха.

При имени главного мучителя нелюдей лицо Бычеголова потемнело. Заметив это, вампир спокойно добавил:

– Он идет с нами на Хлынь.

Бычеголов пригнул голову и недоверчиво сверкнул глазами.

– Зачем ему это? – прорычал он.

– Я пообещал ему денег, – ответил стригой. – К тому же, Самоха влюблен в княгиню Наталью. Каждому из нас нужно свое. Тебе – человеческая кровь, мне – княжий трон, а ему – княгиня.

Бычеголов прищурил налитые кровью глаза.

– Это правда?

– Да, – ответил Лагин.

– Люди – странные существа, – проговорил Бычеголов. Затем чуть повернул голову и негромко позвал: – Диона!

Колесница с Дионой подъехала и остановилась рядом.

– Проверь разбойников, – так же негромко распорядился Бычеголов.

Диона взглянула на приближающегося всадника и подняла правую руку. Темный глаз у нее на ладони раскрылся, от ладони пошло слабое золотистое свечение. Диона поводила немного ладонью, затем опустила руку и сказала:

– Упырь прав. Самоха хочет получить княгиню, и он двинется на Хлынь с нами.

Тем временем Самоха остановился, со страхом поглядывая на сидящих перед строем

чудовищ, глянул на Бычеголова и начал:

– Вождь Бычеголов, я...

– Ты хочешь идти с нами на Хлынь, – перебил Бычеголов. – Что ж, пусть будет так. Езжай со своей ватагой впереди, а мы пойдем за вами.

Самоха недовольно нахмурился.

– Но...

– Езжай, – спокойно и коротко повторил Бычеголов, и в голосе вождя было что-то такое, отчего у атамана Самохи пропало всякое желание спорить. Атаман кивнул, повернул коня и поскакал к своим разбойникам.

Воинство двинулось дальше, теперь уже в большем составе, чем прежде.

Армия Бычеголова прошла еще пять верст, как вдруг кто-то из нелюдей крикнул:

– Ратники!

Бычеголов поднял руку, и воинство его остановилось. На холме, в четверти версты от нелюдей, стояли всадники. Семеро, в полном вооружении. Посмотрев на нелюдей, они повернули коней и, съехав с пригорка, скрылись из вида.

– Разъезд охоронцев, – сказал Ворон. – Теперь они знают, что мы идем.

Бычеголов гордо поднял голову с воздетыми к небу острыми рогами.

– Пусть знают! – прорычал он. – Вперед!

И он первым сорвался с места.

Впереди мчались, высунув языки, волколаки и оборотни. За ними несло темное воинство нелюдей. Даже упыри, подстегнутые Силою Дионы и почуявшие запах людей, проворнее зашевелили ногами.

Взбежав на холм рядом с Бычеголовым и Вороном, Глеб на мгновение остановился. Долина была густо заполнена всадниками. Над головами ратников полоскались в воздухе флаги. Загрохотал боевой барабан.

– Их кто-то предупредил! – яростно крикнул Ворон. И вдруг прищурил глаза, напряженно вглядываясь в даль, и с ненавистью процедил сквозь зубы: – Кирлымкумайрген! Проклятый коротышка – он с ними!

– Плевать! – рявкнул в ответ Бычеголов. – Вперед!

И армада нелюдей потекла с холма вниз, навстречу не-многочисленным отрядам княжьих охоронцев, храбрых и готовых стоять насмерть, но обреченных на неминуемую гибель.

2

Вот тогда-то в ушах у Глеба и зазвучал спокойный голос охотника Громола.

– Я не могу действовать в вашем мире, Первоход, – сказал этот голос. – Не могу, ибо принадлежу иному.

Глядя на орду нелюдей, стекающую с холма навстречу ратникам, Глеб усмехнулся. «Хорошая отмазка, – подумал он. – Громол не может действовать в мире живых, потому что он мертв. А я должен умереть, чтобы мир живых остался прежним. Не слишком-то это справедливо».

Глеб облизнул губы и потянулся за кинжалом. И вновь слова Громола, как неотвязный голос богини мщения, зазвучали у него в голове:

– Я хочу тебе кое-что дать, Первоход. Но будь с этой вещью осторожнее. Она способна погубить тебя.

«Умник, – недовольно подумал Глеб. – Приятно, должно быть, загребать жар чужими руками».

Голос охотника был неумолим:

– Ты должен кое-что сделать, Первоход. Вещь, которую я тебе дам, может стать нашим спасением. Или нашей гибелью. Всё зависит от тебя.

– Ну, конечно, – насмешливо пробормотал Глеб. – От кого же еще? Похоже, в вашем

темном мире я – единственный лучик света.

Комната тогда была освещена несколькими лучинами, и при их свете Глеб видел, каким напряженным, несмотря на все кажущееся спокойствие, было лицо охотника. Как лицо кардиолога перед сложной операцией на сердце.

Подумав об этом, Глеб снова почувствовал боль от того удара кинжалом. Громол вспорол ему бедро с легкостью и изяществом опытного хирурга, словно в руке у него был не громоздкий скрамасакс, а маленький, остро отточенный скальпель.

Вспоров Глебу бедро, охотник быстро вставил в окровавленный разрез серый шарик.

Шарик был маленький, меньше горошины. Трудно было поверить, что в такой ерунде может быть заключена столь страшная сила. Хотя... В Гиблом месте любая мелочь может привести к большим последствиям.

Впрочем, в устах охотника все звучало серьезно с самого начала.

– Это чудна я вещь, – объяснял Громол, аккуратно зашивая разрез суровой нитью. – За сотни лет у нее было много названий. Я называю ее Собирателем. Воздух Гиблого места пронизан Силой. Этот кристалл вбирает в себя Силу. Долгие годы. А отдать ее может за один миг.

– Что-то вроде аккумулятора или конденсатора? – хрипло проговорил Глеб, глядя на то, как ловко Громол орудует своей иглой. – И что же дальше? Что я должен буду делать с этой горошиной? Достану ее и швырну Бычеголову в пасть? План, конечно, хороший, но вряд ли Бычеголов будет разгуливать по лесу с открытой пастью. У нелюдей это как-то не принято.

Громол вежливо улыбнулся, дав понять, что оценил неловкую шутку Глеба.

– Собиратель очень хрупок, – сказал он, аккуратно цепляя иглой край кожи. – Если ты сожмешь его пальцами, он погибнет и при этом отдаст всю накопленную Силу. Но людей эта Сила может только ошеломить. А вся стоящая рядом нечисть погибнет в одночасье.

На лбу Глеба выступил пот, щеки его побелели.

– Ты уверен, что она сработает? – процедил он сквозь стиснутые зубы. – Я никогда прежде такой не видел.

Охотник затянул петлю и ответил:

– Ты многого не знаешь и много где не был...

На лбу Глеба выступил пот, щеки его побелели.

– Ты уверен, что она сработает? – процедил он сквозь стиснутые зубы. – Я никогда прежде такой не видел.

Охотник затянул петлю и ответил:

– Ты многого не знаешь и многого не видел.

– А, черт! – вскрикнул Глеб. – Нельзя ли полегче!

– Прости, но нет.

Новый стежок стянул края разреза.

– Допустим... – прохрипел Глеб. – Допустим, эта штука действительно работает... Но откуда ты знаешь, что в этом Собирателе большой заряд?

– Собиратели разбросаны по всему Гиблому месту, – ответил охотник. – Но их очень трудно найти. Они лежат, дожидаясь своего часа, сотни лет. Поверь мне, сила, заключенная в этой горошине, способна сокрушить тысячу нелюдей. Нужно только войти в самую их гущу и сжать Собиратель пальцами.

Громол затянул последнюю петлю и срезал нить кинжалом. Глеб посмотрел на окровавленный шов, вытер рукою потное лицо и спросил:

– А ты уверен, что людям он не повредит?

Громол нахмурил лоб.

– Видишь ли, – медленно заговорил он, – у меня никогда не было возможности проверить. Но в древних скрижалях...

– Значит, не уверен, – констатировал Глеб. – И ты собираешься сделать из меня подопытного кролика. Отлично. И на сколько саженой действует этот Собиратель?

– Думаю, саженой на сто.

Громол достал из кармана чистую длинную тряпицу и принялся перевязывать Глебу бедро.

– Отлично... – Глеб поморщился. – Но что, если ты ошибаешься? Что, если этот твой Собиратель гораздо мощнее, чем ты думаешь? Что, если он сровняет Гиблое место с землей? Нет, я-то, конечно, не расстроюсь, но могут пострадать люди.

Охотник завязал края тряпицы, поднял взгляд на Глеба и сказал:

– Ты должен это сделать, Глеб. Иначе твой мир исчезнет. Ты рассказывал, что русские земли объединятся и превратятся в великую страну под названием Россия. Если мы не остановим нечисть, ничего этого не будет.

– Ты преувеличиваешь. Нелюдей не так уж и много.

– Не числом воинов покоряются города и страны, Глеб. А силою духа. Если дух русов будет сломлен, а на смену дружбе придут лютая рознь и грызня, которой не будет конца и краю, нам не устоять.

Глеб вздохнул.

– Хорошо. Я сделаю, как ты говоришь. Но при одном условии.

– Я слушаю, – спокойно сказал Громол.

– Ты придумаешь запасной план.

Охотник нахмурился.

– У нас уже есть один план. Этого достаточно.

– Нет, – качнул головой Глеб. – Егра может не принять меня. Он горд и злопамятен.

Громол несколько мгновений размышлял, затем вздохнул и сказал:

– У тебя есть всего два способа оказаться на поле брани в нужный момент. Если Егра не поверит тебе, то...

– То поверит Бычеголов, – договорил за него Глеб. – И этот план будет надежнее. Хорошо, я готов рискнуть. – Он покосился на окровавленную тряпицу, стягивающую разрезанное бедро, и, хмуро усмехнувшись, добавил: – Если эта штукавина раньше не вышибет мне мозги.

3

Стоя на холме, Глеб выхватил из ножен кинжал, вспорол ткань штанины и быстро провел лезвием по багровому рубцу на бедре. Кожа разошлась, острая боль заставила Глеба поморщиться.

Сунув кинжал в ножны, Глеб запустил в разрез пальцы и нащупал шарик.

– Что это ты делаешь, ходок? – услышал он резкий, каркающий голос Ворона.

Глеб вынул окровавленный шарик из бедра.

– Вам конец, – сказал он.

Ворон, почувствовав, что сейчас произойдет что-то страшное, взмахнул мечом, намереваясь раскроить ненавистному ходоку череп, и в это мгновение Глеб сжал пальцами шарик.

Перед глазами Глеба полыхнула белая молния, что-то сильно толкнуло его в грудь, и в следующее мгновение он отключился.

...Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем он снова открыл глаза.

Открыл и увидел над собой серое небо. На лицо ему падали холодные дождевые капли. Он приподнял голову, чтобы оценить масштаб разрушений, оставленных взрывом Собирателя.

Повсюду валялись вывороченные с корнем деревья, среди которых мелькали фигуры людей, нелюдей и выжившей лесной нечисти. Взрыв уничтожил почти всех упырей, волколаков и оборотней. Оставшиеся ошеломленно трясли головами, пытаясь прийти в себя.

Половина воинства нелюдей также полегла на поле брани. Погибли наиболее уродливые из них, те, что менее всего были похожи на людей.

Однако оставшиеся бросились на людей с мечами и топорами наперевес. Глеб только

сейчас сообразил, что взрыв заложил ему уши. Стоило это осознать, как слух стал возвращаться, и Глеб услышал лязг мечей, яростные вопли воинов и крики раненых.

Глеб стал подниматься на ноги. Измотанный ратник в разбитом шелоге, с продырявленным щитом, спешил с коня, постоял, шатаясь, несколько секунд и рухнул на землю. Из спины его торчала стрела.

Глебу вдруг показалось, что все это сон. Кошмарный, но сон. Сейчас на тумбочке затрезвонит будильник, он поднимется с кровати, пойдет умываться, бриться, завтракать, потом заберется в свою черную «Хонду» и втиснется в бесконечный транспортный поток, движущийся по улицам Москвы.

И впереди опять будут презентации и светские рауты, репортажи с кинофестивалей и ужины в компании поп-звезд, шоуменов и политиков. И все будет по-прежнему. А потом он позвонит Катке Корольковой и пригласит... В кино. Конечно же, в кино. Никаких ресторанов и ночных клубов – только кино!

И пусть там, на огромном экране, мечутся тени, пусть там будут убийства и сражения, красавицы и чудовища, а он будет сидеть в мягком, уютном кресле, дышать прохладным кондиционированным воздухом и жевать попкорн или чипсы, запивая их холодным «Будвайзером».

...Холодный свистящий ветер гнал по небу тучи, ледяные капли дождя барабанили по шелому Глеба.

Орлов тряхнул головой, прогоняя наваждение, и зашагал, изнывая от тяжести доспехов, по скользкой от крови земле.

Впереди нестройно ревели трубы, но их заглушали крики людей и ржание лошадей, потерявших всадников. Над головой Глеба со свистом пролетали стрелы.

После взрыва сражение перешло в отдельные рукопашные схватки: нелюди и люди с проклятиями рубили друг друга. Прямо перед собой Глеб увидел на земле пожилого ратника, пытающегося вытащить из живота стрелу. Рядом с ним, недоуменно таращась на обрубок ноги, сидел в луже крови уродливый нелюд.

Глеб прошел мимо них и увидел впереди кутерьму – с ревом и криками, с блеском окровавленных мечей. Перед глазами Глеба промелькнула разрубленная щека одного ратника, болтающийся скальп другого.

Неподалеку он увидел труп Ворона, уродливая голова которого была рассечена надвое ударом меча или бердыша.

Что-то стукнуло Глеба по шелому, и он покачнулся. К его ногам упало кем-то неловко брошенное копьё. Тут же на оглушенного Глеба, размахивая мечами, набежали двое нелюдей.

Глеб увернулся от первого удара и вонзил меч нелюдю в живот. Второго противника он ударил локтем в горло и сшиб с ног.

Краем глаза Глеб увидел летящее копьё. Он метнулся в сторону, но споткнулся о труп оборотня и упал. На него тут же прыгнул выживший после взрыва волколак. Глеб извернулся и воткнул ему в пасть острие меча. Зловонная кровь волколака хлынула Глебу на лицо.

Поднатужившись, Глеб спихнул с себя тушу мертвого волколака и снова поднялся на ноги. Вокруг продолжалась сеча. Звенело железо, падали на землю убитые, отлетали в стороны отрубленные руки и головы.

Глеб поймал себя на том, что все происходящее кажется ему кошмарным сном. Прямо на глазах у него чудом выживший упырь быстро выбрался из-под наваленных тел, схватил одного из ратников за плечи и вцепился ему зубами в шею.

Глеб замахнулся мечом, но тусклое, затянутое тучами солнце сделало свое дело раньше: голова упыря задымилась белым зловонным дымом, он отвалился от ратника, упал на землю и забился в корчах.

Дождь усилился. Глеб хотел осмотреть рану воина, но тот уже ринулся вперед, разя отступающих к лесу нелюдей. Охоронцы явно побеждали.

Глеб перевел дух и попытался что-нибудь разглядеть сквозь завесу мелкого дождя. Блеснули мокрые доспехи, пронеслись мимо измазанные грязью кони.

Струйки дождя стекали с шелома Глебу на лицо. И тут он увидел Бычеголова. Поняв, что битва проиграна, вождь нелюдей пытался спастись бегством. Он поймал пробегающего мимо коня и неуклюже запрыгнул ему на спину.

Глеба захлестнула клокочущая ярость. Он оглянулся по сторонам и увидел пегую крепконогую лошадку, стоящую над трупом своего всадника.

Орлов подбежал к лошадке и схватил ее под уздцы. Лошадка, ошеломленная происшедшим, не сопротивлялась.

Глеб подхватил с земли кем-то брошенное копьё, прыгнул в седло и пустился в погоню за Бычеголовым, не успев даже толком осознать, что делает.

Мчался сквозь хаос и дождь Первоход. Пришпоривал, погонял лошадь, стараясь не потерять Бычеголова из вида. Возле его головы свистели стрелы, вслед ему летели грязные камни, но ни один из них не достиг цели.

Погоня продолжалась несколько минут. Позади осталось усыпанное тысячами тел поле битвы. Въехав в лес, Бычеголов внезапно осадил коня, повернулся и вскинул лук.

Глеб отклонил голову, и его щеку чуть оцарапало стрелой. Пришпорив коня, он продолжил погоню. Еще одна стрела, пущенная рукой Бычеголова, угодила лошади Глеба прямо в грудь. Она рухнула на всем скаку, и Глеб вылетел из седла. Но падать он умел: сразу вскочил на ноги и, пошатываясь, бросился к врагу.

При падении копьё вылетело у Глеба из рук, но подбирать его было некогда. Дождь хлестал Глеба по лицу. Он побежал к Бычеголову, уверенный, что тот примет бой. И не ошибся.

Бычеголов спрыгнул на землю и выхватил меч. В ту же секунду вылетел из ножен и клинок Глеба.

– Вот мы и встретились, Бычеголов! – крикнул Глеб.

– Один из нас останется на этом поле! – отозвался нелюдь рыкающим голосом.

– Я постараюсь, чтобы это был ты!

Противники подняли мечи и ринулись в схватку.

4

Удар был столь силен, что Глеб пролетел полторы сажени и ударился спиной о толстый ствол дуба. Он думал, что потеряет сознание, но этого не произошло.

А Бычеголов уже бежал на него. Глеб быстро нагнулся, поднял с земли меч и прошептал:

– Сила Гиблого места, будь со мной!

И снова ринулся вперед.

Враги скрестили клинки. Бычеголов был раза в три мощнее и сильнее Глеба, но Глеб был более ловок и лучше владел мечом. Он кружил вокруг гиганта, как кружил бы боксер-«мухач» вокруг огромного боксера-тяжеловеса, нанося быстрые и точные удары.

Однако броня на теле Бычеголова была крепка, да и плоть его была под стать броне. Удар, который убил бы на месте любого человека, оставлял на шкуре нелюдя лишь неглубокие рубцы, которые тут же переставали кровоточить и быстро затягивались.

Воспользовавшись тем, что Глеб начал уставать, нелюдь извернулся и рубанул его мечом по голове.

Удар пришелся плашмя, к тому же его смягчил шлом. Однако в голове у Глеба зазвенело, и он едва не рухнул наземь. Бычеголов размахнулся мечом для второго удара, но высокий рост подвел гиганта – клинок его меча запутался в ветвях дуба. Это дало Глебу несколько секунд, в течение которых он пришел в себя и снова ринулся в атаку.

И снова зазвенели мечи. Каждый удар отдавался в ладонях Глеба болью. Однако он продолжал сражение, сцепив зубы и мысленно призвав на помощь богов Семаргла и Хорса.

Бычеголов, казалось, не знал усталости. Он стал более удачно отражать удары Глеба, а его ответные выпады становились все точнее. Глеб почувствовал, что начал выдыхаться. Руки его затекли и онемели. Царапины и синяки на теле горели огнем.

И вдруг с поля битвы донесся отчаянный женский крик. Бычеголов и Глеб одновременно повернули головы. Крик повторился.

– Диона! – рыкнул Бычеголов.

Гигант и Глеб, позабыв о драке, ринулись через заросли на помощь девушке.

Глеб никогда бы не поверил, что может преодолеть столь большое расстояние за столь короткое время. Вероятно, темная Сила Гиблого места помогла им.

На поле сражения они с Бычеголовым выбежали одновременно. И сразу увидели Диону. Она стояла на колеснице и отбивалась от нападающих со всех сторон волколаков и оборотней. После взрыва Собирателя этих тварей осталось немного, но теперь все они почему-то устремились на Диону.

Пес Черныш, стоя на колеснице рядом с девушкой, отбивал нападение оборотней лапой, кусал их зубами.

Вероятно, после взрыва Собирателя Диона лишилась части своей Силы, и песьеголовые твари, которых она до сих пор держала в подчинении, мгновенно воспользовались этим.

Бычеголов и Глеб ворвались в середину своры и принялись размахивать мечами, круша тварям головы.

Один из волколаков вцепился Бычеголову в предплечье, и нелюдь выронил меч. Однако он и тут не остановился. Схватив волколака за шкуру, Бычеголов швырнул его через колесницу и тут же ударил прыгнувшего к нему оборотня кулаком по морде. Оборотень рухнул на землю, загребая лапами воздух.

Бычеголов быстро поднял меч.

Глеб никогда еще не чувствовал себя таким умелым и сильным воином. Его меч ни разу не вспорол воздух попусту, все удары достигали цели. Не прошло и трех минут, как волколаки и оборотни были перебиты.

Бычеголов и Глеб опустили мечи, перевели дух и отерли мокрые от пота лбы.

– Диона! – хрипло позвал Бычеголов.

Он протянул руку девушке, чтобы помочь ей спуститься с колесницы.

И тут произошло нечто невообразимое. Вместо того чтобы принять руку Бычеголова, Диона выхватила из ножен узкий острый кинжал, вонзила его гиганту в шею по самую рукоятку и с силой провернула там.

Бычеголов покачнулся, рука его медленно опустилась.

– Диона... – хрипло проговорил он, с изумлением и тоской глядя на девушку. – Моя Диона...

– Я никогда не была твоей, – с ненавистью проговорила Диона. – Я ненавижу тебя. Я ненавижу всех вас. И я всех вас уничтожу.

Она крепче сжала рукоять кинжала и вынула лезвие из горла Бычеголова. Кровь фонтаном хлынула из раны, и нелюдь рухнул на землю замертво.

Глеб изумленно уставился на Бычеголова, затем перевел взгляд на Диону и ошеломленно проговорил:

– Ты убила его! Одним ударом!

Диона взглянула на Глеба и холодно сказала:

– Уходи. И никогда больше не приближайся ко мне.

Ответить Глеб не успел. За спиной у него послышалось рычание. Глеб обернулся и увидел двух рослых нелюдей, несущихся к нему с боевыми топорами в руках.

Глеб зарычал в ответ и, обхватив руками рукоять меча, бросился навстречу врагам.

Схватка продолжалась не дольше минуты. Первому нелюдю Глеб отсек мечом голову. Второму перебил ноги и довершил дело, всадив ему сверху меч в хребет.

Не успел Глеб вырвать меч из плоти врага, а за спиной у него уже раздался лязг железа и топот коней. Глеб обернулся и увидел стремительно удаляющуюся колесницу. Пока он

сражался с нелюдьми, Диона успела запрячь в колесницу пару коней и теперь правила в сторону Хлынь-града.

Глеб вложил меч в ножны, сбросил с головы шлем, чтобы не мешал обзору, и увидел поблизости лошадь без седока. Поймать ее оказалось делом непростым. Глеб провозился довольно долго и все же сумел вскочить в седло. Усмирив вставшую на дыбы лошадь, он пустил ее в галоп и поскакал вслед за Дионей.

Если бы в этот момент он обернулся, то увидел бы, как из-под груды упырьих трупов выбрался человек. Это был молодой мужчина с длинными седыми волосами.

5

До покоев княгини Натальи Диона добралась, не встретив на пути ни одного препятствия. Княгиня сама, своим самоличным приказом, отправила всех до одного охоронцев на бой с воинством Бычеголова, оставив княжий дворец без защиты.

Распахнув дверь покоев княгини, Диона переступила через порог. Наталья стоял посреди комнаты, сложив руки на высокой груди. Голова ее была не покрыта, густые светло-русые волосы рассыпались по плечам.

– Княгиня! – выдохнула Диона и захлопнула за собой дверь.

Наталья смотрела на неожиданную гостью сухим, холодным взглядом.

– Кто ты? – спросила она. – И зачем сюда пришла?

Диона сжала кулаки и ответила, глядя княгине в глаза:

– Мне нужен золотой посох Егры. Я пришла за ним.

Наталья усмехнулась и презрительно проговорила:

– Поди прочь, замарашка!

Диона, не сводя с княгини яростного взгляда, вынула из ножен длинный узкий кинжал.

– Я не уйду без посоха, – сказала она. – Тебе придется отдать его мне.

Наталья окинула дерзкую незнакомку с головы до ног холодным неприязненным взглядом и, дернув щекой, сказала:

– Ты думаешь, что я боюсь тебя? Глупая девчонка. Ты можешь убить меня, но я не дам тебе то, что ты просишь.

– Ну так я сама возьму его!

Диона окинула взглядом комнату и увидела золотое навершие посоха, торчащее из-за богатого резного комода. Она двинулась в комод, но Наталья преградила ей путь:

– Нет!

– Уйди с дороги, княгиня! – потребовала Диона гневным, рокошующим голосом.

Наталья протянула руку и взяла со стола нож, которым до прихода неожиданной гостьи резала фрукты. Диона шагнула вперед, и Наталья махнула у нее перед лицом своим ножом.

Однако Диона была опытным и умелым воином, а Наталья никогда не держала в руках боевое оружие. Диона легко увернулась от ножа и изо всех сил ударила княгиню рукоятью кинжала по затылку.

Наталья, не успев даже вскрикнуть, рухнула на пол. Ее светлые волосы огромным веером разметались по половицам. Диона перешагнула через княгиню и двинулась к комоду.

Крытый золотом посох оказался еще тяжелее, чем она думала. Диона сунула кинжал за пояс и достала из кармана охотничьей куртки небольшой позолоченный ключик, снятый со связки, добытой Бычеголовом.

Под навершием посоха она увидела щель, похожую на замочную скважину.

Диона вставила ключик в щель и повернула его. В посохе шелкнула пружина, и часть навершия отошла в сторону. Диона запустила длинные тонкие пальцы внутрь и вынула из углубления небольшой черный камень.

В ушах у нее зазвучал негромкий, спокойный голос отца...

Белнон взглянул на дочь выпуклыми розовыми глазами – так внимательно, словно хотел досмотреться до самых темных глубин ее души.

– В Святилище Нуарана есть черная плита, – сказал он негромко. – На ней – письма, оставленные древним богом. Много веков назад в плиту попала молния и выбила один камень. Без этого камня и буквицы, которая высечена на нем, послание бога невозможно прочесть целиком. Но тот, кому удастся найти камень и вставить его на место, станет хозяином Нуарана, и черная плита Святилища выполнит любое его желание.

Диона прищурила зеленые глаза.

– Зачем ты мне все это рассказываешь, отец? – недоуменно спросила она.

– Колдунья Мамелфа охотится за камнем, – ответил Белнон усталым голосом. – Но если камень попадет к ней в руки, она сможет повелевать миром. Ты не должна этого допустить.

– Ты сказал, что камень висит на шее у князя?

Белнон прищурил розоватые глаза:

– Не совсем. На шее у него висит камень-двойник. А настоящий Ореол Власти князь Егра прячет в своем посохе.

– Неужто колдунья Мамелфа этого не знает?

Белнон улыбнулся.

– Я окутал посох облаком Силы, и колдунья не видит его. Но рано или поздно она доберется до камня, и тогда... – Белнон не договорил. Он положил руку на плечо Дионе и мягко сказал: – Добудь камень, дочка. Добудь и уничтожь. Брось его в зловонную трясины, чтобы он не достался никому.

– Хорошо, отец. Я добуду камень...

* * *

Диона сжала Ореол в ладони. Камень был теплый, пористый и почти ничего не весил.

– Я добыла его, – тихо проговорила она и быстро сунула камень в карман охотничьей куртки.

– Привет, Диона! – прозвучал у нее за спиной знакомый голос.

Она вздрогнула и обернулась. У двери стояли Лагин и атаман Самоха. Сердце Дионы заколотилось в груди.

– Что вам нужно? – резко спросила она.

– То, что ты положила в карман, – ответил Лагин. – Отдай мне камень, девочка. Отныне я – хозяин этого дворца, и камень должен принадлежать мне.

Пока стригой говорил, Самоха не спускал жадного взгляда с княгини Натальи. Когда Лагин закончил, он шагнул к ней. На мгновение атаман заслонил Диону от стригоя. Диона воспользовалась этим – она быстро вскочила на лавку, с нее – на подоконник, а с подоконника порхнула головой вперед в окно, проломив слюду.

Лагин взревел от ярости, схватил Самоху за шиворот и отбросил в сторону. Атаман, не успев ничего понять, перелетел через всю комнату и ударился головой о деревянную балку. В голове его что-то хрустнуло, он упал на пол и больше не поднимался.

Коснувшись земли, Диона быстро вскочила на ноги, схватила с телеги, стоявшей у стены, вилы и молниеносно воткнула их черенком в мокрую после дождя землю.

Черная тень стригоя нависла у Дионы над головой, и девушка резко отскочила в сторону. Лагин упал грудью на железные острия вил, рухнул вместе с вилами на землю и, скребя по земле длинными когтями, громко закричал.

От оглушительного крика раненого стригоя по коже Дионы пробежал мороз. Девушка повернулась и со всех ног понеслась по огромному подворью. Добежав до конюшен, Диона увидела две большие железные клетки, а в них – двух чудовищных птиц с перепончатыми крыльями.

Две пары круглых, злобных глаз уставились на Диону. Твердые, будто камни, клювы приоткрылись, и из двух чешуйчатых глоток вырвалось громкое змеиное шипение.

Диона на бегу выставила перед собой правую руку и властно проговорила:

– Покоритесь мне!

Затем подбежала к клетке и коснулась пальцами ближайшего замка. Замок с лязгом упал на землю. Диона распахнула железную дверцу и громко приказала:

– Выходи!

Спуржун-птица неуклюже выбралась из клетки и припала грудью к земле, позволив Дионе вскарабкаться к ней на спину.

– Лети! – приказала Диона.

Птица выпрямилась, распростерла огромные перепончатые крылья, пробежала несколько шагов и, оттолкнувшись мускулистыми ногами от земли, взмыла в воздух.

6

Когда Глеб вбежал в покои княгини, Наталья сидела на полу и, мучительно морщась, терла пальцами виски. Светлые волосы ее были испачканы кровью.

Услышав шум, княгиня подняла лицо и взглянула на Глеба подернутыми поволокой, ничего не выражающими глазами.

– Где она? – быстро спросил Глеб. – Где Диона?

– Ди... – Княгиня обессиленно сомкнула губы и снова принялась тереть пальцами виски. Она явно была не в себе.

Глеб быстро осмотрел комнату, на мгновение остановился взглядом на теле атамана Самохи, темной грудой лежащем на полу, и снова посмотрел на княгиню.

– Наталья, где Диона? – повторил он свой вопрос, повысив голос. – Темноволосая девушка! Она была здесь!

Наталья ничего не ответила, но тут взгляд Глеба упал на окно, и он сам все увидел. Огромная птица взмыла в воздух и стремительно понеслась над крышами построек. На спине у нее, крепко обхватил руками чешуйчатую шею, сидела Диона.

Глеб бросился к окну. И тут он увидел нечто такое, что заставило его раскрыть от изумления рот. В небо вспорхнула еще одна птица, похожая на огромную летучую мышь. Плечи ее венчала уродливая седовласая голова стригоя.

– Твою мать! – выругался Глеб и вскочил на лавку.

С лавки он перепрыгнул на стол, со стола шучкой сиганул в окно. Приземление вышло не совсем мягким – перекатившись через голову, Глеб ударился левым коленом о колесо телеги.

Он зашипел от боли, поднялся на ноги и огляделся.

Неподалеку валялись вилы со сломанным черенком и погнутыми окровавленными остриями. Трава и земля вокруг были забрызганы черной кровью Лагина.

Глеб, прихрамывая, побежал по подворью. Свернув за угол, он увидел возле конюшен две клетки. Дверца одной из них была распахнута, а сама клетка – пуста. Во второй сидела, уставившись на Глеба злобными глазищами, спуржун-птица.

Глеб остановился перед клеткой. Что делать дальше – он не знал. Спуржун-птица – тварь свирепая и своенравная. И, уж конечно, она не пустит Глеба на свой загривок. Как заставить крылатую тварь служить себе?.. Интересно, что сделал бы на месте Глеба охотник Громол?

Глеб представил себе высокую фигуру охотника, гордое лицо и вдруг припомнил его давние слова, к которым сам он когда-то отнесся скептически:

– Воздух Гиблого места пронизан Силой. Ты так часто ходил в Гиблое место, что сам стал его частью. Прислушайся к себе и почувствуй эту Силу. А потом попробуй использовать ее. Только будь осторожен. Если обращаться с Силой неправильно, она погубит тебя.

Глеб прикрыл глаза и сосредоточился. По рукам его пробежала теплая волна, а в голове словно зазвучала какофония звуков. Он еще больше сосредоточился и попробовал вычленив из этой какофонии внятную и чистую мелодию.

Как ни странно, удалось! Глеб открыл глаза и поразился тому, что увидел. Мир изменился. Краски стали сочнее, очертания предметов – четче.

Глеб почувствовал себя сильным и всемогущим. Он поднял руки и с удивлением посмотрел на них. Руки как руки, разве что легкое золотистое сияние исходит от них. Откуда же тогда взялось ощущение, что он может взяться этими руками за железные прутья клетки и безо всяких усилий раздвинуть их в стороны?

Почти не осознавая, что делает, Глеб шагнул к клетке...

Прутья поддались сразу. Крылатая тварь будто что-то почувствовала – она нахохлилась и забилась в самый дальний угол клетки, поглядывая оттуда на Глеба настороженными, сердитыми глазами.

Глеб вырвал несколько железных прутьев и отшвырнул их в сторону. Затем взглянул на крылатую тварь и властно крикнул:

– Выходи!

В горле птицы что-то клокотнуло. Неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, она послушно заковыляла к пролому.

Глеб посторонился и дал спуржун-птице выйти на волю. Подождал, пока чудовище расправит крылья и поднимет голову, а затем прыгнул ему на спину.

«Боже, что я делаю!» – пронеслось в голове у Глеба, но в следующее мгновение он обхватил скользкую шею спуржун-птицы руками и рывкнул:

– А теперь – лети!

Спуржун-птица распростила перепончатые крылья и побежала вперед. Рывок – и вот они уже в воздухе. У Глеба захватило дух, и он крепче вцепился руками в шею твари. Птица поднималась все выше и выше.

Далеко впереди, почти у самого горизонта, Глеб увидел две черные точки.

– Лети за ними! – приказал Глеб, перекрикивая ветер.

Чудовище широко взмахнуло крыльями и стремительно понеслось по серому, так и не прояснившемуся после дождя небу, на запад – в сторону Гиблого места.

7

Небо по-прежнему было серым от мороков. Небольшая полянка поросла осокой, там и тут из земли торчали черные, словно обугленные, коряжины. Вокруг полянки темнел непролазный лес-глушняк.

Неподалеку от черного зева пещеры, возле потемневшего от копоти огромного каменного идола, горел большой жертвенный костер. Однако жрецов поблизости не было.

Спрыгнув со спины спуржун-птицы, Диона приказала:

– Лети прочь!

Чудовище взмахнуло крыльями и взвилось в серое небо. Диона вынула из кармана черный камень и взглянула на него. По камню пробежал радужный всполох, и на его гладкой поверхности появился небольшой мерцающий значок. Недостающая буква в письменах павшего бога!

Диона сжала камень в ладони и быстро зашагала к пещере.

– Нет, Диона! – услышала она у себя за спиной хриплый крик стригоя.

Диона вздрогнула и со всех ног побежала к пещере. Однако убежать от стригоя было бесполезно. Мгновение – и вот он уже стоит перед ней, заслонив вход в пещеру.

Диона остановилась и хмуро взглянула на Лагина. Стригой улыбнулся.

– От меня невозможно убежать, – сказал он. Затем покосился на черный зев пещеры и прищурил синие глаза. – Значит, это и есть святилище Нуарана? Скажу тебе честно, я

ожидал чего-то большего.

Диона рванулась с места и хотела обежать стригоя стороной, но Лагин вновь возник у нее на пути.

– Отдай мне Ореол, Диона, – спокойно произнес он.

Диона прижала камень к груди.

– Ты не понимаешь! – отчаянно выкрикнула она.

– Нечего тут понимать. Этот камень – символ власти. Не знаю, что за чудеса он способен творить, да и не хочу знать. Мне нужна власть, Диона. Только став властелином мира, я перестану быть в нем изгоем. – Лагин протянул руку. – Отдай мне его! Отдай, и я отпущу тебя!

Диона прижала камень к груди.

– Глупец, – выдохнула она. – Ты хочешь власти? Всего лишь власти? Да ведь этот камень способен уничтожить мир!

Лагин дернул щекой:

– Чушь!

– Чушь? Подумай сам: откуда ты узнал о нем?

Стригой опустил руку и задумчиво нахмурился. По лицу его вдруг пробежала тень, и он неуверенно проговорил:

– Удивительно, но я не помню. Но это и не важно.

– Это важно! – выпалила Диона. – Ты не помнишь, потому что про камень тебе сказала колдунья Мамелфа! Она забрала твое живое сердце и околдовала тебя своими чарами! Ты пытаешься добыть камень не для себя, а для нее!

Лагин сжал зубы. Несколько секунд он думал, а затем презрительно произнес:

– Чушь. Я был ранен. Мамелфа исцелила меня и отпустила на все четыре стороны.

– Коварная и алчная ведьма исцелила тебя и отпустила, ничего не взяв взамен? – Диона усмехнулась. – Ты сам-то себя слышишь, ученый муж?

На лице Лагина появилось выражение озабоченности. Еще несколько секунд он размышлял над словами девушки, потом сдвинул брови и, резко протянув руку, рывкнул:

– Хватит болтать! Отдай мне камень, и я сам рассужу, что мне с ним делать!

Диона швырнула Ореол на траву и резко подняла перед собой руки. Два темных, страшных глаза уставились с ладоней девушки на стригоя.

Лагин усмехнулся, поднял с земли прут и резко стегнул Диону по ладоням. Глаз, раскрывшийся на правой руке девушки, лопнул и потек кровью.

Стригой ударил снова. Повалив Диону на землю, он стал избивать ее прутом, стараясь выстегнуть второй глаз, но девушка крепко сжала ладонь и перевернулась на живот, подмяв руку под себя.

– Тварь! – злобно проговорил Лагин. – Думала, сможешь меня обмануть? Получи!

Он еще несколько раз ударил Диону, затем бросил измочаленный прут на землю, нагнулся и поднял Ореол с земли. Поднес его к глазам и прищурился.

– Говоришь, с его помощью можно уничтожить мир? А что – неплохая идея. Но я не думаю, что...

Договорить стригой не успел. Черная тень метнулась к нему из кустов бузины. Что-то сбило Лагина с ног, и шею его обвили тонкие сильные руки. Голая, поросшая рыжеватой шерстью девка оседлала кровососа и приблизила свое лицо к его лицу.

Белые глаза ее, похожие на бельма с черными точками посередке, светились злобным огнем, изо рта торчали острые, как гвозди, зубы.

– Рута? – ошеломленно воскликнул Лагин. – Этого не может быть! Я ведь убил тебя!

– Убил... – прошипело чудовище. – А я, вишь, воскресла...

Рута запрокинула голову и залилась визгливым смехом.

Лагин зарычал, как зверь, и одним рывком сбросил с себя Руту. Потом вскочил на ноги и ударил ее сапогом в тощую грудь. Стригоиха откатилась в сторону и, уставившись на Лагина белыми, страшными глазами, спросила тонким, насмешливым голосом:

– Что такое, господин? Ты больше не любишь свою маленькую Руту?

Лагин попятился, не сводя с Руты хмурого взгляда.

– Не знаю, что с тобой произошло, но выглядишь ты ужасно, – сказал он. – Убирайся прочь. Ты годна лишь на то, чтобы пугать заблудившихся путников.

На земле шевельнулась Диона, и Лагин быстро повернулся к ней. Рута вскочила на ноги и бросилась на Лагина. Сбив ученого мужа с ног, стригоица протащила его по траве, взвилась вместе с ним в воздух и прыгнула в жертвенный костер.

Огонь объял тела нежитей мгновенно.

– Прочь! – орал Лагин, пытаясь вырваться из цепких объятий обезумевшей Руты. – Пусти меня, ведьма! Пусти!

Но ответом ему был лишь визгливый смех. Долго не сдавался Лагин, пытаясь выбраться из костра. И в конце концов ему это удалось. Стригой прополз обгоревшим брюхом по пылающим углям и выкатился из костра.

Но было слишком поздно. Обугленные ноги с хрустом отвалились от пылающего тела. Лагин приподнял обугленную голову и прошамкал обгоревшей челюстью:

– Ди... она...

Челюсть его отвалилась, и голова рассыпалась в прах.

Диона встала с земли и, пошатываясь, подошла к Ореолу. В лесу кто-то жалобно таякнул. Диона остановилась, огляделась по сторонам и окликнула:

– Черныш? Это ты?

Из чащобы на усыпанную коряжинами лужайку вышел черный пес. Завидев Диону, он радостно завилял хвостом и побежал к ней.

– Черныш! – Диона улыбнулась и протянула руку ему навстречу. – Как ты здесь оказался, глупый пес?

Не добежав до Дионы всего одного шага, Черныш остановился и уставился ей в глаза. Пасть пса приоткрылась, и Диона услышала тихий старушечий шепот:

– одичан... тройчан...ядовитым взглядом... оцепени... преврати живое в мертвое...

Черныш, не спуская с лица Дионы черных, бездонных глаз, сделал еще шаг, но тут чья-то сильная рука схватила пса за шиворот и подняла его в воздух.

Пес зарычал и попытался ухватить руку, но не дотянулся, и зубы впустую лязгнули в воздухе.

– Вот за это я и не люблю собак, – сказал Глеб и, дав псу хорошего пинка, зашвырнул его в кусты.

Пес заскулил и затрусил в лес. Глеб хмуро посмотрел ему вслед, потом скользнул взглядом по обугленному скелету Лагина и снова посмотрел на Диону.

– Цела? – коротко спросил он.

– Да, – хрипло ответила девушка. – Как ты сюда добрался?

– Заказал такси, – ответил Глеб. Он нагнулся и поднял из травы черный камень. – Значит, это и есть Ореол Власти?

Диона облизнула губы и быстро спросила:

– Ты знаешь про него?

Глеб кивнул:

– Да. Мне рассказывал Громол. Это камень, отвалившийся от Нуарана. Кстати, а где этот Нуаран?

– У тебя за спиной, – сказала Диона.

Глеб обернулся и посмотрел на черный зев пещеры.

– Ты пойдешь туда? – спросила Диона тревожным голосом.

Глеб нахмурился.

– Говорят, черная плита исполняет любые желания. У меня как раз есть одно желание.

Пару мгновений Диона молчала, а затем бросилась на Глеба и попыталась выхватить Ореол у него из пальцев. Глеб быстро отвел руку.

– Диона, прекрати.

– Дай! – крикнула в отчаянии Диона. – Дай его мне! Мы должны уничтожить Гиблое место!

– Что? – Глаза Глеба широко распахнулись от изумления. – Ты хочешь уничтожить Гиблое место?

– Да!

Ходок снова сдвинул брови, покачал головой и сказал:

– Извини, но я не уверен, что это будет правильно. Ваше Гиблое место – часть природы. К тому же, это чудо. Через тысячу лет чудес в мире совсем не останется. И я не хочу приложить к этому руку.

Брови Дионы дрогнули. Она заглянула Глебу в глаза и жалобно пробормотала:

– Пожалуйста, Глеб. Уничтожь Гиблое место.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, потом Первоход с трудом отвел взгляд.

– Даже не думай, – сухо сказал он. – Ко мне в голову ты не заберешься.

– Нелюди должны погибнуть! – с болью и отчаянием в голосе воскликнула Диона. – Мы уроды! Ошибка богов! Мы не должны жить!

Глеб посмотрел на камень.

– Возможно, в этих мутациях есть смысл, – пробормотал он. Затем вздохнул и, глянув на Диону, сказал: – Прости, но я не позволю тебе уничтожить Гиблое место.

Девушка обессиленно опустилась на траву.

– Помнишь, ты говорила, что судьба начертана на прибрежном песке? – спросил ее Глеб. – Ты ошиблась. Судьба высечена на камне. И камень этот называется Нуаран. Я должен идти, Диона. Прощай и будь счастлива.

Глеб отвернулся и зашагал к пещере. Диона хотела закричать и броситься ему вслед, но руки и ноги ее странно оцепенели. Она снова тяжело опустилась на землю и с ужасом уставилась на свое деревенеющее тело.

– Одичан... тройчан... – прозвучал у нее в ушах далекий голос колдуньи Мамелфы. – ...Ядовитым взглядом... оцепени... преврати живое в мертвое...

Диона с отчаянием посмотрела Глебу вслед и разомкнула губы, но не смогла выговорить ни слова.

«Боги-думраны!.. – беззвучно взмолилась она тогда. – Помогите мне! Я не хочу умирать!»

С век Дионы скатились слезы и тут же застыли на ее окаменевших щеках, подобно двум каплям прозрачного белого янтаря.

8

Ощущение необыкновенной силы и мощи не покидало Глеба. Он смело шагнул в пещеру, но остановился на каменном пороге, пораженный величиной и формой Святилища. Пещера была безупречно круглой и воистину огромной – с футбольное поле в диаметре.

Повсюду горели свечи – сотни, а может, тысячи свечей. По всей пещере в странном порядке были разбросаны черные валуны.

Недалеко от входа стояла вертикально черная плита со слегка закругленными углами. Высотой она была в человеческий рост. Сжав в руке камень Власти, Глеб двинулся к этой плите.

И вдруг пещера пришла в движение. Глеб увидел, что черные валуны растут, выпрямляются и превращаются в человеческие фигуры.

А вскоре он уже смог разглядеть, что это были за фигуры – высокие, худые, закутанные в черные плащи, с надвинутыми на лица капюшонами. Жрецы Нуарана. Их было не меньше полусотни.

Глеб остановился, не дойдя нескольких шагов до плиты, и громко проговорил:

– Жрецы Нуарана, я пришел к вам с миром!

Жрецы стояли, как черные каменные глыбы, и не шевелились. Глеб подождал немного, потом поднял над головой камень Власти и крикнул:

– Я принес камень! Позвольте мне вставить его на место!

По пещере пробежал ледяной ветер, шевельнув на лицах жрецов черные капюшоны. И вдруг могучий хор голосов сотряс своды пещеры:

– МЫ РАЗРЕШАЕМ ТЕБЕ ПРИБЛИЗИТЬСЯ К НУАРАНУ, ЧУЖЕЗЕМЕЦ!

Орлов вздрогнул от неожиданности и едва не выронил камень. Жрецы говорили хором, слово в слово, звук в звук, и капюшоны шевелились на их лицах одинаково, словно это был один жрец, который отражался сразу в полусотне зеркал.

Глеб шагнул к плите. Он увидел, что ее гладкая черная поверхность испещрена мерцающими письменами.

Выемку от недостающего камня он заметил сразу. Глеб протянул руку, вставил камень в выемку, убрал руку и сказал, глядя на черный монолит Нуарана:

– Послушай, плита... Не знаю, что ты такое, но я принес недостающий камень, и теперь ты должна мне помочь. Выполни мое желание.

По гладкой поверхности Нуарана пробежали радужные всполохи. И снова своды пещеры дрогнули от хора голосов:

– НАЗОВИ СВОЕ ЖЕЛАНИЕ, ЧУЖЕЗЕМЕЦ!

– Я... – Глеб облизнул пересохшие губы. – Я хочу... – Он осекся и неуверенно повел плечами. – Послушайте... – Глеб повернулся к жрецам: – А вы уверены, что это сработает?

– НАЗОВИ СВОЕ ЖЕЛАНИЕ! – пророкотали те в ответ.

Глеб облизнул пересохшие губы.

– Ну, хорошо, – пробормотал он. – Раз вы говорите...

И тут Глеб увидел Диону. Девушка лежала на траве, недалеко от входа в пещеру. Лицо ее было поднято к небу, открытые глаза не мигали.

Глеб нахмурился.

– Что за черт? Что с Дионой?

– ПРИЗРАЧНЫЙ ПЕС МАМЕЛФЫ УБИЛ ЕЕ! – грозно пророкотал хор жрецов.

На лице Глеба появилось беспомощное выражение.

– Значит, я пришел слишком поздно? Но... этого не может быть. Это была просто собака.

Жрецы молчали. Глеб сглотнул слюну и громко спросил:

– Вы можете ей помочь?

– ЕЙ УЖЕ НИЧТО НЕ СМОЖЕТ ПОМОЧЬ! – ответили жрецы.

– Что ж... – Глеб вздохнул. – В таком случае, мне здесь больше нечего делать.

Он снова повернулся к черной плите:

– Нуаран, я хочу... Хочу... Черт! Пусть она будет жива!

Глеб зажмурил глаза, ожидая вспышки, раската грома или чего-нибудь подобного, но ничего не произошло. Выждав несколько секунд, он снова открыл глаза.

Диона сидела на траве и растерянно смотрела на свои руки.

– ОНА БУДЕТ ЖИТЬ! – хором сказали жрецы за спиной у Глеба. – НУЖНО ВЕРНУТЬ ЕЙ СИЛУ, НО МЫ ПОЗАБОТИМСЯ ОБ ЭТОМ!

Глеб с тоской посмотрел на черную плиту, вздохнул и пробормотал:

– Кажется, я опять совершил дурость. Похоже, это входит у меня в привычку.

– ВОЗВРАЩАЙСЯ К ЛЮДЯМ, ЧУЖЕЗЕМЕЦ! – холодно прогудел хор жрецов. – ТЕБЕ ЗДЕСЬ НЕ МЕСТО!

Орлов тряхнул головой:

– Не хочу я куда-то идти! Слушайте, а что, если мне остаться здесь? Я могу стать одним из вас. Нет, серьезно. Я знаю несколько отличных песен. Разучим их и будем петь хором.

Жрецы молчали.

– У меня ваш камень, – угрожающе проговорил тогда Глеб. – Вы не можете мне отказать.

– ТЫ НУЖЕН ЛЮДЯМ! – хором изрекли жрецы.
Глеб криво ухмыльнулся.
– Да плевать я хотел на людей. Все, что я хочу, это вернуться домой. Да я и не смогу отсюда уйти. Спуржун-птица улетела.
– ТЫ ЗАБЫЛ ПРО КАМЕНЬ.
– Я уже использовал свое желание!
– ТЫ – ДА. НО МЫ – ЕЩЕ НЕТ.
Глеб помолчал, обдумывая слова жрецов, потом хмыкнул и сказал:
– Понимаю. Вы хотите вышвырнуть меня отсюда и не пожалеете для этого желания. Ладно, валяйте.
Глеб закрыл глаза.
– НУАРАН! – хором пророкотали жрецы. По черной плите вновь пробежали радужные всполохи. – ВЕРНИ ПЕРВОХОДА К ЛЮДЯМ!
Внезапно в голову Глебу пришла новая идея.
– Стойте! – крикнул он и открыл глаза. – Я не хочу к людям! Я хочу домой! Верните меня обратно в будущее! Используйте свое желание для этого!
– ПОЗДНО! – пророкотали безжалостные жрецы.
Пространство вокруг заколебалось, словно по нему пошли круги, как от брошенного в воду камня. Затем оно стало подергиваться дымкой и быстро выцветать. Голова Глеба закружилась, глаза подернулись пеленой.
Последнее, что еще оставалось в пределах видимости, это черная стена с загадочными письменами, по которой волнами пробегали радужные всполохи света.
Из последних сил зацепившись сознанием за реальность, Глеб протянул руку и коснулся пальцами камня.
– ОСТАНОВИСЬ, БЕЗУМЕЦ! – услышал он отчаянный хор жрецов. – ОСТАНОВИСЬ!
Глеб обхватил камень пальцами.
– ЕСЛИ ТЫ ЗАБЕРЕШЬ КАМЕНЬ, СТРАШНЫЕ СИЛЫ ВЫРВУТСЯ НА СВОБОДУ!
– Я хочу вернуться домой! – яростно крикнул Глеб. – И я туда вернусь, даже если мне придется разбить ваш проклятый Нуаран на куски!
Глеб напрягся и вынул камень из расщелины.
Десятки черных, крючковатых пальцев схватили Глеба за плечи и спину. Он успел услышать нарастающий рокот, будто что-то огромное устремилось из-под земли на поверхность, а потом потерял сознание.

Эпилог

Три дня спустя

Утро выдалось отменное. Небо очистилось от мороков и просветлело. От сочной луговой травы шел свежий и крепкий аромат медвяных цветов и росы. В траве мерно и задорно трещали кузнечики.
Глеб разжал руку и посмотрел на Ореол Власти. Забавный камушек. Сунь в лед и поддержи там час, а вынешь – он все равно будет теплым. А какой легкий! Легче губки.
– Первоход, они идут! – окликнул Глеба воевода Ратибор.
Глеб сунул камень в сумку-ташку, притороченную к поясу, и крепко стянул кожаную веревку. Волнение ратников передалось и ему.
– Внимание, стрелки! – скомандовал он. – Стрелять будете только по моей команде!
Десять стрелков приникли к ольстрам.
– Заряжающие, не зевать! – рявкнул Глеб. – Помните, успех кампании зависит не только от нашей меткости, но и от вашей быстроты!
Глеб посмотрел на стрелков. Это были лучшие лучники Ратибора. Три дня Глеб готовил их к этой схватке, обучая стрельбе из заговоренных вещуном Вакаром ружей. И вот пришло время проверить ольстры в бою.

Положение сложилось плачевное. Окруженные врагами и прижатые к болоту ратники изголодались и обессилели. Многие из них были готовы сдаться. Только присутствие Глеба вселяло в них хоть какую-то надежду на победу.

Вакар не потерял времени даром: гениальный мастер не только собрал десять превосходных ружей и усовершенствовал их конструкцию, но и сделал не меньше трех сотен патронов.

Однако больше всего Глеб надеялся на психологический эффект. Ни голядским ратникам, ни хазарским воинам, ни тем более лесным дикарям еще не доводилось видеть громовые «посохи Перуна» воочию.

Конечно же, первый залп не обратит неприятеля в бегство. Но как только враги увидят падающих замертво товарищей, они запаникуют. Обязательно запаникуют. Главное, чтобы стрелки не подвели.

Громко забили барабаны, затрубил боевой рог, и армия неприятелей двинулась в атаку.

– Первоход, пора стрелять, – негромко сказал кто-то из стрелков.

– Нет, – сухо ответил Глеб. – Подпустим ближе.

Сотни ратников надвигались на хлынцев в грозном боевом порядке, с копьями наперевес.

– Первоход, они уже близко, – взволнованно произнес Есень, самый молодой и нетерпеливый из лучников.

– Подпустим ближе, – жестко повторил Глеб, разглядывая врагов в прицел своей короткоствольной ольстры.

Вражеские полки продолжали надвигаться. Глеб видел блестящие панцири, шеломы, копья.

Широкий рукав рубахи сполз с левого предплечья Глеба, обнажив восемь шрамов-рубцов. Один из них стал гораздо бледнее других. В ушах у Глеба зазвучал хрипловатый голос ведьмы Мамелфы:

– Тебе уготованы десять испытаний, чужеземец. С каждым разом испытания будут все страшнее.

– Десять испытаний? И кому понадобилось меня испытывать? И каким будет последнее испытание? И что будет, когда я пройду через все эти испытания?

– Людям неведомы замыслы богов. Любое из этих испытаний может погубить тебя, и тогда ты не дойдешь до конца...

Погубить? Глеб усмехнулся и процедил сквозь зубы:

– Не дождетесь.

Неприятельская армада приближалась. Если не удастся обратить врагов в бегство, хлынцев ждет конец.

Глеб посмотрел на своих стрелков и заметил, как сильно они волнуются. Никогда прежде им не приходилось вступать в бой без луков, стрел, копий и мечей. Они не были уверены в своих силах.

Если первый залп будет безуспешным, нервы стрелков сдадут, и тогда они побросают ружья и побегут к своим воцеленным лукам. А это значит – конец.

Только бы стрелки не подвели...

– Целься! – громко скомандовал Глеб.

Стрелки прицелились. И тут вражеские ратники, перейдя на бег, ринулись на укрепления хлынцев.

Глеб выждал еще немного и, когда враги приблизились настолько, что он сумел разглядеть на физиономии одного из них яростный, злобный оскал, рывкнул:

– Пли!

Огненный залп из десяти ружей разорвал утренние сумерки в клочья и оглушительным эхом прокатился по просыпающемуся лесу...

Книга четвертая: «Посланники тьмы»

Глава первая

1

Осторожно и неторопливо пробирался молодой ходок Дивлян по Гиблой чащобе. Лес вокруг был темный и густой. Серого тумана в этом месте было меньше, чем в окружающих ложбинах. Он стлался по земле брюхом, как живой, с коварной ласковостью обвивал сапоги Дивляна, поднимался до колен.

Кое-где обрывки тумана висели между черных деревьев, не опускаясь и не поднимаясь. Натыкаясь на такие обрывки, Дивлян всякий раз останавливался и напряженно в них вглядывался.

Тишина в лесу стояла мертвая. Ни птиц, ни ветра. Лес будто бы впал в тяжелый, беспробудный сон.

Больше года назад вся чащоба затянулась непроницаемым серым туманом, и держался тот туман целый месяц. А как сошел – Гиблое место изменилось. Будто посуровело. И нечисть в нем завелась новая. И ходоки, которые сунулись туда, стали какими-то странными и неразговорчивыми и не рассказывали никому того, что видели. Двое ходоков опосля похода удавились, а еще один стал пить водку и допил до смерти.

Охотник-промысловик по прозвищу Вислоус, заплутав в тумане, забрел случайно в Гиблое место. Вернулся он оттуда через два дня, полностью поседевший.

Вислоус рассказывал, что видел в сером тумане какие-то быстрые тени и слышал вой столь страшный, что умер бы со страху, если бы вместо него не умерли его волосы.

Хозяин постоялого двора дал охотнику лучшую комнату. А ночью из этой комнаты донесся оглушительный вопль. Когда охоронцы вбежали туда, они увидели, что Вислоус сидит на полу, сжимая в левой руке меч, и испуганно глядит в темный угол.

Потрогав Вислоуса за лицо, охоронцы поразились. Кожа его была так холодна, а мышцы так тверды, будто помер Вислоус не только что, а, по меньшей мере, день тому назад.

После смерти охотника по княжеству пошли слухи, что теперь всякого, кто сунется в Гиблое место, ожидает смерть – даже если он вернется из чащобы живым и невредимым.

Тропа устремилась в низину, наполненную серым туманом. Дивлян не без робости ступил туда. Тяжко было у него на душе. Не пошел бы в Гиблое место, кабы не крайняя нужда. Пришел к нему три дня назад купец Бава Прибыток, а с ним еще двое, нездешних, и положили на стол большой кошель, тугой набитый золотыми солидами.

«Твой будет, – сказали, – коли сделаешь, как мы велим».

«Я не больно опытен», – пробовал отбrehаться Дивлян.

А Бава усмехнулся в усы, пригладил ладонью бороду да и говорит:

«Слыхал я, Дивляша, что ты ходил в учениках у самого Глеба-Первохода. Это дорогого стоит. К тому ж, никто из ходоков больше в Гиблое место не шастает. Набили себе карманы серебром да золотом, обленились. А ты, я слыхал, бос да гол. И сестры твои немощные калеки. Деньги-то небось нужны».

А кошель с золотом все лежал на столе, и глаз от него отвести было невозможно. Как тут не согласиться?..

Спустившись в низину, Дивлян прошел всего несколько шагов, когда заметил, что в одном месте туман стал сгущаться. Сгусток тумана шевельнулся и вдруг неторопливо поплыл в сторону Дивляна. Чем ближе он был, тем четче становились его очертания. И вот уже не сгусток тумана, а человек – призрачный, туманный – шел бесшумно по сырой, темной траве.

Дивлян открыл от изумления рот и попятился назад. Под каблуком его сапога тихонько хрустнул мокрый валежник. Туманный человек остановился и повернул голову в сторону Дивляна. Ходок поспешно отпрянул за дерево, но перед тем успел заметить, что вместо лица у странного туманного человека было пустое, ровное место.

Дивляна пробрал лютый ужас. Колени его ослабли, волосы на голове встали дыбом.

«Бог Семаргл, не дай мне пропасть! – беззвучно взмолился ходок. – Клянусь, никогда больше не сунусь в Гиблое место! Дай только унести отсюда ноги, дай вернуться к мамке и сестрам! Они без меня пропадут!»

Выждав немного, Дивлян осторожно выглянул из-за дерева – выглянул и вздрогнул. Безликий человек стоял прямо перед ним.

Дивлян вскрикнул, повернулся и бросился бежать. Однако пробежать получилось всего несколько шагов. Потом что-то сильно толкнуло Дивляна в спину, он потерял равновесие и упал на землю. Хотел подняться, но туман навалился на него, как огромное, потное, смрадно дышащее животное, и придавил к земле.

Дивлян поднатужился, выхватил из ножен меч и рубанул мечом по туману, но меч увяз в этом тумане, как в глине. И вдруг кто-то с силой вырвал меч из пальцев Дивляна. Ходок увидел, как что-то черное стремительно приближается к нему сквозь туман, а в следующее мгновение что-то схватило его за ноги и подняло в воздух.

В это мгновение Дивлян забыл, что он уже мужчина, забыл, что ему уже восемнадцать лет и что в жилах у него бежит кровь потомственного охотника. Он набрал полную грудь воздуха и закричал:

– Мама!

Левую руку Дивляна пронзила боль, горячие капли брызнули ему на лицо. Дивлян скосил глаза влево и увидел, что руки у него больше нет, а вместо нее торчит белая, страшная, измазанная кровью кость.

Что-то темное мелькнуло у Дивляна перед глазами, и вслед за тем серое, безликое лицо, сотканное из клубящегося тумана, приблизилось к его лицу. Словно это сама тень Дивляна глядела на него.

– Кто ты? – с ужасом и тоской крикнул он в эту тень. – Что ты такое?

На мгновение Дивлян показалось, что он увидел два черных бездонных глаза, и тут чашебу потряс громкий, гортанный, нечеловеческий смех.

Дивлян снова хотел закричать, но холодная черная мгла устремилась ему в рот, втекла в глаза и выморозила внутренности.

(Продолжение читайте в романе «Посланники тьмы»)